

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 3 (9)
2012

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

Зиннуров Ф.К. - ответственный редактор, к.пс.н., доцент;
Мионов С.Н. - заместитель ответственного редактора, к.и.н., доцент;
Хисамутдинов Ф.Р. - заместитель ответственного редактора, к.ю.н., доцент;
Кабилов Д.Э. - ответственный секретарь редакционной коллегии, к.и.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Р.Р., д.ю.н.;
Ахметзянова Г.Р., к.фил.н., доцент;
Валеев А.Б., к.филос.н., доцент;
Гарафутдинов М.Р., к.ю.н., доцент;
Згадзай О.Э., к.ф.-м.н., доцент;
Казанцев С.Я., д.пед.н., к.ю.н., профессор;
Клетнева Е.Г., к.ю.н., доцент;
Комлев Ю.Ю., д.с.н., профессор;
Марданов Д.Р., к.пед.н., доцент;
Муратова Н.Г., д.ю.н., профессор;
Синников В.Б., к.пед.н., доцент;
Сундууров Ф.Р., д.ю.н., профессор;
Талан М.В., д.ю.н., профессор;
Фаткуллин Ф.Ф., к.фил.н., доцент;
Шалагин А.Е., к.ю.н., доцент;
Шляхтин Е.П.

Выпускающий редактор
Хрусталева О.Н., к.пед.н., доцент

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-50418
от 29 июня 2012 г.

Подписано в печать 06. 09.2012 г.
Формат 60x84 1/8
Усл.печ.л.11,6 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

©Казанский юридический институт
МВД России
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
vestnikkui@mail.ru
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Межведомственный круглый стол «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)».....

3

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Кабанов П.А.

Анализ статистических показателей о жертвоприношении коррупции в Республике Татарстан (2007-2009 гг.).....

4

Хафизова Л.С.

Факторы коррупционности в современной России.....

10

Газимзянов Р.Р., Лабутин А.А.

Противодействие коррупционным преступлениям в сфере реализации приоритетных национальных проектов в Республике Татарстан: анализ экспертных оценок.....

18

Шакирьянов М.М.

Современные подходы к определению понятия «коррупция»

22

Шевко Н.Р.

Борьба с коррупцией: отечественный и зарубежный опыт.....

25

Ненароков С.В.

Особенности привлечения к ответственности руководителей ОВД за преступления коррупционной направленности в сфере управления органами внутренних дел.....

29

Сахапов И.Р.

Факторы, детерминирующие совершение преступлений коррупционной направленности в ОВД.....

36

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Шалагин А.Е.

Ответственность за выпуск и реализацию недоброкачественной продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.....

40

Косорукова Е.В.

Особенности причин вовлечения несовершеннолетних в группировки экстремистской направленности в Российской Федерации.....

44

Алабердеев Р.Р.

О международном опыте борьбы с налоговыми преступлениями.....

50

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ОРА

Хайдаров А.А.

Ограничение процессуальных сроков при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: проблемы судебного следствия..... 56

Музеев А.И.

Внутреннее взаимодействие органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом..... 62

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Косоруков А.А.

Понятие договора безвозмездного пользования имуществом и его отличие от других договоров..... 70

Исхаков Э.Р., Аксенов С.Г.

Законодательство Петра Первого по обеспечению и защите прав по охране здоровья и лечения заболевших и раненых моряков военного флота России согласно Морскому уставу 1720 года..... 74

Нагоева М.А.

Полицейский арест в России (историко-правовой аспект)..... 78

Сабирова Л.Л.

Отдельные аспекты приватизации государственного и муниципального имущества на современном этапе..... 84

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Камалов Р.З.

О закономерностях развития системы тактики спортивной борьбы..... 93

Новик Н.Н.

Формирование коммуникативных способностей подростков с отклоняющимся поведением: проблемы и поиски их решения..... 99

Трибуна Молодым

Рылов К.В.

Регламентация наказания неоконченного преступления: некоторые проблемы толкования и правоприменения..... 102

Костромов В.Г.

Развитие финансовой системы и её институтов в экономике переходного периода..... 107

Гарифуллина А.Х., Сухарева О.С.

Электронный протокол как новый вид доказательства и новый элемент удостоверительного аспекта уголовного судопроизводства..... 111

Гарифуллина А.Х., Сафаров И.Г.

Предпосылки возникновения и развития упрощенных форм производства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации..... 118

Мазуренко А.П.

Преступления в сфере компьютерной информации: технический взгляд на квалификацию и признаки состава преступления..... 123

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 126

**Межведомственный круглый стол
«Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические
последствия (распределение жертв)»**

27 декабря 2011 года в Казанском юридическом институте МВД России состоялся межведомственный круглый стол «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)», в котором приняли участие ученые и практические работники - представители различных служб и подразделений Министерства внутренних дел по Республике Татарстан, научные сотрудники группы по Республике Татарстан филиала ВНИИ МВД России по Приволжскому федеральному округу, представители вузов Казани и других городов.

Для обсуждения участникам научного собрания были предложены следующие вопросы:

- актуальные проблемы мониторинга общественного мнения о деятельности полиции;
- мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;
- проблемы информирования населения о реальном положении дел в сфере обеспечения общественной безопасности;
- формы взаимодействия органов внутренних дел со СМИ, трудовыми коллективами, населением по месту жительства для информирования их об особенностях оперативной обстановки, положительных результатах и имеющихся проблемах в деятельности ОВД;
- проблемы построения эффективной системы информационного обеспечения управленческой и правоприменительной деятельности полиции.

Предлагаем вниманию читателей нашего журнала основные выступления участников круглого стола «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)».

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОСЛЕДСТВИЯ КОРРУПЦИИ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ – СОЦИАЛЬНЫЕ И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕРТВ)»

27 декабря 2011 года в Казанском юридическом институте МВД России состоялся межведомственный круглый стол «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)», в котором приняли участие ученые и практические работники - представители различных служб и подразделений Министерства внутренних дел по Республике Татарстан, научные сотрудники группы по Республике Татарстан филиала ВНИИ МВД России по Приволжскому федеральному округу, представители вузов Казани и других городов.

Для обсуждения участникам научного собрания были предложены следующие вопросы:

- актуальные проблемы мониторинга общественного мнения о деятельности полиции;
- мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;
- проблемы информирования населения о реальном положении дел в сфере обеспечения общественной безопасности;
- формы взаимодействия органов внутренних дел со СМИ, трудовыми коллективами, населением по месту жительства для информирования их об особенностях оперативной обстановки, положительных результатах и имеющихся проблемах в деятельности ОВД;
- проблемы построения эффективной системы информационного обеспечения управленческой и правоприменительной деятельности полиции.

Предлагаем вниманию читателей нашего журнала основные выступления участников круглого стола «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)».

И.М. Гарипов, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института противодействия коррупции ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)», заслуженный юрист Республики Татарстан;

П.А. Кабанов, доктор юридических наук, доцент, член рабочей группы по взаимодействию со структурами гражданского общества президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, член Совета при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции, директор НИИ противодействия коррупции ОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН (2007-2009 гг.)

В общей структуре преступности в Республике Татарстан криминальное коррупционное поведение за период с 2007 года по 2009 год составило 1811 преступлений, что составило 0,001% от общего количества зарегистрированных преступлений. При этом в 2007 году фактов криминального коррупционного поведения было зарегистрировано 572, в 2008 – 636, а в 2009 – 603. Просматриваются колебания зарегистрированных коррупционных преступлений, которые, на наш взгляд, отражают не столько реальное положение в сфере коррупционной активности республиканского чиновничества, сколько интенсивность работы правоохранительных органов в этом направлении.

За этот же период на территории республики жертвами криминального коррупционного поведения было признано и учтено 327 потерпевших. Из них в 2007 году – 100 жертв, в 2008 – 111, а в 2009 – 116. Отмечается устойчивая тенденция к росту количества жертв криминального коррупционного поведения, хотя их доля в общей структуре жертв криминального поведения в Республике Татарстан не превышает 0,2%.

Необходимо отметить, что причиненный материальный ущерб жертвам криминального коррупционного поведения в рассматриваемый период составил 75 773 536 рублей. При этом в 2007 году он был равен 26 200 074 рублям, в 2008 году – 39 073 899, а в 2009 году – 10 499 563. Здесь отмечается очевидная тенденция – при снижении количества выявленных коррупционных преступлений снижается и

общий размер причиненного криминальной коррупционной деятельностью материального ущерба.

Следует обратить внимание на противоречивость статистических закономерностей (тенденций) криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан в рассматриваемый нами период. Очевидно, происходит снижение интенсивности деятельности правоохранительных органов по борьбе с криминальным коррупционным поведением. Эта тенденция выражается в следующем: а) в уменьшении выявленных коррупционных преступлений на территории республики в 2009 году по сравнению с предыдущим годом на 33 преступления, или 5,2%; б) в уменьшении размера причиненного коррупционными преступлениями материального вреда в 2009 году по сравнению с предшествующими 2008 годом в 3,7 раза и 2007 годом в 2,5 раза. Можно предположить, что правоохранительные органы Республики Татарстан стали выявлять не только меньше коррупционных преступлений, но и выявлять менее опасные коррупционные преступления, не причиняющие существенный ущерб интересам государства и общества.

Важнейшим показателем виктимологической характеристики криминального коррупционного поведения является структура жертв этого сложного явления. В анализируемый период в Республике Татарстан среди жертв криминального коррупционного поведения 222 потерпевших являлись физическими, а 105 – юридическими лицами. Соотношение первой кате-

гории жертв со второй показывает, что физические лица более чем в 2 раза чаще становятся жертвами криминального коррупционного поведения, чем юридические.

Вместе с тем, как свидетельствуют официальные республиканские статистические показатели, материальный ущерб, причиненный юридическим лицам, составил 72 578 653 рублей, а физическим 3 194 882. Соотношение этих показателей 1 к 22,5.

Несомненно, важнейшим показателем жертвоприношения коррупции является среднеарифметический размер материального вреда, причиненного в расчете на одну жертву криминального коррупционного поведения. Этот показатель по Республике Татарстан в рассматриваемый период составил: для юридических лиц 691 225 рублей, а для физических – 14 391, что в 48 раз ниже аналогичного показателя для юридических лиц.

Официальные региональные статистические показатели виктимности жертв криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан свидетельствуют о том, что наиболее часто жертвами этого явления выступают физические лица. Однако более всего материальный ущерб этим явлением причиняется не им, а юридическим лицам.

В криминологии принято структурно выделять криминальное коррупционное поведение на множество самостоятельных видов по различным основаниям. При этом при исследовании криминального коррупционного поведения наиболее распространенным является классификация коррупции по субъектам коррупционного поведения [1]. По этому основанию можно классифицировать и жертв криминального коррупционного поведения на два вида или группы: а) жертв коррупции внутри хозяйствующего субъекта или между хозяйствующими субъектами (корпоративной [2], коммерческой [3] или внутрифирменной [4]) и б) жертв государственной коррупции, то есть коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих [5]. В процессе исследования мы будем использовать указанные выше

термины с учетом их общепринятого содержания. Учитывая степень распространенности виктимологического анализа жертв криминального коррупционного поведения, не будем и мы отходить от устоявшейся научной традиции в изложении характеризующих это явление данных [6], тем более что её уже мы использовали ранее в своих исследованиях, перенимая опыт предшественников [7].

В общей структуре жертв криминального коррупционного поведения в рассматриваемый период наиболее уязвимыми выглядят жертвы коммерческого или внутрифирменного криминального коррупционного поведения (ст.ст. 201, 202 и 204 УК РФ). Хотя их в общей структуре криминального коррупционного поведения насчитывается всего 96 потерпевших, или 29,3% от их общего количества. При этом жертвы коммерческого криминального коррупционного поведения зарегистрированы неравномерно: в 2007 году – 53 потерпевших, в 2008 – 19, а в 2009 – 24.

Если взять другой показатель – размер причиненного материального вреда, то он составил в рассматриваемый период 66 777 085 рублей, или 88,1% из всего объема издержек, попавшего в республиканскую виктимологическую статистику. По годам он выглядит следующим образом: в 2007 году – 22 858 339 рублей, в 2008 – 34 591 126, а в 2009 – 9 327 620. Здесь необходимо отметить резкое в 3,7 раза снижение размера причиненного вреда по сравнению с предыдущим 2008 годом и снижение в 2,4 раза этого показателя по сравнению с 2007 годом.

Особый интерес вызывает ещё один показатель – среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву коммерческой коррупции, который составил в рассматриваемый нами период 695 595 рублей. При этом его динамические показатели выглядят следующим образом: в 2007 году – 431 289 рублей на одну жертву, в 2008 – 1 820 586, или рост в 4,2 раза, а в 2009 – 388 651, или снижение по сравнению с предыдущим годом в 4,7 раза и даже с 2007 годом на 10%.

Структурный состав жертв криминальной коммерческой коррупции выглядит следующим образом: 38 жертв – это юридические лица и 58 – физические лица. При этом очевидна стабильность в отношении жертв криминальной коммерческой коррупции юридических лиц: в 2007 и 2009 гг. их регистрировалось по 11 потерпевших, а в 2008 – 16. Тогда как с физическими лицами, признанными потерпевшими дело обстоит несколько иначе. Если в 2007 году их было учтено 43 потерпевших, то в следующем 2008 году лишь 3, а в 2009 уже 13.

Общий объем материального ущерба между ними распределился также неравномерно. На долю юридических лиц пришелся ущерб в 64 061 049 рублей, а на физических лиц – в 2 426 036 рублей. Соотношение размера причиненного материального ущерба между юридическими и физическими лицами составляет 31 к 1. Если брать изменение этого показателя по годам, то можно увидеть следующее: в 2007 году юридическим лицам жертвам коммерческой коррупции был причинен ущерб на сумму 22 559 073 рублей, в 2008 году – 33 591 126 рублей, в 2009 – 7 910 850. И здесь в последний год происходит резкое снижение количественного показателя – размера причиненного материального ущерба жертвам от криминального коммерческого коррупционного поведения.

Если же обратиться к данному показателю в отношении физических лиц, признанных потерпевшими от криминального коммерческого коррупционного поведения, то здесь обнаружим противоположную картину – постоянное увеличение материального ущерба этой категории жертв коррупционного поведения. Если в 2007 году размер материального ущерба этой категории жертв составил 299 266 рублей, то в 2008 – 710 000, или более чем 2,3 раза по сравнению с предыдущим годом. В 2009 году размер материального ущерба жертвам криминального коммерческого коррупционного поведения составил 1 416 770 рублей и превысил аналогичный показатель 2007 года более чем в 4,7 раза и

почти в 2 раза показатель предыдущего года. Чем вызвано такое поведение участников криминального коммерческого коррупционного поведения, однозначно сказать сложно. Хотя попытки объяснить это явление уже были. Так, Г.И. Райков и Д.К. Чирков объясняют этот феномен увеличением рисков быть привлеченным к уголовной ответственности за коррупционные правонарушения, вызванные активизацией деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией [8]. Возможно, это и так, но нам представляется, что причины таких закономерностей значительно глубже и более разнообразны.

Среднеарифметический размер материального ущерба на одну жертву корпоративного коррупционного поведения за рассматриваемый период на территории Республики Татарстан составляет на юридическое лицо – 1 685 817 рублей, а на физическое лицо лишь 41 828 рублей. Эти важные показатели (средние статистические величины) соотносятся между собой, как 40 к 1. Исследование среднеарифметического размера материального ущерба на одну жертву корпоративного коррупционного поведения в динамике отражает общие тенденции – рост на протяжении двух первых лет и резкое снижение в 2009 году. Официальные статистические сведения отразили в 2007 году анализируемый нами среднеарифметический показатель на одну жертву коммерческого коррупционного поведения-юридическое лицо – 2 050 825 рублей, в 2008 – 2 117 570, а в 2009 году лишь 719 168 или снижение рассматриваемого показателя почти в три раза. Если же анализируемый нами показатель применить к физическим лицам-жертвам криминального коммерческого коррупционного поведения, то мы обнаружим несколько иные закономерности.

Так, в 2007 году среднеарифметический показатель материального ущерба на одну жертву криминального коммерческого коррупционного поведения физическое лицо составил лишь 7 125 рублей, то уже в 2008 году этот показатель резко увеличился и составил 236 667 рублей, или возрос более чем в 33 раза по сравнению с преды-

душим годом. В 2009 году этот показатель составил 108 982 рублей, или в 15 раз выше аналогичного показателя 2007 года, но в 2 раза ниже, чем аналогичный показатель 2008 года.

Завершая исследование статистических закономерностей, характеризующих жертв криминального коммерческого коррупционного поведения, необходимо отметить, что на формирование официальных статистических данных оказывают влияние большое количество факторов объективного и субъективного характера, однако и имеющиеся свидетельства о том, что этим негативным явлением причиняется существенный материальный ущерб всем субъектам хозяйственных отношений, как юридическим, так и физическим лицам, другое дело, что этот ущерб распределяется неравномерно на всех зарегистрированных и учтенных жертв.

Переходя к рассмотрению виктимологической характеристики «государственной коррупции» на территории Республики Татарстан, необходимо отметить, что за исследуемый период было зарегистрировано и учтено лишь 232 жертвы данного вида коррупционного поведения, или 71% от общего количества жертв криминального коррупционного поведения. При этом отмечается «положительная» динамика рассматриваемого нами явления. Если в 2007 году жертвами «государственной коррупции» было признано 46 потерпевших, то в 2008 году их уже стало 92, или в 2 раза больше, тогда как в 2009 году таковыми было признано 94 потерпевших, и здесь мы видим небольшой рост.

Особый интерес вызывает структура жертв «государственной коррупции». За анализируемый нами период жертвами рассматриваемого нами вида криминального коррупционного поведения физические лица признавались 164 раза, а юридические лица – 66 раз, то есть физические лица почти в 2,5 раза чаще регистрировались жертвами «государственной коррупции».

Не менее интересна и динамика структурных изменений жертв «государственной коррупции». Так, согласно официальным региональным статистическим дан-

ными, в 2007 году были признаны потерпевшими от «государственной коррупции» 15 юридических лиц и 31 физическое лицо, в 2008 – 32 и соответственно 60, а в 2009 году – 19 и 73. Незвизрая на динамическую нестабильность показателей жертв «государственной коррупции» юридических лиц и постоянный рост другой категории жертв – физических лиц, можно с уверенностью констатировать тенденцию постоянного увеличения количества жертв «государственной коррупции» и прогнозировать их рост за счет физических лиц, в недалеком будущем на среднесрочную перспективу.

Рассматривая другой показатель жертвоприношения «государственной коррупции» в Республике Татарстан – размер причиненного материального ущерба, можно отметить, что за исследуемый период он составил 9 078 901 рублей. В динамике этот показатель выглядит следующим образом: в 2007 году он составил 3 424 185 рублей, в 2008 – 4 482 773, а уже в 2009 – 1 171 943. Если в 2008 году размер материального ущерба, причиненного «государственной коррупцией», увеличился по сравнению с предыдущим годом на 30%, то уже в 2009 году он снизился по сравнению с предыдущим годом в 3,8 раза, а по сравнению с 2007 годом в 2,9 раза.

Ценные сведения о закономерностях развития жертвоприношения «государственной коррупции» в Республике Татарстан в рассматриваемый нами период может заключать в себе показатель среднеарифметического размера материального ущерба на одну жертву, который составил 39 133 рубля. Проведенные нами математические расчеты свидетельствуют о том, что этот показатель динамично изменяется и эту динамику можно признать, с одной стороны, положительной – снижается вредоносность «государственной коррупции», а с другой – отрицательной – правоохранительные органы «запрограммированы» на выявление малозначительных коррупционных преступлений. В подтверждение первого положения можно привести следующие статистические данные: если в 2007 году среднеарифметический размер материального ущерба на одну

жертву «государственной коррупции» составил 74 439 рублей, то уже в 2008 году этот показатель снизился до 48 726 рублей, а в 2009 году снижение достигло 12 467 рублей.

Несомненную ценность представляют статистические сведения о структуре материального вреда, причиненного жертвам «государственной коррупции» в Республике Татарстан в исследуемый нами период. Наибольший материальный ущерб криминальным коррупционным поведением государственных и муниципальных чиновников причинен юридическим лицам – он составил 8 081 727 рублей, в меньшей степени физическим лицам – 997 174 рублей. Соотношение этого показателя между рассматриваемыми категориями жертв «государственной коррупции» равно 8 к 1.

Динамика изменения структурных показателей размера материального ущерба, причиненного криминальным коррупционным поведением государственных и муниципальных служащих, свидетельствует об уменьшении размеров материального ущерба, причиняемого как физическим, так и юридическим лицам. Так, в 2007 году юридическим лицам от «государственной коррупции» был причинен материальный ущерб в размере 2 978 237 рублей, а физическим лишь 445 948 рублей; в 2008 году юридическим лицам был причинен материальный ущерб на 4 019 292 рубля, а физическим лицам – 463 481 рубль; в 2009 году этот показатель изменился соответственно – на 1 084 198 рублей для юридических лиц и 87 745 рублей на физических лиц.

Общая закономерность ежегодного снижения размера материального ущерба жертвам от «государственной коррупции» отразилась и на среднеарифметических показателях как для юридических лиц, так и для физических. Так, для юридических лиц этот показатель снизился с 198 549 в 2007 году, до 125 603 рублей в 2008 году, или в полтора раза, и до 57 063 рублей в 2009 году, или почти в 3,5 раза по сравнению с 2007 годом и 2,2 раза по сравнению с 2008 годом. Для физических лиц среднеарифметический размер материального ущерба также снижался с 14 385 рублей в

2007 году, до 7 725 рублей в 2008 году и до 1 202 рублей в 2009 году.

Криминологический анализ показателей республиканской виктимологической статистики за рассматриваемый нами период позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, значительная доля жертв криминального коррупционного поведения находится за пределами официальной государственной региональной виктимологической статистики. Их признается таковыми правоохранительными органами республики меньше, чем самих коррупционных преступников. Во-вторых, наибольший материальный ущерб от криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан причиняется юридическим, а не физическим лицам, невзирая на их количественное превосходство в официальной статистике. В-третьих, наиболее опасно и вредоносно криминальное коррупционное поведение в коммерческих организациях, а не в сфере государственного и муниципального управления. В-четвертых, необходимо изменение стратегии борьбы правоохранительных органов с криминальным коррупционным поведением с выявления малозначительных деяний на противодействие наиболее опасным и вредоносным формам проявления коррупционного поведения, причиняющим значительный материальный ущерб жертвам.

Подводя итог изложенному, мы четко себе представляем, что все положения, высказанные в настоящей работе, не претендуют на бесспорность и окончательность. Для исследования статистических закономерностей виктимного поведения необходимо более точный учет всех жертв криминального коррупционного поведения и более длительный период времени статистического наблюдения для исследования их показателей. Мы надеемся, что время и официальные статистические данные дадут благотворную почву нам и нашим последователям для новых исследований жертв криминального коррупционного поведения в современном обществе и развития отечественной виктимологии коррупции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумов А. Коррупция: причины возникновения, влияние и методы борьбы // Следователь. – 2010. – №2. – С.46.
2. Вафан Дж.Ч. Коррупция в обществе в посткоммунистической России. Институциональные слабости и предлагаемые пути решения // Государство и право. – 2004. – №3. – С.103; Гельман М. Новая профессия термоса – теплотрасса. Приживется ли в России философия энергосбережения и будет ли далее процветать корпоративная коррупция // Промышленные ведомости. – 2006. – №7-8 – (июль, август); Казакова М.А. Корпоративная коррупция как один из факторов, влияющий на риск корпоративного мошенничества // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – 4 (12). – С.65-67.
3. Горелов А.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с «коммерческой» коррупцией // Преступность и коррупция: современные российские реалии: сборник научных трудов / под ред. проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2003. – С.315-328.
4. Панина Т. Взятки на броневиках // Российская газета. – 2004. – 19 мая; Удалова М. Почем народу служебные сладости чиновников // Красноярский рабочий. – 2009. – 6 нояб.
5. Талапина Э.В. Государственная коррупция как один из видов коррупции // Право и экономика. – 2006. – №6. – С.3-11; Агеев В.Н. Противодействие «государственной коррупции»: зарубежный опыт // Следователь. – 2008. – №8 (124). – С.57-60; Добренёв В.И., Исправникова Н.Р. Коррупция: современные подходы к исследованию: учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2009. – С.29.
6. Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности: криминологический анализ региональной криминальной статистики (на материалах Республики Татарстан) // Актуальные вопросы правового обеспечения антикоррупционной деятельности в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции 2 декабря 2008 г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С.91-97; Бикмухаметов А.Э., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционного поведения в Республике Татарстан: криминологический анализ региональной виктимологической статистики (по результатам 2008 года) // Следователь. – 2009. – № 6 (134). – С.21-22; Кабанов П.А., Садеев М.М. Жертвы коррупции в Республике Татарстан: анализ виктимологической статистики за 2008 год // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – №3. – С.129-131; Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А., Садеев М.М. Виктимологические аспекты коррупционной преступности в Республике Татарстан: криминологическое осмысление статистических показателей // Следователь. – 2008. – № 12 (128). – С.30-32.
7. Гарипов И.М., Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминологическая характеристика жертв коррупционной преступности в Республике Татарстан: анализ статистических показателей за 2008 год // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: материалы круглого стола, проведенного 20 ноября 2009 года / под ред. д-ра юрид. наук, доц. А.А. Юнусова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2009. – Вып.4. – С.42-45; Гарипов И.М. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан (результаты статистического наблюдения за период 2007-2009 гг.) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – №4 (16). – С.31-38.
8. Райков Г.И., Чирков Д.К. Коррупционный риск как следствие борьбы с коррупцией на современном этапе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – №4 (12). – С.93.

Л.С. Хафизова,
кандидат юридических наук,

ФАКТОРЫ КОРРУПЦИОННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассмотрение качественных явлений, присущих коррупции, закономерностей и тенденций в развитии коррупции, причин ее постоянной генерации, факторов, воздействующих на ее развитие и расширение, позволяет определить теоретические и практические подходы к выработке мер по предупреждению коррупции и борьбы с ней [1].

Само существование коррупционной преступности определяется, главным образом, общими причинами, детерминирующими преступность. В то же время коррупционная преступность имеет свои особенности в комплексе факторов, ее детерминирующих и определяющих её тенденции. Причём этот комплекс взаимосвязанных причин и условий весьма подвижен и трансформируем, что чрезвычайно наглядно показали последние два десятилетия развития нашей страны[2].

Важнейшее значение для анализа коррупции с точки зрения рассмотрения детерминирующих моментов данного преступного явления имеет определение этого понятия и выработка системы критериальных характеристик [3].

Ещё в 1979 году на 34 сессии Генеральной ассамблеи ООН была сформулирована следующая согласованная формулировка: «коррупция — это выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения» [4]. Множество определений коррупции дано и российскими правоведом [5].

Однако очень долгое время не существовало чёткого законодательного определения коррупции в российском правовом поле [6], и только в Федеральном законе «О противодействии коррупции» эта лакуна была заполнена. В первой статье этого правового акта говорится, что коррупция -

это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [7].

Из данного определения видно, что коррупция:

- в значительной степени связана с государственной службой и реализацией властных полномочий, и в силу этой прямой зависимости неизбежно оказывает в большей или меньшей степени воздействие на характер и содержание власти, прежде всего, на её репутацию в обществе. Это позволяет утверждать, что коррупция имеет, помимо криминального, политический характер, именно влияние коррупции на политические процессы обуславливает тяжёлые деформации развития всей совокупности государственных и общественных институтов [8];

- коррупция выходит за пределы взяточничества [9];

- она включает в себя nepotism (от латинского nepos - внук, племянник; перен. - кумовство), который, по мнению современных правоведов, «как девиантное (отклоняющееся) поведение государственных и муниципальных служащих не только детерминирует коррупцию, но деформирует и дискредитирует саму систему государственной службы, а также её этические (нравственные) и правовые основы» [10];

- многочисленные формы незаконного присвоения общественных ресурсов для личного, группового или корпоративного использования [11];

- коррупция как злоупотребление властью может осуществляться для получения выгоды не только в целях личного, но и корпоративного, кланового интереса. Это не всегда прямо связано с присвоением материальных ценностей, так как корпоративный интерес зачастую преследует политические цели — создание таких условий, при которых, возможно присвоение в будущем в личных и клановых целях материальных и финансовых средств [12];

- целый букет иных форм и проявлений коррупции: фаворитизм, протекционизм, незаконный лоббизм, вымогательство и прочее, и прочее [13].

Коррупционным явлением предстаёт и знаменитый российский феномен общественных отношений — «блат» (использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам доходов, привилегиям, оказание различных услуг родственникам, друзьям и знакомым) [14].

Выявление общих причин преступности вообще и коррупционной преступности в частности базируется на фундаментальном положении о преступности как совокупности взаимосвязанных социальных явлений («преступность — собирательное понятие») [15], которые порождают и воспроизводят преступность и преступления.

Факторы, детерминирующие коррупционную преступность, можно классифицировать по «содержанию или сферам социальной жизни»:... 1) правовые; 2) организационно-управленческие; 3) воспитательные; 4) идеологические; 5) социально-экономические; 6) нравственно-психологические; 7) другие причины и условия» [16]. Представляется, что из наличествующих в юридической литературе эта классификация наиболее подробна и детализирована, хотя сложно разграничить, например, факторы идеологические от воспитательных а их, в свою очередь, от психологических, ведь, по сути, речь идёт здесь о едином, неразрывном комплексе ментальности социума. Тем не менее главное в вышеприведенной констатации наличествует — понимание взаимосвязанности и взаимозависимости корруп-

циогенных причин и условий, и всё же целесообразным представляется выделить именно основные, сущностные факторы, детерминирующие коррупцию.

1. Административно-правовые факторы (охватывающие всю совокупность организационно-управленческой деятельности, включая сферу политики на всех её уровнях от федерального до муниципального уровней).

2. Социально-экономические факторы (включающие общественные практики реализации прав и потребностей личности (образовательные, медицинские и т.д.), реалии функционирования субъектов и объектов хозяйственной деятельности).

3. Факторы общественного сознания и поведенческих регулятивов (понимая их как культурные, нравственно-этические, психологические императивы коллективного и индивидуального поведения в обществе).

К числу **административно-правовых причин и условий** коррупционной преступности следует отнести:

- пробелы в законодательном определении коррупционного поведения [17] (не будем забывать, что само определение коррупции законодателем было сформулировано в декабре 2008 года);

- неоднозначность и противоречивость многих законодательных норм, открывающих множественные коррупционные «лазейки» и даже «дыры» [18];

- сохраняющееся господство ведомственного нормативного саморегулирования по отношению к законодательному, препятствующее эффективному контролю за предпосылками коррупции на уровне ведомств;

- несовершенство, а зачастую и полное отсутствие процедурной регламентации служебной и административной деятельности [19];

- минимальное количество явно прописанных административно-правовых запретов на различные виды коррумпированного поведения [20];

- существование многочисленных пробелов в законодательстве, определяющем «прозрачность» управленческой деятель-

ности, связанной с организацией финансовых (прежде всего бюджетных) потоков.

Коррупция как криминальное явление появилась и развивалась, прежде всего, в связи с экономикой, экономическими процессами в целом, с финансовыми и товарными потоками в особенности. Однако **социально-экономические факторы коррупции** нельзя сводить только к сфере хозяйственной деятельности, так как и низкая заработная плата, и «бытовая» образовательная и медицинская коррупция тоже уходят корнями в реалии экономического состояния страны [21].

Приходится констатировать, что «в настоящее время мы живём в экономически слабо развитом обществе... поэтому коррумпированность должностных лиц в различных структурах — продукт как слабо развитой экономической сферы, не способной удовлетворить потребности людей, так и отсутствия общественных норм, предписывающих определенный, установленный обществом образец поведения лиц, наделённых в силу их служебного положения рычагами власти и другими возможностями» [22]. Отсюда и вред, причиняемый коррупцией в экономике (особенно в топливно-сырьевой сфере), бьёт по интересам всего населения страны, и даже более того, ущемляет интересы будущих поколений.

Собственно **экономическая коррупция** представляет собой коррупционные формы экономической борьбы между отдельными представителями экономической элиты, группами (финансовыми, промышленными), корпорациями или отдельными лицами за завладение собственностью, финансами, товарами, за получение льгот, преференций, предпочтений в своей экономической деятельности, а также установление нелегитимных отношений между государственным служащим и конкретным гражданином с целью решения для последнего стоящего перед ним вопроса или проблемы [23].

Экономическая коррупция в концентрированном виде вбирает в себя различные преступления и ведет (что является наиболее опасным с точки зрения экономической безопасности государства) к разру-

шению экономики или ее одностороннему развитию, превращению государственного аппарата в инструмент удовлетворения частных экономических потребностей [24]. Это влечет за собой развитие негативных социальных процессов. Опасность экономической коррупции определяется также и тем, что она «кровно» связана с «теневой экономикой». Она возрастает на ее почве, затем стимулирует ее развитие и расширение.

Будучи связанной с «теневыми», «грязными» капиталами, экономическая коррупция быстро и разносторонне вплетается в организованную преступность. И в этой триаде (теневая экономика - организованная преступность - коррупция, как экономическая, так и политическая) начинает развиваться наибольшая опасность и для личности, и для общества, и для государства: формируется криминальное общество и криминальное государство. По-сути «теневой», преступный образ жизни и действий легализуется, становится нормой существования всё более и более значительных социальных групп [25]. Эти реалии, «из тени в свет перелетая», порождают тяжёлые социальные деформации, обрекают экономику на неэффективное развитие, уничтожают реальную конкурентную и инновационную среду развития [26]. Знаковой тенденцией становится переход от использования своеобразного «теневого права» [27] в сугубо криминальных взаимоотношениях к его реализации в социально-экономической сфере, что грозит «организацией общества не по законам, а по понятиям», что приведет к неизбежной дисфункциональности всего институционально-правового порядка в стране [28].

Мотивационный подход в экономической сфере коррупции предполагает наличие корыстной цели: завладение имуществом, финансами, получение льгот, преференций в экономической деятельности. И здесь, как и в случае с политической мотивацией, мотивация экономической коррупции шире уголовно-правового аспекта. Причина этого - появление рыночных отношений и связанных с ними различных форм хозяйственной, предприниматель-

ской, финансовой деятельности резко опережало ее законодательное закрепление и регулирование [29]. До сих пор многие аспекты и формы экономической коррупции выпадают из законодательного закрепления [30], что является следствием отставания закона, по объективным и субъективным причинам, а также результатом политического лоббирования [31], имеющего целью принятие законов, нужных конкретным и четко определённым группам деловых интересов. Не стоит забывать и того, что «руководителями коррупционных сетей часто являются самые высокопоставленные российские чиновники и политики» [32].

Оценочный подход предполагает приращение совершённого коррупционному деянию формы экономического преступления, хотя далеко не все такие деяния подпадают под соответствующие статьи УК. Экономические проблемы коррупции ещё более многообразны и сложны, чем политические. Их многообразие определяется, прежде всего, многообразием экономических отношений и экономической, хозяйственной и финансовой деятельности всех субъектов экономических отношений - от рядового гражданина до государства. Кроме того, очень широк в этой сфере спектр внебюджетных коррупционных выгод, особенно в контексте переплетения бизнес-интересов и властных полномочий. Сложность анализа определяется в данном аспекте ещё и тем, что экономические проблемы коррупции имеют двойное значение. С одной стороны, в них отражается вся сумма конкретных преступных и «легитимизированных» деяний. С другой стороны, они могут рассматриваться в качестве причин коррупции, факторов, способствующих ее развитию и расширению [33].

Факторы общественного сознания и поведенческих регулятивов коррупции в современном российском обществе, пожалуй, сложнее всего классифицировать и выстроить некую иерархическую схему. Слишком многослойными являются пересечения и причинно-следственные взаимосвязи в психологии и деятельности, как общества, так и конкретного индивидуума

[34].

Психологические причины и условия коррупционной преступности включают:

- многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе в России [35];

- традиционно низкий уровень восприятия населением правовых норм об ответственности за подкуп в любой его форме;

- относительно невысокий уровень правовых знаний населения, ставящий его в условие повышенной зависимости от государственных служащих;

- психологическая готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов;

- крайне низкий, субъективно воспринимаемый риск быть привлеченным к ответственности за совершение коррумпированного деяния [36];

- традиционно терпимое общественное отношение к корруптеру (взяточдателю), отчасти это объясняется тем обстоятельством, что «корруптеры нередко обеспечивают и свою правомерную деятельность, защиту охраняемых законом жизни, здоровья, чести, доброго имени, деловой репутации, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, права свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, права на имя, права авторства и т.п.» [37];

- феномен обоюдной вины подкупаемого и подкупающего [38].

Морально-нравственные факторы причин коррупции [39] можно свести к следующему:

- во-первых, современное российское государство до сих пор не построило системы моральных стимулов и имеет очень слабые стимулы карьерного продвижения своих служащих. А такие стимулы служат важной дополнительной гарантией лояльности чиновника государственным интересам;

- во-вторых, личный экономический фон жизни чиновников играет большую роль в любом государстве. В России эта роль крайне отрицательна, особенно в контексте сформировавшегося феномена «погони

за материальными потребностями», который вывел желаемый уровень потребления основной группы городского населения далеко за рамки достижимого для них при существующих условиях и производительности труда [40]. Многие коррупционные действия совершаются государственными служащими по мотивам относительной нужды в целях обеспечения уровня жизни, который становится характерным для ряда окружающих лиц. Мораль сводится к тому, «что выгодно, удобно, нравится мне — то и правильно» [41].

Экономическая политика, основным лозунгом которой стало получение прибыли любым, в том числе и незаконным путём, привела к резкому падению нравственности, в обществе с помощью средств массовой информации, массовой «художественной» литературы, кино значительное распространение получила система криминальных или полукриминальных ценностей, стереотипов поведения, героизация преступников [42].

Такого масштаба распространения криминальной субкультуры, ее архетипов на российском культурном пространстве, глубины проникновения в социум и его культуру, усиления влияния на многие стороны жизни и деятельности страны, Россия не знала на протяжении всей истории своей многовековой культуры. «Опасность дальнейшего проникновения криминальной идеологии в сознание российского народа, особенно молодежи, закрепления в нем как руководства к действию, как образа жизни и морали, сегодня поставлена в повестку дня российского многонационального государства и его культуры» [43].

Негативность «воспитательного» эффекта современной культуры констатируется криминологами как провоцирующее, в том числе и коррупционное поведение

[44].

Подытоживая, следует отметить, что **причины коррупционной преступности** находятся в самом обществе, которое непрерывно воспроизводит факторы экономического, политического, национального, идеологического, психологического характера, порождающие это явление. Можно говорить о целом комплексе объективных и субъективных причин, природа чрезвычайно сложна.

Анализируя **криминогенные детерминанты** коррупционной преступности, следует подчеркнуть, что она является продолжением общественных противоречий, является самостоятельным и целостным явлением. Глобальное увеличение и распространение коррупции в России связано в значительной степени с политическими и экономическими реформами. Непоследовательность государства в их проведении, многочисленные ошибки усугубили криминогенный потенциал российского общества, что позволило коррупции прочно войти в повседневную жизнь, в результате чего она воспринимается как неотъемлемая часть повседневной жизни.

В современном российском обществе существует множество различных по своему содержанию и природе факторов, детерминирующих коррупцию. Это обстоятельство затрудняет эффективное противодействие данному специфичному негативному разрушающему правовому и социальному явлению как со стороны государства, его органов и должностных лиц, так и со стороны самого общества [45]. Немаловажно и то, что сами эти детерминирующие факторы претерпевают постоянные изменения и трансформации, коррупционные проявления также меняют свою направленность и типологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипполитов К.Х., Макаров В.Б. Причины коррупции и факторы, воздействующие на ее распространение // Следователь. Федеральное издание. - 2008. - № 8. (124). - С. 18-27.
2. Гончаренко Г.С. Коррупция и проблемы, порождающие ее // Философия права. - 2008. - № 2. - С. 12-18.

3. См.: Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: Социологический анализ. - М., 2002.
4. Цит. по: Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». - СПб., 2007. - С.265-267.
5. См.: Темнов Е. И. Коррупция. Происхождение современного понятия. М., 1999; Ипполитов К.Х., Макаров В.Б. Понятие и источники коррупции // Следователь. Федеральное издание. - 2008. - № 5 (121). - С. 24-29. Самый подробный библиографический указатель по проблеме см.: Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Коррупция и взяточничество. Аннотированная библиография российских изданий 1869 - 2002 гг. / под ред. А.В. Дука. - СПб., 2004.
6. Хотя уже с начала 1990-х годов всё настойчивее звучали требования о создании эффективного антикоррупционного законодательства. См. например: Максимов С. Закон о борьбе с коррупцией // Законность. - 1992. - № 4-5. - С. 27-31; Осин В. Кому нужен неработающий закон «О борьбе с коррупцией»? // Законность. - 1994. - № 8. - С. 2-5.
7. Федеральный закон N 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции». Ст.1.
8. Клюковская И.Н. К понятию политическая коррупция // Российское законодательство: история и современность. Материалы научно-практической конференции (Ставрополь, 7 сентября 2001 г.). - Ставрополь, 2001. - С. 68-73; Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография. - М., 2008.
9. Клюковская И.Н. Соотношение понятий «коррупция», «коррупционная преступность» «взяточничество» в криминологии // Актуальные вопросы Российского законодательства: материалы научно-практической конференции (Ставрополь, 4-5 сентября 2000 г.). - Ставрополь, 2000. - С. 47-54.
10. Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие. - Набережные Челны, 2003. - С. 38. Выделено нами – Л.Х.
11. Черкаев Д. Правовые методы предотвращения и пресечения коррупции при управлении общественными ресурсами // Предупреждение коррупции: что может общество. - СПб., 2003. - С. 384-411.
12. Якубов Р.С. К вопросу о понятии корпоративности и коррупции власти в современной России // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов. - Саратов, 2008. - С. 504-509.
13. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». - СПб., 2007. - С. 266.
14. Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика: Россия и мир. - М., 1999. - С.111-124.
15. Криминология / под ред. проф. В.Д. Малкова. - М., 2008. - С. 32.
16. Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие. - Набережные Челны, 2003. - С. 24-25.
17. Лебедев А.Е. Коррупция: законодательные пробелы и пути их преодоления // Бизнес в законе. - 2007.- № 4. - С.192-194. Говоря о законодательных пробелах можно вспомнить о журналах «Пробелы в российском законодательстве» и «Чёрные дыры в российском законодательстве», выходящих регулярно и не испытывающих проблем с наполнением материалами.
18. Емелькина Н.А., Сергиенко А.А. Коррупционные «лазейки» в действующем законодательстве в сфере экономики // Актуальные проблемы современного государства и права: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 22-23 мая 2008 г. - М., 2009. - С. 122-129;

19. Малков В.Д. Должностная и коррупционная преступность, ее предупреждение // Российский криминологический взгляд. - 2008. - № 1. - С.114-123.
20. Куракин А.В. Административные запреты и проблемы борьбы с коррупцией в системе государственной гражданской службы // Российская юстиция. - 2008. - № 4. - С. 33-38; Он же. Административно-правовые средства противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Государство и право. – 2008. - № 5. - С. 39-48; Он же. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе правоохранительной службы Российской Федерации // Право и политика. – 2008. - № 6. - С.1373-1386.
21. Степанов К.В. Социально-экономические причины коррупции // Взаимодействие правоохранительных органов и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по противодействию преступности и соблюдению прав человека. Материалы международной научно-практической конференции, 8 декабря 2006 г. - Псков, 2007. - С. 391-395.
22. Хромов И.Л. Коррупция — явление социальное // Правовое регулирование мер борьбы с коррупцией. - М., 2003. - С. 69.
23. Полторыхина С.В. Коррупция как негативный метод экономического взаимодействия бизнеса и власти в современной России // Следователь. Федеральное издание. - 2008. - № 3 (119). - С. 54-57; Она же. Коррупция как негативный метод экономического взаимодействия бизнеса и власти в современной России // Противодействие коррупции: проблемы и перспективы реализации региональной антикоррупционной политики: материалы межвузовского научно-практического семинара 7 декабря 2007 года. - Казань, 2008. - С. 122-130.
24. Еделев А.Л. Системный характер коррупционных угроз экономической безопасности Российской Федерации // Вестник академии экономической безопасности МВД России. - 2008. - № 3. - С. 7-11.
25. Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. - М., 2000.
26. Перепелкин В.А. Влияние коррупции и теневой экономики на рост экономики и структурные изменения в ней // Гражданское общество в борьбе с коррупцией: история и современность: материалы Открытого регионального форума. - Самара, 2007. - С. 180-191.
27. Баранов В.М. Теневое право. - Нижний Новгород, 2002. - С. 98 и сл.
28. Абадиев А.М. Теневизация и дисфункциональность институционально-правового порядка как факторы развития коррупционных отношений // Юрист-Правоведь. - 2008. - № 5. - С. 13-15.
29. См. сводку фактического материала: Ильин О.С. Коррупция в условиях российских рыночных реформ // Прокурорская и следственная практика. - 1998. - № 3. - С. 179-186.
30. Емелькина Н.А., Сергиенко А.А. Коррупционные «лазейки» в действующем законодательстве в сфере экономики // Актуальные проблемы современного государства и права: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 22-23 мая 2008 г. - М., 2009. - С. 122-129.
31. Васильева С. Цивилизованный лоббизм - средство или следствие борьбы с коррупцией? // Сравнительное конституционное обозрение. - 2008. - № 4 (65). -С.115-121.
32. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / под ред. А.Ю. Сунгурова. - СПб., 2000. - С.72.
33. Попов Ю.Н., Тарасов М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства: учебник. – М., 2005. - С. 122-134.

-
34. Столяренко А.М. Социальная психология. - М., 2001. (Особенно: Глава 29. Социально-психологические аспекты развития российской общества и Глава 30. Правовое государство и правовая психология общества).
 35. См., напр.: Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. - СПб., 1997.
 36. Гришина Л.Н. Особенности самооценки у лиц с различными типами правосознания // Актуальные проблемы права. Сборник научных трудов. - М., 2009. - Вып. 8. - С. 44-58.
 37. Криминология / под ред. проф. В.Д. Малкова. - М., 2008. - С. 334. Выделено нами — Л.Х.
 38. Васильев В.Л. Психологические закономерности возникновения и развития коррупции, теневой экономики и организованной преступности // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 1999. - № 1. - С. 108-116; Он же. Психологический анализ коррупции и теневой экономики в России // Расследование и судебное преследование коррупции: материалы российско-американского семинара, 23 - 24 сентября 1999 г. - СПб., 2002. - С. 140-150.
 39. Ведерникова О.Н. Коррупция: нравственно-правовой аспект // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.). - М., 2001. - С. 246-252.
 40. Зайцева М.Н. Общество «материальной мотивации» как главный фактор развития коррупции // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-25 апреля 2008 г. - Хабаровск, 2008. В 2-х частях. - Ч. 1. - С. 71-77.
 41. Социология: учебник. - СПб., 2000. - С. 227.
 42. Ассанов Е. В. Массовая информация и поведение граждан/ Преступность и культура: сб. науч. тр./ под ред. А. И.Долговой. - М., 1999. - С. 127.
 43. Катин В.И. Криминальный романтизм как явление культуры современной России: автореф. дис. ...канд. культур. - Саратов, 2007. - С.3.
 44. Нестик Т.А. Коррупция и культура // Следователь. Федеральное издание. - 2008. - № 5 (121). - С. 47-52.
 45. Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие. - Набережные Челны, 2003. - С. 50.

Р.Р. Газимзянов

кандидат юридических наук

(группа по Республике Татарстан филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по ПФО)

А.А. Лабутин

(группа по Республике Татарстан филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по ПФО)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

В современных российских научных федеральных и региональных изданиях публикуется достаточное количество исследований коррупционного поведения в различных сферах социального управления. При этом анализ криминальной ситуации, материалов судебно-следственной практики и информации, представляемой контролирующими и ревизионными органами, свидетельствует о том, что бюджетные средства различных уровней по-прежнему являются основным объектом преступных посягательств. Схемы хищения, нецелевого использования бюджетных средств меняются и совершенствуются.

С момента введения таких приоритетных национальных проектов, как «Образование», «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» и «Развитие АПК», правоохранительными органами Республики Татарстан была организована работа по их защите от преступных посягательств. При этом проведение комплекса мероприятий по сохранности бюджетных средств всех уровней, в том числе выделенных на реализацию указанных национальных проектов, является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел (полиции) республики.

Анализ статистических данных о коррупционных преступлениях, совершаемых при реализации приоритетных национальных

проектов на территории Республики Татарстан, свидетельствует в целом о неблагоприятной криминальной обстановке в данной сфере. Так, за период 2008 – 8 мес. 2011 гг. правоохранительными органами выявлено 450 преступлений, за совершение которых к уголовной ответственности, по данным ОРЧ ЭБ и ПК №5 МВД по Республике Татарстан, было привлечено 296 лиц (см. табл. 1). Наибольшее количество преступлений данной категории зарегистрировано в сфере реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса», где с 2008 года по настоящее время выявлено 341 коррупционное преступление, что составляет более 75% от общего количества рассматриваемых преступлений.

Наименьшее количество таких преступлений зарегистрировано в сфере реализации приоритетного национального проекта «Здоровье». Так, за рассматриваемый период правоохранительными органами было выявлено только 11 преступлений, или 2,4%. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в сфере реализации приоритетных национальных проектов, наибольшее число также связано с национальным проектом «Развитие агропромышленного комплекса» (249 лиц, или 50%).

Таблица 1

Сведения о коррупционных преступлениях, совершаемых при реализации приоритетных национальных проектов на территории Республики Татарстан, за период 2008 – 8 мес. 2011 гг.

	2008 год		2009 год		2010 год		8 мес. 2011 года	
	кол-во преступ	выявл. лиц	кол-во преступ.	выявл. лиц	кол-во преступ	выявл. лиц	кол-во преступ	выявл. лиц
«Развитие АПК»	142	74	104	87	49	43	46	45
«Доступное и комфортное жилье – гражданам России»	15	11	5	5	14	6	4	5
«Образование»	45	5	12	5	0	0	3	1
«Здоровье»	3	2	4	3	3	2	1	2
Итого:	205	92	125	100	66	51	54	53

Вместе с тем необходимо отметить низкий уровень раскрываемости коррупционных преступлений, совершаемых в сфере реализации национального проекта «Образование» – за совершение 60 преступлений к уголовной ответственности было привлечено только 11 человек.

Ущерб от совершенных коррупционных преступлений в сфере реализации приоритетных национальных проектов за рассматриваемый период составил более 213 млн 898 тыс. рублей, при этом сумма возмещенного ущерба составила около 13,5%, или 28 млн 803 тыс. рублей. Следует отме-

тить, что более 82% от суммы причиненного ущерба приходится на сферу реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», 11,9% – на национальный проект «Развитие АПК». Однако наибольшая сумма возмещенного ущерба от совершенных преступлений данной категории приходится на национальный проект «Развитие АПК» – 65,6%, или 18 млн 908 тыс. рублей. На национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» приходится чуть более 9,6%, или 2 млн 777 тыс. рублей (см. табл. 2).

Таблица 2

Сведения об ущербе от коррупционных преступлений, совершенных при реализации приоритетных национальных проектов на территории Республики Татарстан, за период 2008 – 8 мес. 2011 гг.

	2008 год		2009 год		2010 год		8 мес. 2011 года	
	прич. ущерб, млн руб.	возмещ. ущерб, млн руб.	прич. ущерб, млн руб.	возмещ. ущерб, млн руб.	прич. ущерб, млн руб.	возмещ. ущерб, млн руб.	прич. ущерб, млн руб.	возмещ. ущерб, млн руб.
«Развитие АПК»	2,4	1,5	21,2	15,6	1,017	0,875	0,933	0,933
«Доступное и комфортное жилье – гражданам России»	168,0	0	3,14	0	2,25	1,76	2,626	1,017
«Образование»	2,85	0,195	1,25	0,144	10,487	0	4,149	0,14
«Здоровье»	0,112	0	0,31	0	7,22	6,049	0,59	0,59
Итого:	173,362	1,695	25,9	15,744	20,974	8,684	8,298	2,68

Несмотря на небольшое количество коррупционных преступлений, совершаемых в сфере реализации приоритетных нацио-

нальных проектов на территории Республики Татарстан, материальный ущерб, причиняемый государству от указанных

преступных деяний, весьма значителен – 213 млн 898 тыс. рублей. При этом обращает на себя внимание низкий уровень возмещения ущерба от них как в абсолютных, так и процентных показателях – 28 млн 803 тыс. рублей, или 13,5%.

В целях объективной оценки реального положения дел в сфере противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым при реализации приоритетных национальных проектов, нами по специально разработанной анкете был проведен опрос специалистов, занимающихся выявлением и раскрытием коррупционных преступлений из числа сотрудников правоохранительных органов. Всего было опрошено 43 сотрудника оперативно-розыскной части по экономической безопасности и противодействию коррупции №5 МВД по Республике Татарстан.

Большинство опрошенных экспертов уверены, что уровень реального состояния коррупции при реализации национальных проектов очень высок. Лишь 20,9 % опрошенных посчитали уровень латентности коррупционных преступлений в этой сфере ниже 50%, остальные 79,1% считают, что уровень латентности значительно выше 50% процентов.

С учетом личного опыта опрошенным было предложено дать характеристику личностным данным коррупционных преступников. В 74,4% случаев опрошенные указали на мужчин-коррупционеров и только 25,6% на женщин.

По возрастной характеристике наиболее коррумпированными респонденты считают возрастную группу от 30 до 40 лет – 53,5% опрошенных, далее идут лица в возрасте 40-50 лет – 27,9%.

По месту жительства, по мнению экспертов, коррупционеры чаще проживают в городах, их отметили 74,4% опрошенных.

74,4% респондентов указали, что по семейному положению коррупционеры – лица, состоящие в браке.

По уровню образования 88,4% экспертов считают, что, как правило, коррупционеры имеют высшее профессиональное образование.

По должностному статусу 65,1% опрошенных указали на то, что среди коррупционеров преобладают должностные лица, являющиеся руководителями органов власти и/или органов местного самоуправления, 25,6% – государственными и муниципальными служащими.

Подавляющее большинство специалистов (86,8%) отметили, что коррупционеры в сфере реализации приоритетных национальных проектов в основном не имеют судимости.

При рассмотрении вопросов причинного комплекса криминального коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих эксперты пришли к выводу о том, что наиболее распространенной правовой причиной такого поведения выступает неоднозначность и противоречивость многих законодательных норм, открывающая множественные коррупционные «лазейки»: на это указали 53,5% опрошенных. На втором месте оказался такой фактор, как существование многочисленных пробелов в законодательстве, определяющем «прозрачность» управленческой деятельности, связанной с организацией финансовых, прежде всего, бюджетных потоков – 41,9% опрошенных.

На вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, социально-экономические причины и условия коррупционной преступности, совершаемой при реализации приоритетных национальных проектов?» большинство экспертов (53,5%) указали на политическое лоббирование, имеющее целью принятие законов, нужных конкретным и четко определенным группам деловых интересов. Далее респонденты отметили такой фактор, как появление достаточно представительного слоя людей, имеющих сверхвысокие доходы и, следовательно, свободные деньги, которые могут широко использоваться для подкупа (27,9% опрошенных). На третьем месте оказался фактор «отсутствия эффективной рыночной конкуренции, позволяющий получать необоснованные сверхдоходы» – на него указали 20,9% респондентов. Дополнительно опрошенные указали также непредусмотренные анкетой факторы, среди которых «отсутствие

прозрачности доходов чиновников» и преобладание «телефонного права» над реальным.

К социально-психологическим и морально-нравственным причинам и факторам криминального коррупционного поведения при реализации национальных проектов респонденты отнесли «психологическую готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов» и «многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе в России», соответственно по 38,2% каждый. На втором месте оказался такой фактор, как «крайне низкий, субъективно воспринимаемый риск быть привлеченным к ответственности за совершение коррумпированного деяния» (23,3% опрошенных). Далее расположились сразу два фактора – «относительно невысокий уровень правовых знаний населения, ставящий его в условие повышенной зависимости от государственных служащих» и «традиционно терпимое общественное отношение к взяткодателю», соответственно по 18,7% каждый. Также респондентами дополнительно был указан и такой социально-психологический фактор, как «отсутствие принципов морального соответствия занимаемой должности чиновника».

В качестве основных факторов, мешающих профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов в противодействии коррупции, респондентами в первую очередь были отмечены такие два фактора, как «несовершенство уголовного законодательства» и «несовершенство уголовно-процессуального законодательства», соответственно по 44,2% каждый. Далее расположились такие факторы, как «низкий уровень взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов» и «низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов между собой», соответственно 27,9% и 7%. В качестве иных факторов респонденты указали на «низкий профессиональный уровень сотрудников следственных подразделений» и «низкую заинтересованность дру-

гих оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении коррупционных преступлений».

На вопрос об организационных факторах, влияющих на качество профессиональной деятельности по выявлению коррупционных преступлений в сфере приоритетных национальных проектов, большинство опрошенных ответили, что ими являются «слабое взаимодействие с контролирующими органами», «слабый обмен информацией между подразделениями, осуществляющими борьбу с преступностью» и «конкуренция правоохранительных органов по вопросам борьбы с преступностью», соответственно 39,5%, 32,6% и 23,3%.

В качестве предложений и рекомендаций по повышению эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений, совершаемых при реализации приоритетных национальных проектов, опрашиваемые предложили следующее:

во-первых, изменение оценки профессиональной деятельности сотрудников и подразделений ОВД по ЭБ и ПК – реальный отказ от «палочной системы» (79,6% опрошенных);

во-вторых, повышение эффективности взаимодействия между правоохранительными и контролирующими органами – 32,9% опрошенных;

в-третьих, упрощение процедуры получения необходимой для профессиональной деятельности информации от налоговых органов – 27,4% опрошенных;

в-четвертых, совершенствование правового регулирования по созданию механизмов учета и контроля за расходованием денежных средств, поступающих на реализацию национальных проектов, – 25,2% опрошенных;

в-пятых, разработка инновационных технологий по выявлению и документированию коррупционных преступлений при осуществлении электронных торгов (тендеров) – 11,7% опрошенных;

в-шестых, организация и осуществление повышения квалификации сотрудников

БЭП по вопросам противодействия коррупции, в том числе при реализации национальных проектов – 11,5% опрошенных;

в-седьмых, повышение мотивации профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих

противодействие коррупции, – 8,1% опрошенных;

в-восьмых, совершенствование действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в целях повышения эффективности в борьбе с коррупционными преступлениями – 7,5% опрошенных.

М.М. Шакирьянов,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Причины возникновения коррупции в зависимости от исторической эпохи и фазы социально-экономического развития стран весьма различны, а поэтому разработать некие универсальные правовые и организационные средства по ее предупреждению и пресечению представляется малореальным. Проблема борьбы с коррупцией характерна не только для России, но и для всего мирового сообщества.

К сожалению, Россия приобрела стойкий имидж глубоко коррумпированного государства. Коррумпированность аппарата государственного управления приобрела глобальный и системный характер. Коррупцией сегодня поражены практически все сферы общества: ЖКХ, образование, здравоохранение, суды, правоохранительная система, госслужба. В международном рейтинге по эффективности борьбы с коррупцией Российская Федерация занимает 143 место [1]. Объективная оценка российской действительности позволяет сделать вывод об отсутствии реальных механизмов по противодействию росту коррупции в органах государственной власти.

В современный период тема борьбы с коррупцией находится в центре внимания научной общественности России, а изучение проблем борьбы с коррупцией невоз-

можно без определения ее понятия и сущности. Также необходимо отметить, что взгляды российских и западных ученых на эту проблему существенно отличаются. Первыми коррупция понимается исключительно как правонарушение, ассоциируемое с общественно-вредным виновным деянием, противоречащим требованиям правовых норм. Вторые же расширяют рамки коррупции до девиантного поведения политической элиты, то есть ведут речь в большей степени о нарушении моральных и этических норм [2].

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*», что означает «порчу, подкуп» [3].

Однако коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции.

Что же понимает международное сообщество под коррупцией? Существует множество определений, но полной ясности и правовой точности нет. Конечно, коррупция скорее синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний. «Коррупция - это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» - из этого определения видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества. Дж. Най, например, полагает, что коррупция включает в себя взяточничество (дачу вознаграждения для совращения лица с позиций долга), непотизм (покровительство на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования [4].

Критерием установления уголовной ответственности в ряде случаев предлагается не оценка общественной пользы принятого решения, что очень трудно сделать, а открытость процесса принятия решения: должностное лицо не вправе принимать решение без представления всей информации. Если это условие нарушено, оно может быть признано виновным. Классической иллюстрацией к этому могли бы служить келейные аукционы в России, проводимые Госкомимуществом. К подобным видам коррупционных деяний присоединяется непредоставление информации о всех финансовых активах, обязательствах, связях при занятии должности и ежегодной отчетности. Причем санкции за них предлагаются не меньше санкций за традиционные виды коррупции, чтобы нарушение было невыгодным и за него нельзя было спрятаться при совершении традиционных коррупционных действий. Особое внимание уделяется представлению информации о финансовой поддержке партий.

В мире общепризнанно, например, что государственное должностное лицо после увольнения со службы в течение

установленного периода времени должно получить разрешение правительства, прежде чем принять приглашение на работу в частном секторе или начать заниматься коммерческой деятельностью, если они имели отношение к его прежней должности. В России только за последние несколько лет сменилось более 15 министров экономики, финансов и заместителей председателя Правительства по экономическим проблемам, большинство из которых буквально на следующий день после увольнения с государственной должности занимали руководящие посты в крупных коммерческих банках, компаниях и концернах. В демократических странах такое поведение рассматривается как коррупционное.

Применительно к условиям российской действительности отсутствие законодательного определения коррупции на федеральном уровне создавало массу проблем и порождало множество споров в научных кругах.

В современной российской криминологической науке выделяется с некоторыми вариациями (Долгова А.И., Желудков А.С. и др.) понимание коррупции, согласно которому это «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных или узкогрупповых, корпоративных интересах официальных, служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [5].

Это определение понятия коррупции выделим в первую группу, которая характеризуется:

- определением круга лиц, которые могут совершить коррупционные деяния (государственные и иные служащие);
- определением области жизнедеятельности, в которой совершаются эти деяния (в связи с выполнением указанными служащими своих должностных обязанностей);
- определением целей этой деятельности (подкуп-продажность, корыстное использование, т.е. получение определенных

материальных благ за совершение определенных действий);

– определением круга лиц, в интересах которых совершаются эти деяния (в личных или узкогрупповых, корпоративных интересах).

Иного мнения придерживаются еще ряд российских криминологов (Кабанов П.А., Хохряков Г.Ф.), которые понимают под коррупцией «использование уполномоченными на выполнение государственных функций (или приравненных к ним) лицами своего статуса и связанных с ним возможностей для непредусмотренного законом получения материальных, иных благ и преимуществ, а также противоправное предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами» [6].

Это вторая группа определений, которую характеризуют:

– определение круга лиц, которые могут совершить коррупционные деяния (лица, уполномоченные на выполнение государственных функций или приравненные к ним);

– определение области жизнедеятельности, в которой совершаются эти деяния (выполнение указанными лицами государственных функций с использованием своего статуса);

– определение целей этой деятельности (получение материальных, иных благ и преимуществ).

Согласно приведенному определению, получается, что лицо, однажды совершившее должностное хищение, уже является коррупционером. На наш взгляд, нельзя говорить о коррупции, когда служащий единожды извлекает выгоду из своего служебного положения, действуя изолированно, не вовлекая в свою противоправную деятельность других людей. Если речь идет об использовании своего служебного положения в личных целях, можно говорить о коррупции лишь в случаях, когда злоупотребления служебным положением (должностные хищения) становятся систематическими, то есть совершаются более двух раз. Таким образом, при совершении

лицом должностного хищения единожды мы можем вести речь не о коррупционном преступлении, а лишь о преступлении, имеющем признаки коррупционного.

Наиболее полное, с нашей точки зрения, определение коррупции дает С.В. Максимов, понимающий под этим термином «использование государственными, муниципальными или иными публичными служащими (например, депутатами) своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера), либо предоставление последним таких преимуществ» [7]. Такое определение наиболее полно дает понятие субъекта коррупции, но, в то же время, и ему также присущ недостаток, указанный в предыдущей группе определений.

Подводя итог вышесказанному, учитывая положительные и отрицательные стороны приведенных определений коррупции, предлагаем, что под коррупцией следует понимать социально-правовое явление, предоставляющее собой подкуп (активный или пассивный) государственных, муниципальных или иных публичных служащих либо служащих коммерческих или иных организаций (в том числе неимущественного характера). Однако хотелось бы отметить, что предложенное нами определение также не лишено недостатков, так как одним из условий существования организованной преступности также является коррупция.

Следует понимать и то, что споры по определению понятия и сущности коррупции не прекратились и после принятия Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8], где в статье 1 дается законодательное определение. Из анализа этого закона можно сделать вывод, что коррупцией в РФ признается только лишь совершение одного из пяти преступлений, предусмотренных статьями УК РФ (ст. 285 Злоупотребление должностным полномочием, ст. 290 Дача взятки, ст. 291 Получение взятки, ст. 201 Злоупотребления полномочиями и ст. 204 Коммерческий подкуп).

На наш взгляд, это не совсем правильный подход, так как законодатель ограничивается здесь только уголовной ответственностью, но существуют и другие подзаконные антикоррупционные акты, за нарушения которых никакая ответственность не предусмотрена (административная или гражданско-правовая). Например, прямого наказания за непредоставление или предоставление заведомо ложных сведений для лиц, занимающих государственные

должности (это, например, президент, члены правительства и Совета Федерации, депутаты Госдумы), не предусмотрено.

Эскалация коррупционных проявлений, прежде всего имеющих характер гражданско-правового деликта, административного правонарушения или дисциплинарного проступка, требует широкого использования криминологически содержательных мер противодействия им и прежде всего специальных мер предупреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткач А. Коррупцию надо сделать невыгодной // Парламентская газета. – 2009. – 2 июня. – С.11.
2. Гараев Р.Ф., Селихов Н.В. Понятие коррупции // Следователь. 2001. №2. С.43-50.
3. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. С.266.
4. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. М., 1994.
5. Криминология: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1997. С.501; см. также: Криминология: конспект лекций / авт.-сост. А.С. Желудков. М., 1999. С.90.
6. См.: Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В.Е. Эминова. М., 1997. С.61; Кабанов П.А., Галимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие: учебное пособие. Набережные Челны: ИД «Стержень», 2003. С.9; Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н.Кудрявцев. М.: Юристъ, 1999. С.350.
7. Основы борьбы с коррупцией / науч. ред. С.В. Максимов. М.: Спарк, 2000. С.22.
8. См. Российская газета. 2008. 30 декабря.

Н.Р. Шевко,

кандидат экономических наук
(КЮИ МВД России)

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Коррупция имеет столь же древнюю историю, как и ее среда — государство. Еще во II в. до н.э. в древнеиндийских Законах Ману говорилось о том, что чиновники «бывают порочными, стремящимися к захвату чужой собственности» и «злонамеренному вымогательству денег».

Международные исследования коррупции показывают, что формы ее проявления в разных странах весьма схожи. Чаще всего под коррупцией подразумевают получение взяток, незаконных денежных доходов

государственными бюрократами, которые вымогают их у граждан ради личного обогащения. Однако в более общем смысле слова участниками коррупционных отношений могут быть не только государственные чиновники, но и, например, менеджеры фирм; взятки могут давать не деньгами, а в иной форме; инициаторами коррупционных отношений часто выступают не госчиновники, а предприниматели.

К сожалению, ни одна страна не может считать себя застрахованной от корруп-

ции. Так, в 1994 г. Швейцария, которая гордилась неподкупностью своих государственных служащих, была потрясена грандиозным скандалом вокруг чиновника из кантона Цюрих — ревизора ресторанов и баров. Ему инкриминировались взятки на сумму почти 2 миллиона долларов. Сразу вслед за этим было начато расследование против пяти ревизоров-взяточников из состава правительства Швейцарии, покровительствовавших отдельным фирмам при организации государственных поставок. Затем разразилось еще два скандала.

Многочисленные случаи коррупции в Италии, затронувшие самые высокие политические круги, привели к тому, что более 700 бизнесменов и политических деятелей предстали перед судами в результате начавшихся в 1992 г. расследований в Милане.

В сентябре 1996 г. в Берлине прошла специальная конференция по проблемам борьбы с коррупцией. По представленным там материалам во многих крупных городах ФРГ прокуратуры заняты расследованием зафиксированных случаев коррупции: во Франкфурте-на-Майне более тысячи, в Мюнхене — около 600, в Гамбурге — около 400, в Берлине — около 200. В 1995 г. было официально зарегистрировано почти 3 тысячи случаев взяточничества. В 1994 г. перед судом оказались почти 1,5 тысячи человек, а в 1995 — более 2 тысяч, причем эксперты считают эти данные лишь вершиной айсберга. В коррупцию вовлечены ведомства по проверке иностранных беженцев, пункты регистрации новых автомобилей и многие другие учреждения. Так, за наличные деньги можно незаконно «купить» право на открытие ресторана или казино, водительские удостоверения, лицензии на отбуксировку неверно припаркованных автомобилей [3].

Время от времени мы становимся свидетелями крупных коррупционных скандалов, герои которых — лидеры ведущих держав мира и высшие руководители уважаемых международных организаций.

С начала 1990-х годов международное сообщество начало уделять этой сложной и серьезной проблеме особое внимание.

Она стала предметом региональных и межрегиональных встреч и конференций, речей в ООН, центральным вопросом избирательных и иных политических кампаний. В 1996 г. проблема специально обсуждалась на ежегодной сессии Всемирного банка и МВФ. С тех пор и в рамках отдельных стран, и на международном уровне были приняты многочисленные законодательные акты и административные меры, призванные хотя бы ограничить масштабы этого социально губительного бедствия. В 1999 г. на октябрьской конференции министров стран «восьмерки» за коррупцией окончательно закрепился статус одной из глобальных проблем современности (наряду с загрязнением окружающей среды, углублением экономического и социального расслоения человечества, демографическим кризисом и т.п.).

В одном из своих бюллетеней международная общественная организация «Transparency International» (далее — TI), цель которой оказание сопротивления коррупции на международном и национальных уровнях и в бизнесе, утверждала: «Она (коррупция) стала привычным явлением во многих ведущих индустриальных государствах, богатство и устойчивые политические традиции которых позволяют, однако, скрыть размах огромного ущерба, наносимого коррупцией социальной и гуманитарной сферам». Исследования, проведенные национальными филиалами TI, показали, что «коррупция в государственном секторе принимает одинаковые формы и воздействует на те же сферы независимо от того, происходит ли это в развитой или развивающейся стране». Опубликованный Transparency International Индекс восприятия коррупции за 2010 год демонстрирует поразительную корреляцию. Из 178 внесенных в рейтинг стран в нижние 20% попали, среди прочих, Пакистан, Иран, Ливия, Россия, Венесуэла, Ирак и Афганистан [4].

Очень трудно провести сравнительный анализ уровня коррупции по различным странам. Фактические данные, такие как число уголовных дел или судебных приговоров, по различным странам не отражают

реального уровня коррупции, они являются, скорее, показателем качества работы правоохранительных органов, судов и средств массовой информации по выявлению коррупции. Следует учитывать, что, по данным ученых, изучающих проблемы коррупции, из 22 тыс. фактов коррупции выявляется лишь один.

Задача борьбы с коррупцией является на сегодняшний день острой для нашего общества.

Дмитрий Медведев, вскоре после того как был выбран на пост главы государства в 2008 году, назвал коррупцию национальной проблемой. С тех пор о важности искоренения этой проблемы стали особенно много говорить на международных конференциях, признав, что она является одним из основных барьеров для привлечения в страну иностранного капитала.

Сенаторы одобрили закон, по которому за взятку полагается штрафовать вплоть до 100-кратной суммы, президент инициировал реформу МВД, в результате которой, в том числе, полиция должна была стать честной и неподкупной, а премьер-министр даже призвал "бить по морде", чтобы "ни у кого не возникло желания разевать рот на народные деньги" [3].

Однако по сравнению с 2008 годом, когда Дмитрий Медведев объявил коррупцией бой, в России ситуация не сильно изменилась. Со 147-го места в 2008 году в рейтинге Transparency она даже сползла на строчку вниз.

Общественная палата, созданная в 2006 году как посредник между гражданами и органами государственной власти, обнародовала доклад об эффективности антикоррупционных мер в России.

Подводя итоги текущего года, организация констатировала, что больше всего жалоб от граждан через «горячую линию» палаты «Стоп коррупция» поступило на суды (30% обращений), прокуратуру и Следственный комитет (15%), а также на полицию (15%). 27% сообщений поступило в адрес органов местного самоуправления, 3% — на Федеральную службу исполнения наказаний; 10% жалоб попало в категорию «прочие». Основными темами

обращений стали: игнорирование правоохранительными органами жалоб на коррупцию, вымогательство путем вменения несовершенных правонарушений, нарушения при распределении ограниченных ресурсов (квартиры, земля и пр.), вопросы регистрации по месту жительства, коррупция в социальной сфере (ЖКХ, образование, медицина) [5].

Ученые говорят о коррупции в современном мире как о «явлении образующего порядка». Средства массовой информации ежедневно сообщают о ее вопиющих проявлениях. Причем не в отдельно взятой стране, а во всем мире. Во взяточничестве обвиняются бывшие премьер-министры и даже президенты ряда стран. Коррупционные скандалы разразились и в Международном олимпийском комитете. Коррупция — проблема межнациональная. Она свойственна всем странам, независимо от политического устройства и уровня экономического развития. Разница лишь в масштабах...

Борьба с коррупцией достигает успеха, если она всеохватна, комплексна, ведется постоянно и на всех уровнях.

С первого июля 2011 года в Великобритании в силу вступил Bribery Act (закон "О борьбе со взяточничеством"), по которому британские компании, а также иностранные фирмы, работающие в Великобритании, не имеют права брать или давать взятку. Взятничество считается уголовно-наказуемым преступлением. Размер штрафа для признанных виновными - безграничен. Максимальный срок заключения - 10 лет.

Деятельность американских компаний регулируется законом "О борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности" от 1977 года. По нему американские компании, а также иностранные компании, работающие в США, не имеют права давать взятку официальному лицу. Закон определяет понятие "официального лица", под которое, например, попадают и врачи, работающие в государственных клиниках.

С 1 мая 2011 года в Китае были приняты поправки к закону, по которому взя-

точничество, как и в британском законодательстве, считается уголовно-наказуемым преступлением, за которое можно получить реальный срок на 10 лет. Ранее под рассмотрение Уголовного кодекса в Китае попадали только случаи подкупа китайских официальных лиц. 10 лет тюрьмы - это еще не самое строгое наказание за взяточничество в Китае. Когда речь идет о крупных суммах или о пособничестве в контрабанде, то обвиняемого могут приговорить к смертной казни [3].

Международная торговая палата (ИСС) разработала правила по борьбе с коррупцией в ответ на призыв большой двадцатки (G20) искоренить это явление. Новые правила определяют ряд норм, которыми должны будут руководствоваться компании для прекращения взяточничества и вымогательства.

По оценкам Всемирного банка, коррупция приводит к снижению ежегодного экономического роста почти на 1%, в то время как МВФ сообщает, что инвестиции в коррумпированных странах снижаются минимум на 5% по сравнению со странами, которые являются относительно свободными от коррупции [5].

Большая двадцатка настаивает на необходимости ратификации Конвенции ООН против коррупции (UNCAC) и принятии других законов, направленных на прекращение взяточничества и коррупции, а также усилении корпоративных усилий в борьбе с этим негативным социальным явлением. ИСС призывает лидеров большой двадцатки сотрудничать со странами, не входящими в ее состав, и содействовать ратификации и введению в действие UNCAC на их территории.

Правила ИСС по борьбе с коррупцией, подготовленные комиссией ИСС по ответственности юридических лиц и борьбе с коррупцией, вводят единые правила для бизнеса в борьбе с коррупцией, которые отвечают всем требованиям UNCAC.

Универсальные правила могут использоваться бизнесом как метод саморегуляции вместе с уже существующими национальными законами и международными конвенциями. Последняя редакция правил состоит из 3 частей: первая содержит общие вопросы (определение взяточничества, подкупа и т.д.); вторая часть касается корпоративных правил относительно политических взносов, подарков и гостеприимства, вознаграждений за упрощение формальностей; третья - очерчивает главные элементы программы корпоративного регулирования.

К сожалению, абсолютная победа над коррупцией невозможна. На фоне развивающейся коррупции развивается в обществе ненависть к стране, неповиновение законам, аморальность, неуважение окружающих к своей работе, недоверие партнеров, соответственно растет количество уголовно наказуемых преступлений.

Именно поэтому борьба с коррупцией сегодня является приоритетной задачей во всем мире. Надо подойти к решению этой проблемы комплексно, сделать ее общенациональной культурой всех и каждого. Нужно, чтобы каждый из нас перестроил свое мышление, начал жить, руководствуясь цивилизованными принципами. Ведь законы будут эффективно работать только тогда, когда мы будем готовы их исполнять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунич А.П. и др. Теневая экономика. - М.: Экономика, 2007.
 2. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. - М.: МОНФ, 2005.
 3. <http://www.bbc.co.uk/russian/business/2011/11/11>.
 4. <http://www.kommersant.ua/news>.
- <http://www.bfm.ru/news>

С.В. Ненароков,
(КЮИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОВД ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проблема привлечения к ответственности руководителей органов внутренних дел в настоящее время изучена явно не достаточно. И это связано не только с тем, что здесь присутствует определённая специфичность субъекта, подлежащего привлечению к ответственности, но и с тем, что в решении этого вопроса зачастую существовал формальный подход. Построение руководящей иерархии часто базируется на субъективных позициях вышестоящих руководителей. Таким образом, приоритетными основаниями при назначении на должность становятся отнюдь не деловые и профессиональные качества кандидата на должность, а личные взаимоотношения с вышестоящим руководителем. Конечно, формальные требования для кандидата на должность соблюдаются, но далеко не все и не всегда. Что, конечно же, не может не сказаться на качестве функционирования органа. Та же ситуация складывается и при определении степени ответственности руководящих лиц за совершённые ими нарушения. Прослеживается закономерность, что чем более дружеские отношения между соподчинёнными руководителями, тем меньше ответственность за совершённые правонарушения. Таким образом, формируется некая «круговая порука», присущая руководящему составу. Конечно, такая ситуация обусловлена существованием «человеческого фактора», полностью искоренить его нельзя, да и не нужно, но совершенно объективно можно сказать, что возможно оптимизировать взаимоотношения в данной области путём разработки новых систем требований и процедур, как при назначении на должность, так и последующем контроле со стороны вышестоящего руководства.

Согласно действующему уголовному законодательству за нарушение запретов и предписаний, адресованных юридическим

лицам, ответственность должно нести физическое лицо. Последнее обозначается как руководитель организации (юридического лица) (ст. 176, 177, 189, 193, ч. 2 ст. 195, 196, 197, 199.2 УК РФ); учредитель (участник) юридического лица (ч. 2 ст. 195, 196, 197 УК РФ); собственник организации (ст. 199.2 УК РФ); лицо, выполняющее управленческие функции в организации (ст. 199.2, 201 УК РФ). К категории лиц, выполняющих управленческие функции в организации, в полной мере относится руководитель органа внутренних дел. Законодатель в примечании 1 к ст. 201 УК РФ даёт определение лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации: «Выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях настоящей главы, а также в статьях 199.2 и 304 настоящего Кодекса признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях. Поскольку иного уточнения в УК РФ по данному поводу не имеется, то руководителя органа внутренних дел следует считать лицом, «выполняющим управленческие функции в иной организации». Таким образом, термина «руководитель государственного органа» либо «руководитель правоохранительного органа» в УК РФ нет. Хотя в ряде случаев (ст. 285, 285.1, 286, 290 и т.д.) противоправная деятельность руководителя право-

охранительного органа, в силу обладаемых им служебных полномочий, может причинить значительно больший ущерб общественным отношениям, нежели деятельность руководителя любой коммерческой организации. Ведь здесь речь идёт о подрыве доверия к государственной власти. Конечно, в примечании 1 ст. 285 УК РФ даётся понятие «должностного лица» как «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющего функции представителя власти либо выполняющего организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации». Но если речь идёт о подрыве авторитета государственной власти, то этого понятия явно не достаточно для назначения объективного наказания. Ведь легко представить, как сложится общественное мнение, когда на месте правонарушителя окажется крупный руководитель правоохранительного органа, определяющий, например, политику правоприменения целого региона, нежели должностное лицо низшего звена (оперуполномоченный, участковый уполномоченный и т.д.). Сказанное заставляет задуматься о необходимости редакционного уточнения примечания 1 к ст. 201 УК РФ.

В юридической литературе под коррупцией понимается продажность власти, которая проявляется как совокупность преступлений и правонарушений, совершаемых должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления для удовлетворения своих корыстных либо иных личных интересов [1]. В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией рассматриваемое понятие определяется как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [2]. Такое понимание коррупции, с точки зрения российского законодательства, представляется зауженным, так как акцент

при этом делается на использовании государственной власти в корыстных и иных личных целях. В Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы 1998 года под коррупцией понимается активный и пассивный подкуп национальных и иностранных должностных лиц, членов национальных и иностранных публичных собраний, злоупотребление влиянием в корыстных целях, подкуп в частном секторе [3].

Проблема коррупции в органах внутренних дел в наши дни является одной из наиболее актуальных, привлекающих внимание многих исследователей, а также практиков. Подтверждением тому является, например, создание в Генеральной прокуратуре РФ Управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции [4], а также проведение 11 июня 2009 года в здании МВД России в режиме видеоконференции с субъектами Российской Федерации совместного заседания Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности, Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по законодательному обеспечению противодействия коррупции и Министерства внутренних дел Российской Федерации по теме: «Состояние работы по предупреждению и противодействию коррупции в органах внутренних дел и обсуждение предложений по законодательному обеспечению противодействия коррупции в них». В программе заседания также был сделан упор на усилении ответственности руководителей органов внутренних дел. Так, например, было принято решение об использовании института личного поручительства при приеме кандидатов на службу, перемещении сотрудников на вышестоящие должности, а также повышена требовательность к руководящему составу органов внутренних дел за состояние дисциплины и законности в коллективах.

С учетом сказанного выше к коррупционным преступлениям, совершаемым руководителями органов внутренних дел, следует отнести все преступные посяга-

тельства, совершаемые по корыстным или иным личным мотивам с использованием полномочий по занимаемой должности. По УК РФ 1996 г. к таким преступлениям можно отнести преступные деяния, предусмотренные ст. 145¹, п. «г» ч. 3 ст. 146, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, п. «б» ч. 3 ст. 174, п. «б» ч. 3 ст. 174¹, ч. 3 ст. 175, ст.ст. 201, п. «б» ч. 3 ст. 228¹, п. «а» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 258, ст. 285, ст.ст. 289–290, ст. 292 УК РФ и другими.

Изучение данных судебной статистики показывает, что в настоящее время наказание в виде реального лишения свободы за коррупционные преступления в органах внутренних дел назначается осужденным весьма редко. За указанные и иные преступления ныне весьма широко применяется условное осуждение в соответствии со ст. 73 УК РФ. Так, в 2004 году федеральными районными (городскими) судами Республики Татарстан условное осуждение применено к 55,13% осужденных сотрудников; в 2007 году – 53,4%; в 2008 году – 51,87%; в 2009 году – 50,64%; в 2010 году – 51,2% к их общему числу.

Предусмотренная в ст. 44 УК 1996 г. система видов наказаний из-за ее дороговизны подвергается справедливой критике наукой и практикой. Отдельные наказания не применяются с момента введения в действие УК 1996 года (арест, ограничение свободы).

Одним из вариантов сокращения практики столь широкого применения условного осуждения, в том числе за коррупционные преступления, а также уменьшения доли реального лишения свободы для руководителей ОВД, осужденных за должностные преступления, можно предложить шире использовать в отношении данной категории лиц уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в соответствии со ст. 47 УК РФ назначается в качестве основного наказания на срок от одного года до пяти лет, а в качестве дополнительного наказания – от

шести месяцев до трех лет. Рассматриваемое наказание в ст. 44 УК по степени строгости располагается на втором месте после штрафа и считается более мягким наказанием, чем наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, а также ограничение по военной службе.

Однако в условиях распространения коррупции данное положение не соответствует действительности. Несправедливо на законодательном уровне так недооценивать данное наказание в системе других видов наказаний. Необходимо по-иному законодательно определить тяжесть данного наказания, пересмотреть его место в ст. 44 УК, а также изменить его сроки в качестве основного и дополнительного наказания, пересмотреть правовые условия погашения судимости после отбытия этого наказания.

Что касается вопроса о месте данного вида наказания в ст. 44 УК РФ, то целесообразно это наказание поместить в ст. 44 УК на восьмое место, то есть перед наказанием в виде лишения свободы на определенный срок.

Данное предложение определяется тем, что коррупционная преступность – это так называемая «беловоротничковая» преступность. Субъектами коррупционных преступлений являются, как правило, люди с высшим или средним профессиональным образованием, они, по общему правилу, не нуждаются в изоляции в местах лишения свободы, поскольку не представляют общественной опасности для окружающих.

В условиях дороговизны содержания осужденных в местах лишения свободы, отсутствия возможностей привлечения всех их к труду, установление на более длительные сроки этих видов наказания, чем это предусмотрено в настоящее время в ст. 47 УК РФ, а за особо тяжкие преступления – пожизненно, могло бы стать серьезным барьером к доступу к соответствующим должностям и видам деятельности для лиц, склонных использовать пре-

доставленные им по службе полномочия в корыстных или иных личных целях.

В ст. 47 УК РФ под наименованием «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» фактически предусматривается два самостоятельных вида наказания: а) лишение права занимать должности на государственной службе и службе в органах местного самоуправления; б) лишение права заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью [5].

С точки зрения ужесточения наказания руководителя ОВД, осужденного за совершение должностного преступления, наиболее ценными являются оба этих положения, поскольку они, в определённом смысле, гарантируют недопущение данного лица к власти в государственных органах, то есть сводится к минимуму проявление рецидива.

Правовые условия применения данного вида наказания целесообразно определить в самостоятельных статьях Общей части УК, а в санкциях статей Особенной части УК использовать их в качестве альтернативных наказаний либо раздельно с учетом характера совершенного преступления.

В целях повышения предупредительного эффекта использования рассматриваемых наказаний в противодействии коррупционной и иной преступности в УК РФ целесообразно установить за особо тяжкие коррупционные и иные преступления наказание в виде пожизненного лишения права занимать должности на государственной службе и службе в органах местного самоуправления. Данная, на первый взгляд, радикальная мера не должна восприниматься в качестве жестокой и негуманной. Нечто подобное уже существует в нашей стране. Фактически уже установлено пожизненное лишение права занимать должности в форме запрета приема на работу в органы прокуратуры, на службу в органах МВД и в некоторые иные государственные органы лиц, имеющих и имевших судимость. Но эта практика действует лишь в рамках ведомственных нормативных актов, что не исключает возможности лицам, занимавшим высокие посты в пра-

воохранительных органах, после осуждения и увольнения с должности занимать высокие руководящие посты в гражданских организациях и продолжать пользоваться своими связями в правоохранительной среде. Вот почему необходимо в рамках УК РФ ужесточить данный вид наказания. Другими словами, руководитель должен знать, что в случае увольнения за совершение должностного преступления руководящей должности в другой организации ему не получить. Это особенно становится актуальным, когда в обществе принимается за аксиому тезис «Начальник никогда не живёт на одну зарплату».

В ряде европейских государств данный вопрос решён достаточно жёстко. Так, законодательная практика пожизненного лишения прав установлена УК Республики Болгария (п. 5 ст. 49) [6], УК Голландии (ч. 2 ст. 28, п. (1) ч. 1 ст. 31) [7], УК Норвегии (§§ 29 и 30) [8], УК КНР (ст. 57) [9], УК Польши (§§ 3 и 4 ст. 42) [10], УК Турции (ст. 20) [11], УК ФРГ (§ 69а, § 70) [12].

За совершение особо тяжких и тяжких преступлений коррупционного и иного характера в Общей и Особенной частях УК РФ целесообразно предусмотреть возможность назначения лишения права занимать должности на государственной службе и службе в органах местного самоуправления в качестве основного наказания от 10 лет до пожизненного, за преступления небольшой и средней тяжести от одного года до 10 лет. В качестве дополнительного это наказание следует установить за особо тяжкие преступления на срок от десяти до пятнадцати лет, за тяжкие – от пяти до десяти лет, а за преступления небольшой и средней тяжести от одного года до пяти лет.

На аналогичные сроки следует установить лишение права выполнять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческих организациях независимо от формы собственности, а также в некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

В действующем УК РФ (ст. 47) устанавливается, что лишение права заниматься определенной деятельностью состоит в запрещении заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью. С точки зрения рассмотрения вопроса об ответственности руководителя ОВД, было бы целесообразным в УК РФ сформулировать дополнительную статью, например, ст. 47¹ УК, в которой следовало бы обозначить две части. В части первой ст. 47¹ УК целесообразно установить следующее: «Лишение права выполнять управленческие функции в коммерческой организации независимо от ее формы собственности или ином негосударственном учреждении или организации назначается за преступления небольшой и средней тяжести от одного года до 10 лет, а за тяжкие и особо тяжкие преступления – от десяти до 20 лет, в исключительных случаях при особо отягчающих обстоятельствах – пожизненно». В качестве дополнительного этот вид наказания следует установить за особо тяжкие преступления на срок от десяти до пятнадцати лет, за тяжкие – от пяти до десяти лет, а за преступления небольшой и средней тяжести – от одного года до пяти лет. В части второй предлагаемой ст. 47¹ УК целесообразно предусмотреть следующее: «Лишение права заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, не связанной с управленческой, назначается на срок от одного года до десяти лет».

При законодательном закреплении названных правовых условий назначения рассматриваемых наказаний целесообразно в ст. 79 УК РФ предусмотреть возможность применения к осужденным условно-досрочного освобождения по отбытии тех же сроков наказания, которые установлены в ч. 3 данной статьи этого УК.

Кроме того, необходимо изменить правовые условия погашения судимости у осужденных к этим видам наказания. В настоящее время, согласно п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ, лицо, отбывшее наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, признается не имеющим

судимости по истечении одного года после отбытия этого наказания. Сроки погашения судимости у осужденного за коррупционные и некоторые иные преступления к наказанию в виде лишения права занимать должности на государственной службе или службе в органах местного самоуправления, а также лишения права заниматься управленческой деятельностью в коммерческих и иных негосударственных организациях и учреждениях либо заниматься определенной профессиональной и иной деятельностью следует увеличить, дифференцировав их, как это предусмотрено применительно к лишению свободы в зависимости от категории тяжести совершенного преступления.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в судебной практике России применяется весьма редко, хотя оно в качестве основного предусматривается в 6% санкций статей (либо их частей) Особенной части УК, а в качестве дополнительного – в 16,5%. Особо редко это наказание судами назначается в качестве основного. Вероятно, это объясняется, с одной стороны, недооценкой доктриной уголовного права и судебной практикой (да и законодателем) карательно-предупредительных возможностей данного наказания, с другой – отсутствием в уголовно-правовой науке и практике единообразного понимания правовых условий его применения по УК 1996 года.

По смыслу ч. 1 ст. 47 УК РФ не требуется конкретизации в приговоре должности и вида государственной службы (федеральной или субъекта федерации, военной, правоохранительной либо гражданской), а также конкретизации должности на службе в органах местного самоуправления (того или иного уровня). Этот запрет относится к любой должности на государственной службе каждого ее вида, а также и к любой должности службы в органах местного самоуправления.

С точки зрения логики и карательно-предупредительного значения рассматриваемого наказания представляется неразумным, с одной стороны, устанавливать

запрет осужденному занимать какую-либо конкретную должность федеральной государственной службы, и в то же время оставлять ему право занимать иную по компетенции и наименованию как должность федеральной государственной службы, так и должность государственной гражданской службы субъекта РФ. То же самое относится и к запрету занятия должностей службы в органах местного самоуправления. Нельзя же осужденному к данному наказанию за совершение преступления в связи с занимаемой должностью в органе местного самоуправления оставлять право занимать другие, менее или более важные должности на службе в другом по месту дислокации органе местного самоуправления либо на государственной службе.

Применительно к наказанию в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в ч. 1 ст. 47 УК указывается на «запрещение заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью». Такая формулировка закона предполагает необходимость конкретизации в приговоре суда вида запрещаемой осужденному профессиональной или иной деятельности.

Под «профессиональной» понимается такая деятельность, для занятия которой установлены определенные квалификационные требования, а именно наличие соответствующей профессиональной подготовки, подтвержденной официальным документом государственного образца (дипломом, сертификатом, свидетельством, удостоверением и т.п.). К профессиональным видам деятельности, например, относятся адвокатская, медицинская, педагогическая и другие виды деятельности.

В судебной практике вызывает определенные трудности понимание иной деятельности. В соответствии с ч. 1 ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. В ч. 1 ст. 37 Конституции РФ провозглашается, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выби-

рать род деятельности и профессии. Под иной деятельностью следует понимать, кроме выполнения лицом управленческих функций в коммерческой и иной организации, также и предпринимательскую либо иную не запрещенную законом деятельность, для занятия которой требуется получение лицензии (разрешения) либо регистрация в качестве индивидуального предпринимателя и постановка на учет как налогоплательщика. Во всех иных случаях, когда для соответствующей деятельности не требуется получения лицензии, регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или постановки на учет в качестве налогоплательщика, запрещение заниматься такой деятельностью, по мнению В.П.Малкова, «...не имеет смысла, так как в подобных случаях невозможен контроль за исполнением приговора о лишении права заниматься иной деятельностью, поскольку весьма затруднено исполнение предписаний приговора, а следовательно, привлечение к ответственности за неисполнение приговора и незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ, ст. 14.1, 14.20 КоАП РФ)» [13].

Возвращаясь к ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), следует отметить, что она служит защите, прежде всего, коллективных интересов, таким образом, является своеобразным «ограничителем» для руководителя. Интересно, что злоупотребление лицом, выполняющим управленческие функции, своими полномочиями совершается как путем действия, так и бездействия. Обязательным признаком преступления является наличие цели извлечения выгоды или каких-либо преимуществ (в том числе неимущественного характера). Формы злоупотребления полномочиями руководителей органов внутренних дел - многообразны: заключение заведомо ненужных для ОВД договоров с коммерческими организациями с целью извлечения собственной выгоды, сокрытие недостатков государственного имущества и т.д. Является ли то или иное деяние «злоупотреблением», может установить только суд, а до этого момента руководителя ОВД ожидает тщательная служебная проверка.

Таким образом, в отличие от коммерческих предприятий, где уголовное преследование осуществляется только по заявлению этой организации или с ее согласия (согласно примечанию к ст. 201 УК РФ), от государственных организаций для возбуждения уголовного производства ника-

кого заявления с их стороны не требуется. Такое положение в значительной степени упрощает порядок привлечения руководителя органа внутренних дел к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Юридическая энциклопедия/ под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2001. – С. 463. Большой Энциклопедический словарь/ глав. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 48–50; Кабанов П.А., Газимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие: учеб. пособие. – Набережные Челны, 2003. – С. 3.
2. См.: Юридическая энциклопедия/ под общ. ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 2001. – С. 463.
3. Там же. С. 464.
4. См.: Спецназ против взяточников. Генпрокуратура усиливает борьбу с коррупцией // Российская газета. – 2007. – 23 августа.
5. Большой Энциклопедический словарь/ глав. ред. А.М. Прохоров. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1998. – С. 48–50.
6. Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. – С. 53–54.
7. См.: Уголовный кодекс Голландии. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. – С. 147–149.
8. См.: Уголовное законодательство Норвегии. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. – С. 46–47.
9. См.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001.
10. См.: Уголовный кодекс Польши. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. С. 63–64.
11. См.: Уголовный кодекс Турции. – СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. – С. 46–47.
12. См.: Уголовный кодекс ФРГ. – М.: Зерцало, 2000. – С. 46–48.
13. См.: Малков В.П. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Военно-юридический журнал. – 2006. – С.66. – С. 48–50.

И.Р. Сахапов,
адъютант (КЮИ МВД России)

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОВД

Проблема коррупции — одна из центральных и наиболее дискуссионных в юриспруденции. Существующие определения коррупции отражают ее многоаспектность и многогранность [1]. Противодействие коррупции начинается с определения детерминантов - причин и условий, способствующих возникновению и существованию данного явления в обществе. Поэтому так необходимо выявить и рас-

крыть наиболее существенные элементы, провоцирующие коррупционные процессы в органах внутренних дел.

На макросоциальном уровне целесообразно выделить следующие наиболее значимые детерминанты, способствующие коррупции среди сотрудников ОВД:

- детерминанты экономического характера;
- детерминанты правового характера;
- детерминанты социального характера;

- детерминанты политического характера;
- детерминанты идеологического характера.

Детерминанты экономического характера выдвигаются на первый план, раскрывая наиболее значимые причины и условия данного негативного явления. К ним следует отнести отсутствие должного государственного контроля над рыночным реформированием экономики, низкий уровень благосостояния большей части населения, в том числе сотрудников ОВД, лишение их определенной части льгот, а также низкий уровень материально-технического обеспечения.

По данным Финансово-экономического департамента МВД России, на декабрь 2010 года средняя заработная плата (сумма, среднемесячно получаемая на руки, с учетом дополнительных выплат) российского милиционера (сержант, милиционер ППС, с выслугой 5 лет) составляла 12,3 тыс. руб. [2] В Республике Татарстан заработная плата стажеров милиции, предусмотренный законодательством срок стажировки которых — от трех месяцев до одного года, составляла 5-7 тыс.руб. при средней номинальной начисленной зарплате у жителей региона в размере 17,6 тыс.руб. [3]

Такой опасный, нелегкий труд недостаточно простимулирован. Однако, получая нищенские оклады, сотрудники ОВД возвращают в казну государства драгоценности, крупные денежные средства, исчисляемые порой миллионами долларов. Так, в своем интервью газете «Наша версия» первый заместитель начальника ДЭБ МВД России генерал – майор милиции А. Хорев привел данные, согласно которым в 2009 году подразделениями экономического блока обеспечено возмещение ущерба на сумму более 76 млрд рублей [4].

Плохое материально-техническое обеспечение правоохранительных органов ведет к тому, что руководителям подразделений приходится самостоятельно изыскивать средства на необходимую технику, горюче-смазочные материалы и другие нужды. Эти средства поступают в виде так называемой благотворительной помощи, которая не всегда оказывается бескорыст-

ной. Вместе с тем руководитель подразделения зависит от местной администрации, которая оценивает его деятельность, распределяется средствами местного бюджета, распределяет имущество жилого фонда и так далее. Это все ведет к установлению зависимости руководителя правоохранительного органа, с одной стороны, от бизнесменов, а с другой — от местных администраций, что, в свою очередь, сказывается на его объективности.

Поиск в условиях материального неблагополучия «внебюджетных источников финансирования» зачастую оборачивается мздоимством. Если, используя занимаемое положение, должностное лицо получает некое спонсорское вспомоществование в интересах службы, то следующий шаг — обретение по тому же каналу личных благ, и это вопрос времени.

В настоящее время основные социальные гарантии защиты, правовые льготы и компенсации для сотрудников органов внутренних дел определены Конституцией РФ, Федеральными законами РФ «О полиции» и «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Будем надеяться, что принятые государством меры по улучшению материального благосостояния сотрудников ОВД поспособствуют снижению коррупции в органах внутренних дел.

Немаловажное значение для предупреждения коррупции в правоохранительной сфере заслуживает исследование детерминант правового характера.

Детерминанты правового характера выражаются в несовершенстве правовой базы социальной сферы, неполноте, неясности, противоречивости нормативных актов, слабой действенности законов в сфере борьбы с преступностью, несовершенстве правоприменительной практики.

Возбуждать ли уголовное дело или отказывать в возбуждении? Проводить ли определенные следственные действия или не проводить, а если проводить, то когда, в каких условиях? Когда и кому предъявлять обвинение? Применять ли к обвиняемому

меры пресечения, когда и какие? Прекращать ли уголовное дело и по какому основанию? Решение этих и многих других вопросов может серьезно ограничить важнейшие гражданские права, а их правовое регулирование носит рамочный характер и во многом оставляет решение соответствующего вопроса на усмотрение следователя и дознавателя.

Следует заметить, что, по результатам опроса, примерно 50 % сотрудников органов внутренних дел объясняли наличие фактов коррупции в своей деятельности несовершенством законов, регулирующих их деятельность [5].

В нашей стране в результате действия некоторых нормативных правовых актов создаются административно-правовые барьеры, которые вынуждают «неформально» решать проблемы между гражданами и должностными лицами, криминализуя эти отношения и являясь скрытой коррупцией. Прежде всего, это касается подзаконных актов, предусматривающих условия выдачи лицензий, квот, согласований, допусков.

Существенной особенностью современной российской действительности является острое противоречие между официальным курсом на создание гражданского общества и правового государства, с одной стороны, и социально-правовой реальностью — с другой. Последняя характеризуется тем, что право и правосознание не стали основой социально-экономических отношений. Создалась ситуация, когда правовая подсистема общества, равно как и ее социальные ценности, неоднозначно воспринимаются и сложно принимаются обыденным сознанием [6].

Уровень законопослушания населения снижается в результате невыполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами, среди которых — несвоевременные выплаты заработной платы, пенсий, пособий, ненадлежащая адресная поддержка социально незащищенных слоев.

Среди детерминант социального характера важную роль играют резкая поляризация общества по степени материальной

обеспеченности, неблагополучная демографическая ситуация, ослабление государственной социальной поддержки, социальная напряженность как внутри правоохранительных органов, так и в отношениях правоохранительных органов и общества в целом.

Указанная напряженность порождается постоянной нестабильностью их деятельности. Заметим, что растянувшееся на долгие годы реформирование органов внутренних дел не только вносит неуверенность сотрудников правоохранительных органов в завтрашнем дне, но и не способствует развитию координации деятельности этих органов в поддержании правопорядка.

Детерминанты политического характера выражаются, прежде всего, в подрыве авторитета всех ветвей российской власти в глазах населения, в отсутствии стабильной экономической политики, коррупции. Истоками этого являются многочисленные просчеты в управлении, его неэффективность, преобладание групповых, клановых интересов над национальными. В юридической литературе обращается внимание на чудовищную бюрократизацию государственного аппарата, разрастание его численности, забвении интересов государства и государственной службы [7].

Масштабная коррупция в высших эшелонах государственной власти создает благоприятный фон для распространения множества правонарушений на нижних уровнях. В такой политической обстановке морально чистые правоохранительные органы были бы просто «чуждом». Правоохранительные органы невольно втягиваются в борьбу за власть между различными партиями и движениями, подчиняются социально-неадекватным нормам и законам, созданным в угоду чиновничества, игнорирующим и ущемляющим интересы большинства граждан [8].

К детерминантам идеологического характера надлежит отнести отсутствие комплексной идеологии правоохранительной деятельности позитивного характера, распространение культа вседозволенности, наживы любой ценой, нивелирование мо-

ражно-нравственных устоев общества, отсутствие четких ценностных ориентиров. В настоящее время насаждаемые средствами массовой информации насилие, агрессия, коррупция зачастую связываются с деятельностью правоохранительных органов, в результате чего в обществе складывается определенный стереотип, что сотрудники правоохранительных органов «все продажные» и их не интересуют проблемы рядовых граждан.

Наряду с негативными факторами экономического, правового, социального, политического, идеологического характера неблагоприятное воздействие на поведение работников ОВД оказывают детерминанты микросоциального уровня, т. е. при непосредственном окружении индивида в служебных, бытовых, семейных, досуговых отношениях.

На микросоциальном уровне причины совершения преступлений коррупционной направленности обусловлены специфическими условиями служебной деятельности, особенностями правоохранительной практики на местах, низким уровнем организации работы ОВД.

Существенное влияние на сотрудников оказывает конфликтный характер подавляющего большинства служебных ситуаций, участниками которых выступают работники правопорядка. Значительный объем властных принудительно-распорядительных полномочий, постоянная реализация которых может приводить к чрезмерному и необоснованному их использованию, проявляясь во властолюбии, стремлении к подавлению воли, чести, достоинства другого человека, самодурстве, нежелании признавать свои ошибки, уверенности в собственной непогрешимости, переходящей во вседозволенность.

Ухудшение качества психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, низкий уровень воспитательной работы с личным составом, отсутствие должного контроля за работой подчиненных обуславливают негативное формирование личности сотрудников, которые впоследствии выбирают противоправный способ удовлетворения своих по-

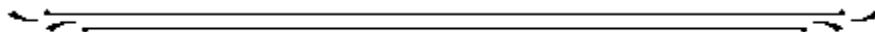
требностей и интересов, т. е. нарушают уголовный закон [9]. В силу этих факторов служба в ОВД не является престижной, что способствует текучести кадров.

В качестве факторов, способствующих совершению коррупционных преступлений, следует также рассматривать низкий уровень образовательной и профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов. Как правило, это связано с отсутствием свободного времени для посещения библиотек, музеев, театров. Кроме того, в настоящее время отсутствуют специальные развлекательные учреждения для сотрудников того или иного правоохранительного органа. Заметим, что в зарубежных странах общепринято посещение сотрудниками полиции так называемого специального закрытого кафе или бара, где проводят свободное от службы время только сотрудники полиции [10].

Исходя из вышеизложенного, необходимо указать на особую актуальность проблемы профилактики коррупции среди сотрудников ОВД, предусматривающую выработку комплекса мер, направленных на совершенствование деятельности организационно-управленческой структуры, проведение индивидуально-воспитательной работы со всеми категориями личного состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Ю. А. Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. - СПб., 2004. - С. 10.; Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. - М., 1992. - С. 5.
2. <http://www.mvd.rupress/interview/7825/7825/>.
3. По данным сайта территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан по состоянию на 1 октября 2010 года (http://www.tatstat.ru/digital/region12/2007/zp_10.pdf).
4. <http://www.mvd.rupress/interview/7429/7429/>.
5. Российская газета. - 1993.- 13 января.
6. Нечевина Н.Д. Особенности макропричинного комплекса преступности несовершеннолетних в современный период развития российского общества // Преступность и общество. -М., 2004. - С. 78.
7. Ведерникова О.Н. О контроле за деятельностью органов государственной власти // Преступность и власть. - 2000. - С. 8.
8. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. - СПб., 2000; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. - М., 1999.
9. Варыгии Л.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. - Саратов, 2003. - С. 38.
10. Удовиченко М.А. Причины и условия правоохранительной преступности // Российский криминологический взгляд. - 2005. - № 1. - С. 107.

Шалагин А.Е.,
кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫПУСК И РЕАЛИЗАЦИЮ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 238 УК РФ. Предложены уголовно-правовые и криминологические меры, направленные на защиту прав потребителей. Определены проблемы, возникающие в правоприменительной практике при расследовании и предупреждении таких общественно опасных деяний.

Одной из тенденций преступности в Российской Федерации выступает увеличение числа преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ. Начиная с 1997 года, число таких преступлений со 100 фактов увеличилось до 7476 в 2010 году [1]. Проникновение на российский рынок продукции иностранного производства низкого качества, постоянно растущая потребность населения в товарообороте позволяют недобросовестным производителям активно заниматься поставкой и реализацией контрафактных товаров. При этом в качестве сырья зачастую используются предметы и материалы, изначально представляющие угрозу жизни и здоровью населения.

В Федеральном законе от 2 января 2000 г. № 29 «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (в ред. от 19 июля 2011 г.) [2] определено, что безопасность пищевых продуктов – это состояние обоснованной уверенности в том, что они при нормальных условиях их потребления не являются вредными и опасными для живых организмов. При этом фальсифицированные – это умышленно изготовленные (поддельные), не прошедшие стандартизацию и сертификацию материалы или изделия, информация о которых является заведомо неполной либо недостоверной.

Если продукция, работы и услуги направлены на обеспечение жизни и здоровья потребителей, охрану окружающей среды, то они подлежат обязательной сертификации. Порядок и ее процедура опре-

деляются Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184 «О техническом регулировании» (в ред. от 6 декабря 2011 г.) [3]. Сертификация осуществляется в целях содействия потребителю в компетентном выборе продукции, защиты от недобросовестной конкуренции, контроля безопасности (безвредности) продукции.

Обязательной сертификации подлежат детские товары, продукты питания, товары народного потребления, контактирующие с пищевыми продуктами и питьевой водой, бытовая химия, парфюмерия и косметика, химчистка, услуги парикмахера, ремонт и обслуживание автомобилей, организация деятельности объектов торговли и общественного питания [4, с. 503].

Документами, подтверждающими соответствие продукции установленным требованиям (нормативам и стандартам), являются: *сертификат соответствия, декларация о соответствии, знаки обращения на рынке, а также национальный стандарт и др.*

Ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, предусмотрена ст. 238 УК РФ. Основным непосредственным объектом данного преступления – здоровье населения, дополнительным объектом выступают права потребителей, факультативным – здоровье конкретного человека. Предмет преступления – товары, работы или услу-

ги, не отвечающие требованиям безопасности, а также официальные документы, неправоммерно удостоверяющие их соответствие нормам безвредности для населения.

Объективная сторона преступления характеризуется следующими альтернативными действиями: 1) производство, перевозка, хранение в целях сбыта продукции или товаров, не отвечающих нормам безопасности жизни или здоровья; 2) их сбыт; 3) выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности; 4) нарушение правил выдачи или использования соответствующей документации.

Производство – изготовление товаров и продукции в целях последующей реализации и получения прибыли. Производство может осуществляться как заводским, так и кустарным способом.

Перевозка – это перемещение товаров и продукции, предназначенных для реализации, из одного места в другое (например, из помещения для хранения к месту продажи и наоборот). Перевозка осуществляется с использованием любого вида транспорта из одного населенного пункта в другой или в пределах одного населенного пункта.

Хранение – нахождение товаров и продукции во владении виновного, помещение в хранилище (склад, база, подвал, хозяйственная постройка и т.п.).

Сбыт – любые способы реализации товаров и продукции, например, оптовая или розничная продажа, а также любые способы возмездной или безвозмездной передачи другим лицам в форме дарения, обмена. Так, в сентябре 2011 г. гр-ка В. с целью изготовления в домашних условиях алкогольной продукции для последующей реализации приобрела техническое дезинфицирующее средство и, смешав его с водой и самогоном, разлила в пластиковые бутылки емкостью 0,9 л. В дальнейшем при сбыте этой жидкости она была задержана. Проведенной экспертизой было установлено, что данная продукция представляет реальную опасность для жизни и здоровья людей. В последующем гр. В. была осуждена по ч. 1 ст. 238 УК РФ [5].

Выполнение работ или оказание услуг регламентируется нормами гражданского законодательства. По соответствующему договору исполнитель обязуется по заданию заказчика выполнить тот или иной объем работы (совершить определенные действия), а заказчик, в свою очередь, обязуется оплатить эти услуги в порядке и сроки, указанные в договоре. К их числу относятся: строительные, ремонтные, монтажные, реставрационные работы, а также транспортные, жилищно-коммунальные, бытовые, медицинские и иные услуги.

Неправомерная выдача официального документа означает его оформление и предоставление заинтересованным лицам без должных оснований или с нарушением установленного порядка [6, с. 550]. *Неправомерное использование* имеет место при предоставлении просроченного, приостановленного, полученного незаконно документа и т.д.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238 УК РФ, является формальным. Преступление считается оконченным с момента совершения любого из деяний, указанных в диспозиции данной нормы. Общественно опасные последствия в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью либо смерти человека предусмотрены пунктом «в» части 2, а смерть двух и более лиц частью 3 данной уголовно-правовой нормы. В Нижегородской области (Дзержинске) в феврале 2011 г. был осужден гр. Н. по ч. 3 ст. 238 УК РФ. Работая на топливно-заправочном пункте, в нарушении установленных правил, он заправил газовый баллон пропанобутановой смесью, не выявив наличия остатка сжиженного углеводорода. В дальнейшем при использовании данного баллона произошел химический взрыв, повлекший пожар и разрушение железобетонных конструкций жилого дома, в результате чего погибло 7 человек [7].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. При наступлении тяжких последствий, предусмотренных п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, можно говорить о двойной форме вины. Преступление, предусмотренное ст.

238 УК РФ, как правило, совершается с целью сбыта товаров и продукции. Мотивом совершения преступления может выступать: корысть (получение прибыли); покрытие недостачи, убытков, сокрытие другого преступления.

Субъектом преступления выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В случае совершения подобно рода деяний юридическим лицом к уголовной ответственности следует привлекать конкретных физических лиц, фактически совершивших виновное деяние. Ими могут выступать представители администрации предприятий и учреждений, а также работники, занятые в сфере производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции [8, с. 135].

Кроме того, субъектом данного преступления выступают: 1) должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие, исполнительно-распорядительные функции в коммерческой организации, которая отвечает за производство, хранение, перевозку, сбыт товаров и продукции; 2) должностное лицо, которое неправоммерно выдает или регистрирует официальный документ, дающий право на производство товаров, оказание услуг; 3) индивидуальный предприниматель, занимающийся подобной деятельностью.

Квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления: совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в отношении товаров, работ и услуг, предназначенных для детей в возрасте до шести лет; повлекли по неосторожности смерть одного или нескольких лиц [9, с. 483-484]. *В марте 2010 г. гр-ка С., являясь директором филиала культурно-оздоровительного центра, организовала посещение его школьниками. На основе графика было запланировано ежедневное посещение детьми бассейна. Однако на должность спасателя никто принят не был. Дежурство медперсонала и инструкторов в бассейне предусмотрено не было. Это привело к тому, что утонул 13-летний мальчик. Суд признал гр. С. виновной по ч. 2 ст. 238 УК РФ и назначил ей наказание [10].*

По нашему мнению, пункт «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «те же деяния, если они совершены в отношении товаров, работ или услуг, предназначенных для детей в возрасте до четырнадцати лет». В данном случае непосредственным объектом преступления выступает здоровье детей. Предметом – детское питание, одежда, игрушки, школьные принадлежности. Снижать данный возраст до шести лет нецелесообразно.

Причины и условия преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, выражаются в следующем:

- наличие на потребительском рынке значительного количества фирм-однодневок, выступающих поставщиками низкокачественных (небезопасных) товаров и услуг;

- значительный объем контрафактной продукции (зачастую иностранного производства), представляющей угрозу для жизни и здоровья населения;

- незаконная миграция, способствующая использованию на российском рынке дешевой рабочей силы, что приводит к многочисленным нарушениям, несоблюдению санитарно-гигиенических нормативов, ухудшению эпидемиологической обстановки;

- недостаточно налажена система государственного контроля за производством товаров и оказанием услуг гражданам;

- слабая эффективность антикоррупционной деятельности в секторе экономики и т.д. [11, с. 10-11].

К мерам предупреждения преступлений данной направленности относятся:

- принятие и реализация комплексных программ на федеральном и региональном уровнях, обеспечивающих охрану здоровья населения и защиту прав потребителей;

- оказание государственной поддержки малому и среднему бизнесу, развитие и стимулирование института добросовестного предпринимательства;

- повышение уровня виктимологической профилактики потребителей, прове-

дение системного мониторинга качества товаров и услуг;

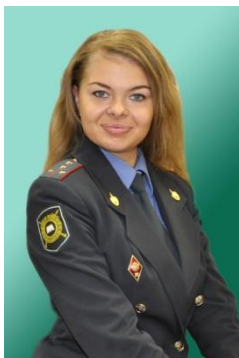
- подготовка специалистов и повышение квалификации среди сотрудников правоохранительных органов, специализирующихся на выявлении, документировании и расследовании уголовных дел данной категории.

Своевременная деятельность по пресечению административных правонаруше-

ний, предусмотренных ст. 14.4 КоАП РФ «Продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований» [12, с.61], может рассматриваться как эффективная мера профилактики более опасных уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст. 238 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.mvd.ru>.
2. СЗ РФ. -2000. -№ 2. -Ст. 150; СЗ РФ. - 2011. - № 30 (ч.1).- Ст. 4596.
3. СЗ РФ. - 2002.- № 52 (ч. 1).- Ст. 5140; СЗ РФ. - 2011. - № 50. - Ст. 7351.
4. См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. - М.: Статут, 2012. – 943 с.
5. <http://www.salavat.procrb.ru/rss/element>.
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. - М.: Юрайт, 2012. – 912 с.
7. <http://www.regnum.ru/news/1370349.html>.
8. Агафонов А.В. Ответственность за посягательства на безопасность жизни и здоровья потребителей (историко-правовой анализ) / под общ. ред. С.Н. Сабанина. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 327 с.
9. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.В. Шишко. – М.: Проспект, 2012. – 752 с.
10. <http://www.genproc.gov.ru/news/news-74734>.
11. См.: Хачатрян А.С. Предупреждение преступлений против здоровья населения, связанных с реализацией товаров, не отвечающих требованиям безопасности, на предприятиях общественного питания: автореф. дис. ...к.ю.н. - М.: Академия управления МВД России, 2010. – 26 с.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: Омега-Л, 2012. – 368 с.

Косорукова Е.В.,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИН ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГРУППИРОВКИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются причины вовлечения несовершеннолетних в группировки экстремистской направленности в Российской Федерации. Приводится перечень причин роста экстремистского поведения несовершеннолетних.

Проблема экстремизма в современном российском обществе наиболее обсуждаема и столь же противоречива. Не оставили ее без внимания политологи, социологи, юристы, представители власти, средств массовой информации, религиозные деятели. Экстремизм в представлении большинства ученых и практиков означает приверженность к крайним взглядам и мерам, склонность к решению возникших проблем социального, политического, правового, национального характера не принятыми в обществе способами, средствами и методами, зачастую насильственного характера [1].

Следует отметить, что молодежь рассматривается как большая социальная группа, имеющая специфические социальные и психологические черты, наличие которых определяется возрастными особенностями молодых людей и тем, что их социально-экономическое и общественно-политическое положение, их духовный мир находятся в состоянии становления. В современной научной литературе к этой группе обычно относят людей в возрасте от 15 до 30 лет [2]. Молодежь, определяя свой жизненный путь, решает конфликтные ситуации, исходя из сопоставления возможных вариантов. Если учесть, что для молодого возраста характерны эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций, то все указанное выше может привести к совершению девиации.

Проблема агрессивного и экстремистского поведения несовершеннолетних становится все более актуальной в условиях российской действительности. Элементы экстремистского поведения несовершеннолетних формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень причин роста экстремистского поведения несовершеннолетних исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство; желание самоутвердиться в мире взрослых; недостаточная социальная зрелость; недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

В настоящее время в сознании несовершеннолетних преобладают негативные оценки в отношении нынешнего положения России. Современная молодежь проходит свое становление в очень сложных условиях ломки старых ценностей и развития новых социальных отношений. Отсюда растерянность, пессимизм, неверие в будущее. И как следствие - агрессивность, экстремизм, шовинизм и криминальность. Поэтому такой аспект социологии молодежи, как изучение проблематики деятельности молодежных группировок экстремистской направленности, весьма актуален [3].

Причины усилившейся дестабилизации морально-правового поведения определенной части молодых людей ученые относят, прежде всего, к макроуровню данной проблемы, то есть к социально-политическому и социально-экономи-

ческому аспектам. При этом можно сделать вывод, что при проведении реформ в нашей стране органы государственной власти не приняли должных мер для защиты молодого поколения от издержек и негативных последствий так называемого переходного периода.

Огромная роль в формировании личности несовершеннолетнего принадлежит его семье. Влияние семьи осуществляется с самого раннего детства, поэтому поведение, нормы общения, а также принятая в семье система ценностей усваиваются весьма прочно и приобретают ярко выраженный личностный характер. Объясняется это следующим: формирование личности ребенка происходит не только посредством целенаправленного воспитательного воздействия со стороны членов семьи, но и под влиянием семейного уклада жизни.

А.Б. Сахаров полагает, что при всем многообразии факторов семейного неблагополучия обстоятельства, которые объективно затрудняют воспитание, а именно: структурная неполнота семьи, материальные, а также жилищные проблемы, в отличие от обстоятельств, обусловленных дефектной педагогической и личностной позицией родителей (безразличное отношение к детям, отказ от выполнения воспитательных функций, пьянство, скандалы, правонарушающее поведение в быту), — лишь способны затруднить воспитание ребенка в семье [4]. Несмотря на то что позиция данного автора по исследуемому нами вопросу была высказана им в прошлом веке, она, к сожалению, остается актуальной и в настоящее время.

Обязательному учету в процессе социализации и формирования личности подростка подлежат кризисы возраста. Так, Л.С. Выготский выделял кризис новорождения, одного года, трех, семи и тринадцати лет. Кризисы новорождения, трех лет и подросткового возраста относят к так называемым большим кризисам. Они характеризуются коренной перестройкой отношений ребенка и общества. Малые кризисы (кризис одного года, семи лет, 17 — 18 лет) проходят относительно спокойно, связаны с приобретением человеком опыта, знаний

и умений, развитием самостоятельности и самоопределением [5]. Кризисы возраста означают особый психологический этап, переход личности к новому, высшему периоду развития. Из всех переживаемых ребенком кризисных периодов наиболее сложным как для него самого, так и для тех, кто занимается его воспитанием (родителей, учителей), является кризис подросткового возраста.

Анализ причин и условий, способствующих возникновению дефектов социализации, выделяет наиболее общие признаки, которые используются для описания характеристики семьи: численность семьи, структура (число поколений); характер семейной власти и взаимоотношений между отдельными членами семьи и входящими в нее возрастными, половыми и другими «подгруппами»; социальные функции (воспроизводство поколений, социализация, организация и проведение досуга, взаимопомощь и сотрудничество, хозяйственно-потребительская функция и др.) [6].

Стремление подрастающего поколения к соответствию установкам и привычкам членов их семей объясняется совокупностью различных факторов: влияние семьи начинается в то время, когда ребенок еще полностью зависит от ухода взрослых, их руководства; для молодого человека семья — это сообщество, в котором он живет и растет обычно с момента своего рождения до отъезда на учебу или работу или же до вступления в брак. Такая степень интеграции невозможна в другой социальной группе; отношения молодого человека с семьей включают в себя все сферы человеческой жизни: от удовлетворения физиологических потребностей до духовных потребностей. На этой базе, в основном, и вырабатываются многие привычки, способы поведения и основные установки. Определяющий признак семейных отношений заключается в их интенсивно-эмоциональном характере, прежде всего, в постоянстве родительской заботы и семейного доверия, что приводит к относительно прочным связям между родителями и детьми. Дети идентифицируют себя с родителями тем полнее, чем больше к ним

относятся как к самостоятельным личностям, чем больше родители считаются с их потребностями, склонностями и интересами, чем больше им доверяют и лучше их понимают [7].

Беспрецедентные экономические, политические и иные проблемы переходного периода стали источником качественно новых негативных изменений в системе социализации подрастающего поколения, в процессах становления гражданского мировоззрения подростков, их моральных установок, культуры, нравственной позиции, правосознания, - т.е. всего того, что должно стать предпосылкой позитивного, законопослушного поведения.

Микросреда (непосредственное окружение) является мощным катализатором индивидуального поведения молодого человека. Прежде всего следует отметить роль различных групп, воздействующих на сознание и поведение молодого человека. Каждая группа выполняет определенные функции: поддерживающую, экспрессивную, инструментальную и функцию социализации [8].

Поддерживающая функция заключается в оказании психологической поддержки индивида при встрече с угрожающим фактором, в ослаблении неприятных чувств и эмоций. Срабатывает защитный механизм, индивид подсознательно ищет группу, выполняющую данную функцию среди социально неприемлемых, в том числе и в группах экстремистской направленности.

Экспрессивная функция состоит в удовлетворении потребности людей в одобрении, уважении и доверии. Эту роль чаще всего выполняют первичные и неформальные группы, где индивид получает удовольствие от общения с психологически близкими ему людьми.

Инструментальная функция проявляется в осуществлении той или иной совместной деятельности, в достижении определенных целей и, кроме того, предоставляет индивиду возможность самореализации.

Функция социализации состоит в том, что именно в группе индивид овладевает необходимыми навыками и умениями, которые обеспечивают его включение в сис-

тему более широких социальных связей и норм [9].

Часто асоциальные (стоящие в стороне от основных общественных проблем) и антисоциальные (социально отрицательные) неформальные стихийные группы молодежи формируются под влиянием лидера. Лидерство среди современной молодежи зависит, к сожалению, не от культурного развития, а от опыта асоциального общения. Чаще всего лидерами этих групп становятся молодые люди, обладающие организационными, управленческими навыками и не нашедшие применения своим способностям в школе, колледже, вузе, трудовом коллективе. Как правило, лидер имеет сильную волю, твердый, решительный характер, богатый жизненный опыт, довольно часто подвержен восприятию деформированных черт сознания и поведения.

Феномен образования экстремистских групп более характерен для крупных и сверхкрупных городов. Это обусловлено тем, что на достаточно ограниченной территории высока концентрация социальных, экономических, нравственных, психологических и иных проблем. Многообразие возможных контактов вне семьи и учебных заведений, утрачивающих монополию на передачу значимой для молодежи информации, быстрота распространения моды на определенные формы поведения в сочетании со значительным объемом свободного времени — все это наряду со многими другими факторами изменения ситуации жизнедеятельности создает предпосылки для повышения значимости досуговой, а точнее, внеучебной самостоятельности как способа самореализации городской молодежи [10].

Причины вовлечения несовершеннолетних в различного рода экстремистские организации и объединения весьма разнообразны и применительно к России сводятся к следующим.

1. Ухудшение условий жизни в России. Первый из общих факторов, влияющий на развитие и становление молодежного политэкстремизма любого толка, — это сегодняшние условия жизни, значительно ухудшившиеся за последние 10-15 лет. В

России огромное количество молодых людей с ужасом осознают, что они обречены на прозябание, что они никому не нужны, что они будут жить гораздо хуже родителей и что неопределенность ситуации в стране в настоящий момент будет длиться еще неизвестно сколько, а значит, у них нет будущего. Это заставляет искать какой-нибудь выход, порождает недовольство, толкает на бунт, на противостояние существующему государственному строю, власти и обществу, т.е. прямоком в оппозиционно настроенные организации. Среди этих организаций наиболее привлекательными для несовершеннолетних являются «крайне правые» и «крайне левые» экстремистские организации, дающие ощущение риска, романтики, возможность участия в активных действиях и не делающие упора на моральные и умственные качества индивида.

2. Война в Чечне. Другой причиной, повлиявшей на всплеск молодежного экстремизма, прежде всего праворадикального и фашистского толка, можно считать войну в Чечне. После войны и последовавшей за ней нестабильной и угрожающей ситуации жители Кавказа начинают восприниматься в образе опасного врага, врага «с кавказским лицом», причем врага русских, православных, которым активно противостоят «упертые» исламисты-фанатики, использующие самые крайние меры. Не вдаваясь в причины и поводы конфликта, положившего начало этой войне, часть молодежи и подростков поняла и уяснила только одно – какая-то часть «кавказцев» убивает хороших русских парней, причем делает это безжалостно, жестоко и зло, не пренебрегая ничем, отказавшись от большинства моральных и этических запретов.

3. Усиление миграционных процессов. Еще одним фактором, обострившим крайне националистические настроения среди молодежи России, является усиление миграционных процессов, связанных с переселением больших групп людей, в первую очередь из регионов Кавказа и Средней Азии [11]. Россию охватил невиданный спад и кризис во всех отраслях производ-

ства. Как следствие - в стране растет безработица. Огромное число людей, особенно среди молодежи, хотят, но не могут трудоустроиться, найти свое место в жизни. Зачастую люди остаются невостребованными, и, естественно, их совсем не радуют иммигранты, которые будут выступать конкурентами в поиске рабочих мест. Но не этот фактор вызывает такое сильное раздражение. Часть приезжих, презрев низкооплачиваемый труд на предприятиях, стала заниматься деятельностью, четко регламентированной Уголовным кодексом РФ как преступные действия. Они создают этнические преступные группировки, банды, сообщества, занимаются кражами, грабежами, совершают избиения, насилия, убийства и по большей части в отношении коренного населения, зачастую по своей жестокости и дерзости оставляя местные криминальные образования далеко позади.

4. Конфликты культур и этносов. Еще одна причина роста молодежного экстремизма – это усиление активности мусульманских экстремистов. Они начинают свою деятельность зачастую настолько напористо и активно, что вызывают тревогу и опасения не только у православной, но и у атеистически настроенной части населения [12].

5. Кризис культуры, морали и нравственности.

6. Недостаточное внимание государства к молодежным проблемам (отсутствие заботы о полезном досуге несовершеннолетних, ограниченное количество бесплатных творческих кружков, спортивных секций) предоставляет возможность экстремистским организациям для привлечения молодежи в свои ряды, в том числе путем организации бесплатных занятий в своих спортивных секциях.

7. Проэксстремистские позиции отдельных представителей средств массовой информации [13]. Перенасыщенность рынка не самыми лучшими западными и американскими фильмами и низкопробной литературой стимулирует в молодежи жестокость, насилие и желание применять их на практике.

Большой вклад в развитие предпосылок экстремизма среди российской молодежи внесла наша так называемая массовая культура, когда распространяются скопированные не с самых лучших западных стандартов отечественные фильмы в жанре «чернухи», кровавые боевики и триллеры, а также телепередачи, стимулирующие у молодежи жестокость, насилие и желание его применения на практике. Посредством такого рода телепродукции снижается уровень духовности, нивелируются многие морально-нравственные категории, внедряются далеко не лучшие образцы западных ценностей: культ денег и грубой физической силы, понятие вседозволенности.

На книжный рынок России также хлынул поток развлекательного «чтива» самой низкой литературной оценки [14].

Значительная часть несовершеннолетних, морально, духовно и умственно искалеченная массовой культурой, вырастает злой, бездуховной и жестокой, готовой к насилию. Такие подростки потенциально опасны и готовы применять это насилие в отношении окружающих, в том числе и будучи членом экстремистского объединения.

Таким образом, отсутствие заботы о досуге несовершеннолетних, о полезном времяпровождении, взимание платы за посещение дискотек, творческих кружков, спортивных секций порождает у данных лиц стремление самостоятельно заполнять свой досуг и часто толкает их на путь хулиганства, вандализма, а также и политического экстремизма. Ведь экстремистские организации делают все возможное, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше молодежи и подростков, используя при этом и желание подростков раз-

влечься, чем-то заполнить свое свободное время.

Обычно молодые экстремисты склонны группироваться вокруг какой-нибудь «солидной» экстремистской организации или объединения. Изначально молодой человек, пришедший в организацию такого рода, может и не являться экстремистом - он становится им постепенно, в процессе участия в деятельности этой организации и постепенного усваивания ее идеологии. Иногда может происходить так называемое самозарождение молодежного экстремизма, когда относительно крупные политизированные молодежные группировки экстремистского толка возникают без участия взрослых экстремистов. Самым ярким примером такого самозарождения может служить возникновение молодежных организаций скинхедов - российских «бритоголовых» – молодых расистов неонацистского толка. По активности и массовости движение российских «бритоголовых» занимает лидирующее место среди неорганизованных групп экстремистски настроенной молодежи. В случае самозарождения молодежного экстремизма главным фактором его возникновения становится существование хорошо разработанной идеологии, носящей привлекательный для молодежи характер [15].

На настоящий момент в России имеются партии и организации, попадающие под определение экстремистских. По своей идеологической направленности такого рода экстремистские объединения бывают как правого, левого, так и религиозного толка, и в каждой из них существует определенная группа молодежи, всеми силами стремящаяся способствовать деятельности такого объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. — М., 2010. — С. 24.
2. Бааль Н.Б. Политический экстремизм молодежи как острейшая проблема современной России // Российский следователь. — 2007. — № 7. — С. 27.
3. Там же.
4. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. — М., 1961. — С. 87.
5. См.: Выготский Л.С. Психология. — М., 2002.

-
6. Зарипова Д.М. Борьба с преступностью маргинальных групп населения: теоретические и прикладные проблемы. — Казань, 2000. — С. 53, 54.
 7. Пинтер А. Молодёжь и семья. Исследование проблем молодёжи. — М., 1976. — С. 315.
 8. Цыбелов А.А. Особенности причин преступности экстремистской направленности на уровне малых групп // Журнал российского права. — 2009. — № 4. — С. 124.
 9. Там же.
 10. Лаушкин А.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, отчуждённого до совершения преступления от учёбы и трудовой занятости: материалы международной научно-практической конференции. — М., 2005. — С. 88, 89.
 11. См.: Методические рекомендации по расследованию преступлений экстремистской направленности. — Казань, 2011.
 12. См.: Там же.
 13. Демидов Ю.Н. Проблемы совершенствования борьбы с терроризмом и экстремизмом. Преступность и проблемы борьбы с ней. — М., 2007. — С. 212.
 14. См.: Методические рекомендации по расследованию преступлений экстремистской направленности. — Казань, 2011.
 15. См.: Там же.

Р.Р. Алабердеев,
кандидат экономических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

О МЕЖДУНАРОДНОМ ОПЫТЕ БОРЬБЫ С НАЛОГОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

На основе анализа функционирования органов Федеральной службы налоговой полиции в России и имеющегося зарубежного опыта коллег автор предлагает модель государственного органа, осуществляющего функции по выявлению и раскрытию преступлений, посягающих на финансовую систему государства.

Налогообложение как элемент экономического строя общества присуще всем государственным системам как рыночного, так и нерыночного типа и является обязанностью всех экономических субъектов. В современной России эта обязанность регламентирована в ст. 57 Конституции страны [1], что подчеркивает значимость данной процедуры. Невыполнение этих обязанностей влечет установленную законом ответственность. В ст. 106 Налогового кодекса Российской Федерации указано, что налоговым правонарушением признается виновно совершенное, противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние налогоплательщика (налогового агента), за которое установлена ответственность [2].

Однако, несмотря на указанные законодательные предписания, за годы экономических реформ правонарушения в налоговой сфере выросли до угрожающих масштабов, преступления в этой сфере приобрели высокоинтеллектуальный характер, а схемы укрытия доходов в бизнесе стали распространенным явлением. Причины распространенности налоговых правонарушений, по мнению некоторых специалистов, кроются в методах экономических реформ. В этой связи Грицай Г.И. отметил, что: «Одновременно «шоковый период» создания рыночной экономики в Российской Федерации породил немало проблем

в системе сбора налогов. Налоговые обязанности, установленные Конституцией РФ, плохо согласовывались с методами экономических реформ, которые в течение многих лет игнорировали интересы большинства россиян» [3]. По мнению Надежина Н.Н., государство ежегодно недополучает до трети налоговых поступлений в бюджет. Уклонение от уплаты налогов получило широкое распространение, носит массовый характер и является главной причиной непоступления налогов в бюджет. Рост налоговой преступности имеет высокую динамику, поэтому по некоторым оценкам характеризуется как катастрофический. Как показывает статистика, чаще всего налоговые преступления направлены на уклонение от уплаты налогов, предусматривающих наиболее крупные отчисления в бюджет» [4].

В связи с указанными обстоятельствами государству для успешного проведения налоговой политики необходима стройная система организационных мероприятий, в том числе в области обеспечения своевременного предупреждения, выявления и раскрытия налоговых преступлений в целях исполнения принципа неотвратимости наказания. Сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции должны располагать достаточно надежным и эффективным комплексом оперативно-розыскных мер и

методиками их применения для борьбы с налоговыми преступлениями.

Выполняя задачи по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений, сотрудники территориальных органов МВД России часто сталкиваются с тем, что процесс доказывания и восстановления всей картины налоговых преступлений представляет значительную сложность. Основной проблемой является доказывание умысла в совершении налогового преступления, так как подавляющее большинство обвиняемых ссылаются на технические ошибки, незнание законов, инструкций и иных нормативных правовых актов. Большинство уголовных дел, находящихся в производстве следователей СК России, представляет повышенную сложность для следствия в силу многоэтапности, объемности, неочевидности, завуалированности преступлений, больших сумм нанесенного государству ущерба, стремления обвиняемых различными способами повлиять на исход дела, уклонения от явки в следственные органы и т.д.

Особенностью осуществления оперативно-розыскной деятельности в сфере налогообложения и экономики является тот факт, что с ее помощью правоохранительные органы не только выявляют и пресекают налоговые и иные экономические преступления, но и имеют возможность более глубокой проработки выявленных схем совершения преступления, а также лиц, их совершивших. В то же время создание в структуре УЭБиПК самостоятельного оперативного подразделения по налоговым преступлениям позволяет комплексно решать задачи противодействия указанной категории правонарушений, концентрируя силы и средства на наиболее криминогенных отраслях экономики и не допуская снижения эффективности служебной деятельности в данном направлении.

Впервые подразделения по борьбе с налоговыми преступлениями в структуре МВД России были созданы в соответствии с Указом Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 «Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации» [5] и Федеральным законом

РФ от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации, предоставлении отдельных гарантий сотрудникам органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и упраздняемых федеральных органов налоговой полиции в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления» [6] в связи с упразднением Федеральной службы налоговой полиции РФ [7]. В структуре МВД России была образована Федеральная служба по экономическим и налоговым преступлениям (ФСЭНП МВД России) [8]. Постановлением Правительства РФ от 24 июня 2003 г. № 362 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2000 г. № 925 «О подразделениях Криминальной милиции»» подразделения по налоговым преступлениям включены в состав криминальной милиции [9]. Приказом МВД России от 5 июня 2003 г. № 385 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 года № 306» утверждено Положение о Федеральной службе по экономическим и налоговым преступлениям МВД России [10].

В структуре ФСЭНП МВД России созданы два Главных управления:

1) по налоговым преступлениям (ГУНП ФСЭНП МВД России) – приказ МВД России от 8 июля 2003 г. № 533 «Об утверждении Положения о Главном управлении по налоговым преступлениям ФСЭНП МВД России»;

2) по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП ФСЭНП МВД России) – приказ МВД России от 13 августа 2003 г. № 634 «Об утверждении Положения о Главном управлении по борьбе с экономическими преступлениями ФСЭНП МВД РФ».

При этом задачи по выявлению налоговых преступлений определены непосредственно для ГУНП ФСЭНП МВД России.

С 2005 года служба преобразована в Департамент экономической безопасности,

а в ходе реорганизации МВД России в 2011 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» образовано Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции [11].

В соответствии с приказом МВД России от 24 июня 2003 г. № 477 «Об организационно-штатных вопросах» сформировано Управление по налоговым преступлениям и находящихся в его оперативном подчинении ОРЧ криминальной милиции по линии налоговых преступлений.

Наиболее существенные преобразования произошли в 2011 году в связи с реформированием МВД России. УНП и ОРЧ КМ по НП преобразованы в Оперативно-розыскную часть экономической безопасности и противодействия коррупции.

При этом основные задачи, поставленные перед подразделениями по налоговым преступлениям, существенного изменения не претерпели:

1) участие в защите сферы экономики государства от преступных посягательств, связанных с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах;

2) осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскной и документально-проверочной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с нарушением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Вместе с тем перед подразделением поставлена и дополнительная задача, связанная с выявлением также и иных преступлений, отнесенных нормативными правовыми актами МВД России к компетенции подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции).

С 1 января 2012 г. в соответствии с приказами МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России» и от 24 ноября 2011 г. № 1167 «О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России» определена структура подразделений экономической безопасности и про-

тиводействия коррупции территориальных органов МВД России. В соответствии с этими приказами вновь воссозданы управления (отделы) по экономической безопасности и противодействию коррупции, в структуре которых функционируют отделы (отделения) по борьбе с налоговыми преступлениями.

Из указанного анализа видно, что только за неполных 9 лет с момента передачи подразделений по борьбе с налоговыми преступлениями в МВД России эти подразделения неоднократно реформировались, вплоть до полной ликвидации в некоторых регионах. Эти реформы проводились, несмотря на то что именно налоговыми преступлениями наносится значительный вред бюджетной системе страны и возможностям государства по проведению социально-экономических преобразований. Создается впечатление, что в стране существуют некие силы, которым не выгодно существование подобных подразделений, которые могут путем применения оперативно-розыскных методов и сил противостоять налоговой преступности.

Однако, несмотря на стремление указанных сил, оперативные подразделения по борьбе с налоговыми преступлениями пока функционируют, хотя и не во всех регионах, при этом их возможности сильно ограничены как проведенными в МВД России реформами, так и изменениями, внесенными в налоговое, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. В частности, в соответствии с Федеральным законом РФ от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ст. 140 УПК РФ дополнена частью 1.1: «Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела». В связи с чем собранные сотрудниками территориальных органов МВД России оперативные материалы по налоговым преступлениям не

могут быть основанием для возбуждения уголовного дела. Законодательно не определен механизм представления налоговому органу материалов оперативно-розыскной деятельности, которые могут стать весомым аргументом как при назначении проверки, так и доказательствами совершенного налогового правонарушения при предъявлении обвинения лицу по уголовному делу.

Также остро стоит проблема назначения выездных налоговых проверок на основании материалов, направляемых ОВД. Руководителем налогового органа единолично принимается решение о включении налогоплательщика в план проверок. При этом в случае положительного решения сроки назначения проверки законодательно не определены.

Указанные нововведения значительно усложнили процесс выявления и доказывания налоговых преступлений, поскольку ранее уголовные дела могли возбуждаться по полученным в ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий сведениям и без актов налоговых проверок, осуществленных налоговыми органами.

В соответствии с Федеральными законами РФ от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» с 1 января 2011 года предварительное следствие по уголовным делам по ст.ст. 198-199.2 УК РФ производится следователями Следственного комитета РФ. Все материалы налоговых проверок в настоящее время поступают непосредственно в подразделения СК России.

Передача в СК России функций предварительного следствия по налоговым преступлениям в настоящее время усложнила работу подразделений МВД России по их оперативному сопровождению, поскольку в ОВД поступают только копии материалов совместных выездных налоговых проверок. Наличие в НК РФ норм, не позво-

ляющих участвовать сотрудникам ОВД в камеральных налоговых проверках и иных контрольных мероприятиях, существенно сужают возможности контролирующих и правоохранительных органов по своевременному предотвращению незаконного возмещения НДС из бюджета.

Кроме того, отсутствие продолжительного опыта расследования налоговых преступлений следователями СК России и незначительная штатная численность специализированного следственного подразделения не позволяет в сжатые сроки повысить эффективность расследования налоговых преступлений, передавая все больше отдельных поручений для исполнения в территориальные органы МВД России.

Однако, несмотря на стремление некоторой части общества к ликвидации подразделений по борьбе с налоговыми преступлениями, подобные подразделения имеются во многих развитых странах, хотя и не всегда в структуре МВД.

Например, такое разграничение функций противодействия общеуголовной и финансовой преступности между полицейским и другими ведомствами, существует в США, Великобритании (Служба внутренних доходов в этих странах входит в Минфин), Франции, Италии (Финансовая гвардия Италии подчиняется Министру экономики и финансов). В странах постсоветского пространства финансовая полиция, не входящая в МВД, создана в Белоруссии, Грузии, Кыргызстане, Казахстане.

В связи с высказанными обстоятельствами примечателен опыт США: граждане Америки обязаны платить налоги в казну независимо от того, где по миру они проживают и независимо от того, оплачивают ли они там налоги. США являются единственной страной Организации экономического сотрудничества и развития, которая облагает налогом своих граждан вне зависимости от места их проживания. Властям США удалось даже получить показания сотрудника крупнейшего швейцарского банка UBS Брэдли Биркенфельда, который подробно рассказал о схемах ухода от налогов через анонимные счета в Швейцарии. Это вызвало крупнейший

скандал в американо-швейцарских отношениях — тогда Минфин США оштрафовал банк UBS на 780 миллионов долларов за помощь американцам в уклонении от уплаты налогов. Расследования и санкции последовали в отношении еще 11 швейцарских финансовых институтов [12].

С учетом наметившейся тенденции и сделанного шага по передаче функции выявления налоговых преступлений от органов внутренних дел узкоспециализированному ведомству, а также описанного выше зарубежного опыта может быть сделан вывод о возможных направлениях совершенствования функции по выявлению и раскрытию финансовых преступлений в России.

Возможно наделение налогового органа Федеральной налоговой службы полномочиями органа дознания для выявления признаков преступления посредством проведения ОРД с последующей передачей материалов в органы предварительного следствия, а также осуществления оперативного сопровождения предварительного расследования.

Этот вариант реформы является менее затратным, однако и менее эффективным, так как предполагает решение лишь одной из стоящих перед правоохранительной системой задач — совершенствование лишь системы противодействия налоговой, но не в целом финансовой преступности.

Поэтому предпочтительней видится модель реформы, предполагающая создание в стране качественно нового государственного органа, который осуществлял бы в полном объеме функцию по выявлению и раскрытию преступлений, посягающих на финансовую систему государства — Финансовой полиции Российской Федерации. К предмету ведения этого государственного органа можно было бы отнести, помимо задач, связанных с противодействием преступлениям в фискальной сфере, также выявление, пресечение и раскрытие преступных деяний в области расходования средств государственных и муниципальных бюджетов и внебюджетных фондов. Это позволило бы решать задачу противодействия финансовой преступности комплексно.

Следует отметить, что результативность противодействия правонарушениям в финансовой сфере во многом зависит не только от эффективности каждого из перечисленных выше трех направлений государственной деятельности (информационно-аналитической разведки, финансового контроля и непосредственно ОРД), но и от того, насколько скоординированно и слаженно будут осуществляться названные функции.

С учетом этого может быть предложено объединить функции финансовой разведки и ОРД в области противодействия финансовым преступлениям путем создания нового ведомства на информационной и кадровой базе Росфинмониторинга, посредством реорганизации этого ведомства в Финансовую полицию Российской Федерации, с сохранением у ведомства функции финансовой разведки и наделения его в качестве основного вида деятельности функцией по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений, посягающих на финансовую систему государства методами и средствами оперативно-розыскной деятельности.

Объединение функций финансовой разведки и выявления преступлений в финансовой сфере в одном госоргане позволит эффективно и оперативно проверять и реализовывать информацию о подозрительных финансовых сделках и операциях методами и средствами оперативно-розыскной деятельности и при наличии признаков преступления передавать качественный и полный материал в следственные органы.

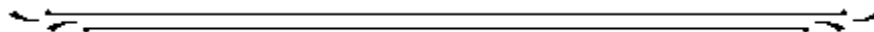
В целях обеспечения единообразия государственной политики в области регулирования государственных финансов, а также в сфере противодействия преступлениям в данной области, может быть предложено подчинить новое ведомство непосредственно Президенту Российской Федерации либо Председателю Правительства, включив его в состав Правительства Российской Федерации на правах самостоятельного государственного органа исполнительной власти.

Подобная модель организации также позволит снизить коррупциогенные риски

и риски, связанные со злоупотреблением мого нового ведомства.
должностными полномочиями внутри са-

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета // от 25 декабря 1993 г., № 237.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. В ред. Федер. закона Рос. Федерации от 3 дек. 2011 г. № 392-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3824.
3. Грицай Г.И. О принципах ответственности в налоговой сфере в современной России // Налоги. – 2007. – № 5.
4. Надежин Н.Н. Понятие налогового преступления в эволюции правовой системы России XX в. // Налоги. – 2007. – № 6.
5. Российская газета. – 2003. - № 55, см. также: Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 12. - Ст. 1099.
6. Российская газета.- 2003. - № 126, см. также: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 27 (часть I). - Ст. 2700.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 21. - Ст. 1992.
8. Петросян О.Ш., Артемьева Ю.А. Налоговые преступления. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 104. Функции по выявлению и расследованию налоговых преступлений с 1 июля 2003 г. переданы МВД России, где в соответствии с Указом Президента РФ от 21 мая 2003 г. № 547 «О внесении изменений и дополнений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации».
9. Собрание законодательства Российской Федерации. -2003. -. № 26. - Ст. 2659.
10. Кучеров И.И. Выявление, предупреждение и пресечение налоговых преступлений и правонарушений органами внутренних дел. – М.: АО «ЦентрЮрИнфоР», 2003. – С. 35.
11. Собрание законодательства Российской Федерации.- 2011. - № 10. - Ст. 1334.
12. Американцы массово отказываются от гражданства /URL: <http://news.mail.ru/society/8839015/> 3 мая 2012.

А.А.Хайдаров,
кандидат юридических наук (КЮИ МВД России)

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается проблема ускорения судебного следствия, приводится статистика сроков рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, анализируются причины превышения разумных сроков, выделяются причины, которые должны учитываться при определении разумности срока судебного следствия.

Тенденция ускорения уголовного процесса в ходе последних десятилетий вполне «приложима едва ли не ко всем современным уголовно-процессуальным системам» [1. С.38]. Сроки производства по уголовным делам, в том числе в рамках судебного производства, неуклонно растут как в иностранных государствах, так и в России. Причины подобной тенденции вполне очевидны - это перегруженность судебных органов; расширение прав участников уголовного судопроизводства, прежде всего, участников со стороны защиты, которые используют их с целью тянуть рассмотрение дела; чрезмерное предоставленное судебское усмотрение при принятии процессуальных решений и производстве процессуальных действий, которое в ряде случаев перерастает в субъективизм и произвол, что сказывается на сроках рассмотрения дела.

Срок рассмотрения уголовного дела в целом состоит из сроков, отведенных на возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, подготовку к судебному заседанию и судебное разбирательство. Значительная часть процессуальных действий и решений судом (судьей) в судебных стадиях производится на судебном следствии. Оно в свою очередь имеет самостоятельное значение по отношению к другим этапам производства по делу. Это означает, что суд (судья) в рамках судебного разбирательства обязан проводить новое следствие устно, гласно, непосредственно, что, безусловно, приводит к увеличению общего срока рассмотрения уго-

ловного дела. Следственно-судебная практика подсказывает, что большинство нарушений разумного срока уголовного судопроизводства допускается именно при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. В ходе исследования нами были выявлены случаи, когда судьями в целях затягивания процесса принимались процессуальные решения об отложении судебного разбирательства по формальным основаниям, передаче уголовного дела по подсудности, передаче уголовного дела для рассмотрения другому судье внутри указанного районного суда по причине болезни, ухода в отпуск и т.д. Данные процессуальные решения принимались хотя и в законном поле, однако граничили с субъективизмом и произволом. Причины затягивания процесса могут быть различные, например, это нежелание суда (судьи) выносить окончательный вид решения по сложному уголовному делу из-за боязни отмены этого решения в вышестоящей инстанции.

Одним из значимых показателей в судебной деятельности является оперативность [2]. Разработка организационных основ правосудия в части, касающейся сроков судебного разбирательства, в настоящее время является одной из насущных задач юридической науки.

Об актуальности проблемы свидетельствуют постоянно растущие сроки рассмотрения дела в суде первой инстанции. Уголовные дела, которые находились в производстве у конкретных судей в 2009 г. до 1,5 месяцев, составили 50,9 % от об-

щего количества дел, принятых к рассмотрению, от 1,5 до 3 месяцев – 26 %, от 3-х месяцев до 1 года – 20 %, от 1-2 лет – 2,4 %, свыше 2 лет – 0,7 % [3]. В первом полугодии 2010 года: до 1,5 месяцев - 45,6 % от общего числа оконченных дел; от 1,5 до 3-х месяцев включительно – 28,4 %; от 3-х месяцев до 1 года включительно – 21,8 %; от года до 2-х лет включительно – 2,5 %; от 2-х до 3-х лет включительно – 0,6 %; свыше 3-х лет – 0,3 % [4]. Указанные сроки рассмотрения уголовных дел в судебных стадиях вызывают тревогу в связи с тем, что значительное число лиц, обвиняемых в совершении преступления, содержатся под стражей.

О существенности проблемы говорит и явно выраженное направление реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства в рамках контроля за сроками рассмотрения уголовного дела, в том числе в судебных стадиях. Так, в УПК был предусмотрен новый принцип уголовного процесса – «Разумный срок уголовного судопроизводства».

Основные международно-правовые акты в области защиты прав человека, относят право на разрешение уголовного дела «в разумный срок» к числу фундаментальных прав личности [1, с.39].

Согласно общепризнанным принципам и нормам международного права быть судимым без неоправданной задержки составляет одно из основополагающих прав человека, неразрывно связанное с правом на справедливое судебное разбирательство [2].

На протяжении последних 20 лет нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства является наиболее распространенным основанием подачи жалоб в Европейский суд по правам человека [1. С.40; 5. С.6-7].

Значительное число жалоб в Европейском суде в настоящее время связано с нарушением ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с чрезмерной длительностью рассмотрения дела в национальных судах.

Реформирование судебного разбирательства, в том числе судебного следствия, в направлении ускорения производства по уголовным делам без ущерба правам и законным интересам участников является одной из важнейших проблем современной науки уголовного процесса. В настоящей работе будут рассматриваться лишь вопросы, связанные с ускорением судебного следствия.

В Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. года было предусмотрено такое общее условие судебного разбирательства, как непрерывность судебного разбирательства. В соответствии с абзацем 2 ст.240 УПК РСФСР судебное заседание по каждому уголовному делу должно было проходить непрерывно, кроме времени, назначенного для отдыха. Как известно, УПК РФ 2001 года не воспринял указанное общее условие. В Уголовно-процессуальном кодексе не установлена и общая продолжительность судебного разбирательства. Однако в ряд статей УПК устанавливаются общие пределы судейского усмотрения в вопросе продолжительности судебного разбирательства.

Так, мировым судьей судебное разбирательство должно быть начато не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления или уголовного дела. Рассмотрение уголовного дела в судебном заседании федеральным судьей должно быть начато не позднее 14 суток со дня вынесения судьей постановления о назначении судебного заседания, а по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, - не позднее 30 суток. Кроме того, рассмотрение уголовного дела в судебном заседании не может быть начато ранее 7 суток со дня вручения обвиняемому копии обвинительного заключения или обвинительного акта. Стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК).

Ограничение судейского (судебного) усмотрения в вопросе продолжительности судебного разбирательства, как это существует на стадии предварительного рас-

следования, невозможно. Пределов усмотрения судьи в указанном вопросе до внесения изменений Федеральным законом от 30.04.2010 N 69-ФЗ, не существовало, что привело к росту уголовных дел, сроки рассмотрения которых существенно затягивались. Подобный вывод вполне очевиден для практикующих адвокатов, а также помощников прокуроров, поддерживающих государственное обвинение. Рассмотрения ряда уголовных дел, по их утверждению, продолжается годами. В первой половине 2011 года рассмотрение 1405 уголовных дел было окончено в срок свыше 1 года до 2-х лет, 157 уголовных дел – в срок свыше 2-х лет до 3 лет, и 105 уголовных дел – в срок свыше 3 лет [6].

Кроме того, подобный вывод можно сделать, если проанализировать решения Европейского суда по правам человека, которые были переведены и опубликованы в системе Консультант Плюс и сети Интернет. В качестве примера можно привести дело «Белов против России» [7], «Сидоренко против России» [8], когда Европейский суд установил, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод по причине чрезмерной продолжительности уголовного судопроизводства. В 2011 году была опубликована практика Европейского Суда по правам человека за 2009-2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и/или исполнение судебного решения в разумные сроки, где приводятся исключительные примеры нарушения разумных сроков рассмотрения уголовных дел. Так, например по делу «Самошенков и Строков против Российской Федерации» период предварительного и судебного следствия продолжался в течение семи лет одиннадцати месяцев и тринадцати дней, по делу «Кривоносов против Российской Федерации» срок предварительного и судебного следствия продолжался в течение шести лет двух месяцев и двадцати трех дней, «Шеноев против Российской Федерации» - период предварительного и су-

дебного следствия составил шесть лет и два месяца и т.д. [9. С.3-6]

На данный факт также обращают внимание такие ученые, как Л.Д. Калинкина [5. С.6-7], Жиганов С.В., Никуленко О.О.[10. С.32], Ковлер А.И.[11. С.23], А.А. Васяев [12. С.49-50].

Рассмотрение дел в ходе судебного разбирательства нередко необоснованно затягивается, что приводит к нарушению прав и свобод участников, вовлеченных в уголовный процесс.

Наконец, законодатель, осознав реальную проблему, предусмотрел в УПК РФ такой принцип уголовного процесса, как разумный срок уголовного судопроизводства.

В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.04.2010 N 69-ФЗ в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, был предусмотрен новый принцип уголовного процесса – разумный срок уголовного судопроизводства. В соответствии с новой ст. 6.1 УПК РФ судья должен рассмотреть уголовное дело в разумный срок. Суд не вправе произвольно устанавливать сроки рассмотрения дела. Закон определяет, что судом могут быть установлены сроки рассмотрения уголовного дела в зависимости от правовой и фактической его сложности, поведения участников уголовного судопроизводства и т.д.

Положения ст.6.1. УПК РФ носят не только обобщающий характер, но в соответствии ч.5. и 6 ст 6.1 УПК РФ могут иметь реальное практическое применение.

Так, в случае если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается и судебный процесс затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела. Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня поступления этого заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судеб-

ного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

Кроме того, законодатель в целях защиты участников уголовного судопроизводства от судебного произвола в вопросах продолжительности судебного разбирательства средствами национального законодательства подготовил Федеральный закон № 68 от 30.04.2010 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [13].

Так, в указанном федеральном законе устанавливается, что подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные, оправданные, потерпевшие, гражданские истцы, гражданские ответчики в уголовном судопроизводстве имеют право на обращение в суд за компенсацией в случае нарушения судом их права на производство в разумный срок. По общему правилу, заявление о компенсации подается после вынесения решения судьей. Однако заявление о компенсации может быть подано подозреваемым или обвиняемым до прекращения уголовного преследования или до вступления в законную силу обвинительного приговора суда, если продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года и заявитель ранее обращался с заявлением об ускорении его рассмотрения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, этот федеральный закон предусматривает пределы судебного усмотрения в части предельного срока (четырёхлетнего) рассмотрения уголовного дела, превышение которого ведет к нарушению права участников уголовного судопроизводства на рассмотрение их дела в разумный срок.

Ситуация, которая сложилась в Европейском суде по правам человека, а это значительное количество дел, проигранных Российской Федерацией, и усилия законодателя на национальной арене свидетельствует о том, что его усилия направлены на то, чтобы ограничить обращения граждан в Европейский суд по правам че-

ловека по вопросам разумности срока уголовного судопроизводства. Как известно, основным основанием отказа в удовлетворении жалоб в Европейском суде по правам человека является формулировка следующего содержания: «Заявителем не были полностью использованы средства судебной защиты, предусмотренные национальным законодательством».

Таким образом, положения ч.5 и 6 ст.6.1 УПК и ч.7 ст.7 Федеральный закон № 68 от 30.04.2010 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предусматривают порядок возмещения компенсации за нарушение права на судопроизводства в разумный срок средствами национального законодательства. Результат подобной работы законодателя приведет к значительному снижению обращения граждан в Европейский суд по правам человека, положительно скажется на имидже нашей судебной системы и Российской Федерации в целом, позволит оградить участников уголовного судопроизводства от необоснованного затягивания сроков судебного следствия.

В литературе ряд авторов предлагают установить фиксированные сроки рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. Так, А.А. Васяев считает закономерным установить срок рассмотрения уголовного дела в 3 месяца, что позволит, по его мнению, «выйти» Российской Федерации из регулярных ответчиков в Европейском суде по факту несоблюдения разумного срока разбирательства дела [12, с.54]. Считаю подобный научный подход односторонним, поскольку в практической деятельности судей встречаются уголовные дела, сроки рассмотрения по которым могут превышать все разумные пределы вследствие значительного объема этих уголовных дел.

А.В. Писарев приводит интересные практические примеры. Так, уголовное дело по обвинению руководителей «Русского дома "Селенга"» состояло из 413 томов и рассматривалось судом более двух лет, а по уголовному делу по обвинению членов

казанского преступного сообщества «Хади Такташ», действовавшего с начала 80-х годов XX столетия, лишь приговор оглашался судьей два дня по 6 часов [14. С.6]. Судебное разбирательство по известному уголовному делу «29 комплекс» длилось полтора года. Уголовное дело составило более 200 томов, куда вошли показания 400 свидетелей и 60 потерпевших, а приговор зачитывался с десяти часов утра до шести вечера [15]. Очевидно, что в ряде случаев судья не сможет окончить производством уголовное дело в срок 3 месяца. Тогда возникает вопрос, а кто будет продлевать сроки рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции при превышении фиксированного срока. Возможно, им мог бы быть председатель суда. Но как же быть с принципом независимости судебной власти? Дальнейшее исследование в данном направлении не имеет практической значимости. Считаем, что сроки рассмотрения уголовных дел в суде первой инстанции должны зависеть от количества материалов уголовных дел, сложности их рассмотрения и других обстоятельств и определяться судом по сво-

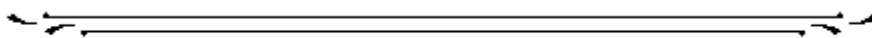
ему усмотрению при наличии соответствующих пределов, способных действительно защищать от их субъективизма и произвола и процессуальных гарантий, защищающих права и законные интересы заинтересованных участников уголовного процесса.

Анализируя практику Европейского суда, можно перечислить причины, которые должны учитываться при определении разумности срока судебного следствия. Судебное следствие может затянуться, и это не вызовет превышения разумности сроков рассмотрения уголовного дела в связи с его особой сложностью, необходимостью вызова дополнительных свидетелей, необходимостью приостановить производство по уголовному делу из-за отсутствия соучастника преступления, отложением рассмотрения уголовного дела по причине болезни подсудимого, неявки адвоката, соучастников преступления по уважительным причинам (болезнь, в том числе), ознакомления с материалами дела подсудимого и его защитника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития). - М., 2003. - 463 с.
2. См. подробнее: Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. - М.: Российская правовая академия, 2008. [Электронный ресурс]: АстраМедиа, электронная версия (дата обращения: 06.11.2011).
3. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2009 год. URL: [www. http://www.cdep.ru/](http://www.cdep.ru/) (дата обращения: 06.11.2011).
4. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за I полугодие 2010 года. URL: [www. http://www.cdep.ru/](http://www.cdep.ru/) (дата обращения: 06.11.2011).
5. Калинкина Л.Д. Повторное производство в Российском уголовном процессе: монография. - Саранск: Морд. кн. изд-во, 2010. - 304 с.
6. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за I полугодие 2011 года. URL: [www. http://www.cdep.ru/](http://www.cdep.ru/) (дата обращения: 06.11.2011).
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 3 июля 2008 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 26.03.2012).
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 8 марта 2007 г. [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс» (дата обращения: 26.03.2012).
9. Практика Европейского суда по правам человека за 2009-2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и/или исполнение судебного решения в разумные сроки // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2011. - №3. - С.3-6.

10. Жиганов С.В., Никуленко О.О. Изменение правил рассмотрения жалоб Европейским судом по правам человека // Уголовный процесс. - 2010. - №3. - С.32-34.
11. Ковлер А.И. Россия в Европейском суде по правам человека: итоги 2008 года // Российское правосудие. - 2009. - №3(35). - С.23-29.
12. Васяев А.А. К вопросу об актуальности соблюдения разумного срока судебного разбирательства // Обеспечение права каждого на рассмотрение уголовного дела справедливым, беспристрастным, независимым судом, созданным на основании закона, в разумный срок: материалы II междунар.науч.-практ. конф., Саранск, 11 дек. 2008 г. / под ред. Л.Д. Калинин, Н.Р. Мухутдиновой. - Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2009. С.49-54.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 18. - Ст. 2144.
14. Писарев А.В. Судебное разбирательство. Общие условия судебного разбирательства: методическая разработка. - Омск: Омская академия МВД России, 2007. – 52 с.
15. Постнова В. «29-й комплекс» осудили на 400 лет // URL: http://www.ng.ru/events/2006-07-19/6_kompleks.html (дата обращения: 26.03.2012).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Зиннуров Ф.К.

Одаренность и девиация в системе социокультурных отношений XXI века: учебное пособие/ Ф.К. Зиннуров, К.Ф. Амиров, В.Ф. Габдулхаков, Г.Г. Чаньшева. – Казань, 2012. – 174 с.

Авторы учебного пособия делают попытку раскрыть сложные вопросы соотношения одаренности и девиации у современной молодежи, технологические аспекты профилактики девиантного поведения и развития творческих способностей учащихся.

Использован опыт взаимодействия школ (специальных – для детей и подростков девиантного типа поведения и общеобразовательных – школ, гимназий, лицеев) с вузами Республики Татарстан: Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Казанским юридическим институтом МВД России.

Адресовано преподавателям вузов, слушателям курсов повышения квалификации, руководителям образовательных учреждений, студентам, курсантам.

А. И. Музеев,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

ВНУТРЕННЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ

В статье рассмотрены некоторые аспекты внутреннего взаимодействия подразделений органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом как одного из основных элементов управления в оперативно-розыскной деятельности.

В Российской Федерации функции борьбы с организованной преступностью возлагаются на ряд государственных органов, каждый из которых действует в рамках предоставленных ему полномочий. В общегосударственную систему, обеспечивающую решение задач борьбы с организованной преступностью, помимо органов внутренних дел, входят также органы прокуратуры, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Определенное участие в вопросах борьбы с организованной преступностью, исходя из специфики деятельности и компетенции, обязаны также принимать государственные органы, осуществляющие контрольные функции (министерство финансов, государственная налоговая служба, федеральная служба по валютному и экспортному контролю и т.д.), местные органы власти и самоуправления.

В сферу правовых отношений, связанных с борьбой с организованной преступностью, могут быть при необходимости вовлечены администрации предприятий, представители общественных и религиозных формирований, средств массовой информации, представители юридических лиц и отдельные граждане.

Как показывает анализ правоохранительной практики, основная роль в решении задач по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых бандитскими структурами, принадлежит органам внутренних дел (ОВД). В созданной системе специализированных подразделений по борьбе с

бандитизмом МВД России особое место занимают соответствующие подразделения уголовного розыска (Управления организации борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности ГУУР МВД России, отделов УУР (по борьбе с бандитизмом, по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности)), так как на них ложится основная нагрузка по организации ОРД в рассматриваемой сфере.

Вместе с тем одним из основных факторов, влияющих на результативность оперативно-розыскной деятельности подразделений по борьбе с бандитизмом, является качество организации взаимодействия с другими правоохранительными органами, их оперативными аппаратами, следственными подразделениями, государственными органами власти и управления [1], а также с другими субъектами, с которыми возникает потребность во взаимодействии.

Проблема организации взаимодействия оперативных подразделений всегда была в центре внимания практиков и ученых, исследовавших пути повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности органов и подразделений внутренних дел, поскольку «разобщенность в осуществлении ОРД не способствует достижению эффективных результатов в борьбе с преступностью» [2].

В научных исследованиях [3] получили развитие различные подходы к обоснованию необходимости взаимодействия оперативных аппаратов и других подразделений органов внутренних дел и иных государственных органов. Базируясь на теоретических положениях, сформулированных в ранее опубликованных работах других авторов, а также ре-

зультатов собственных исследований [4], следует констатировать, что ученые единодушны в понимании объективной необходимости взаимодействия органов и подразделений, ведущих борьбу с преступностью.

Для подразделений ОВД, осуществляющих борьбу с бандитизмом, вопросы взаимодействия имеют особое значение. Это обусловлено сложностью и многогранностью проявлений организованной преступной деятельности организованных преступных структур (ОПС) бандитской направленности.

Проведенное исследование результатов борьбы с бандитизмом показывает, что существует широкий круг проблем, связанных с криминальной активностью бандитских структур. Следовательно, для их разрешения целесообразно использовать комплексный, системный подход. Применим он, соответственно, и к рассматриваемым проблемам как внутреннего (в системе ОВД), так и внешнего взаимодействия по борьбе с бандитизмом.

О комплексном системном характере взаимодействия свидетельствует проведенный нами опрос специалистов [5]. Полученные данные показали, что взаимодействие подразделений ОВД осуществляется практически со всеми правоохранительными органами. К числу наиболее важных форм взаимодействия в сфере борьбы с бандитизмом респонденты относят (в порядке значимости): 1) взаимное устное и письменное информирование о подготавливаемых и совершенных бандой преступлениях, о подозреваемых в этом лицах, о приметах преступников и т.д.; 2) совместный анализ и изучение деятельности служб и подразделений ОВД по выявлению, предупреждению и раскрытию бандитизма; 3) совместное планирование деятельности подразделений ОВД по борьбе с данным криминальным явлением.

Изучив и проанализировав различные точки зрения ряда ученых, опираясь на собственный исследовательский материал, автор предлагает следующее определение взаимодействия применительно к рассматриваемому предмету.

Взаимодействие органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом между собой, а также с другими правоохранительными, государственными и муниципальными орга-

нами, организациями и гражданами представляет собой основанную на законах и подзаконных актах согласованную по целям, месту и времени уголовно-процессуальную, оперативно-розыскную, организационно-управленческую и иную совместную деятельность для успешного решения задач борьбы с организованными преступными структурами бандитской направленности. При этом субъекты взаимодействия осуществляют названную деятельность с использованием имеющихся у них сил, средств и методов в пределах установленных законом полномочий.

Рассмотрев общие теоретические вопросы взаимодействия ОВД, учитывая, что многие черты его в полной мере присущи организации борьбы с бандитизмом, следует отметить, что оно имеет и ряд специфических особенностей.

Исходя из принятой нами классификации, можно подразделять взаимодействие ОВД на *внутреннее* и *внешнее*.

Основываясь на выработанных наукой и практикой подходах, а также результатах проведенного исследования, следует определить основополагающие принципы *внутреннего взаимодействия* ОВД по борьбе с бандитизмом. Ими, по мнению автора, являются:

- постоянная направленность согласованных действий ОВД и других субъектов взаимодействия на достижение положительных результатов в борьбе с ОПС бандитской направленности, а также решение других вопросов в интересах взаимодействующей стороны;
- комплексное использование имеющихся в распоряжении сил и средств;
- деятельность каждого участника взаимодействия в пределах своей компетенции при строгом соблюдении законности;
- самостоятельность в принятии управленческих решений руководителем подразделения ОВД по борьбе с бандитизмом с учетом интересов иных субъектов взаимодействия;
- персональная ответственность указанного руководителя за принятые решения, проводимые согласованные мероприятия и их конечные результаты;
- согласованность планирования мероприятий, проводимых во взаимодействии с другими подразделениями и службами;

- непрерывность взаимодействия.

Формы внутреннего взаимодействия ОВД весьма разнообразны, это во многом объясняется многогранностью оперативно-розыскной деятельности по борьбе с организованной преступностью. По нашему мнению, целесообразно выделить основные из них:

1. *Текущий обмен оперативными сведениями и информацией гласного характера, содержащих данные о наличии ОПС бандитской направленности, о фактах и характере противоправной деятельности.* Непременным условием применения данной формы взаимодействия является инициатива в предоставлении информации, которая может быть полезна субъекту взаимодействия, не ожидая формальных просьб и запросов. Для подразделений ОВД по борьбе с бандитизмом обмен оперативной и иной информацией с другими подразделениями и службами органов внутренних дел имеет весьма важное значение, так как повышает уровень оперативной осведомленности о процессах, происходящих в ОПС бандитской направленности.

Объективно такое положение объясняется малочисленностью специализированных подразделений ОВД по борьбе с бандитизмом и невозможностью иметь в каждом городе, районе, населенном пункте субъекта РФ подчиненные подразделения. Вполне закономерно, что большинство опрошенных специалистов выделяют данную форму как наиболее важную [6].

Существенное значение для анализа криминальной ситуации в субъекте РФ, выявления признаков, указывающих на формирование и деятельность ОПС бандитской направленности, имеют статистические сведения об уровне, структуре и динамике преступности, а также иная информация о состоянии правопорядка в муниципальных образованиях, проявлениях коррупции и других явлениях политической, экономической и социальной действительности.

2. *Совместное обсуждение имеющейся информации на рабочих встречах, объединенных оперативных совещаниях руководителей подразделений ОВД по проблемным вопросам борьбы с бандитизмом.* Практика показывает, что в последнее время взаимодействие руководителей оперативных аппаратов органов

внутренних дел в форме рабочих встреч получило достаточное развитие. Однако, как показал опрос специалистов, данную форму взаимодействия они оценивают как наименее важную [7].

По нашему мнению, такая оценка дана в связи с тем, что принимаемые по итогам таких форумов решения зачастую не носят конкретного характера. Об этом свидетельствует проведенный нами контент-анализ материалов коллегий и совещаний [8]. Так, при первом руководителе территориального ОВД регионального уровня 50,4% решений не позволяет строить по ним целенаправленную работу.

3. *Совместное проведение операций, отдельных мероприятий в отношении ОПС бандитской направленности, требующих комплексного использования сил и средств.* Такая форма взаимодействия получила развитие в комплексных оперативно-профилактических операциях, при проведении которых выполняются общие задачи по борьбе с преступностью [9].

В последние годы практикуется проведение локальных операций по отработке городов, населенных пунктов, отдельных территорий и объектов со сложной оперативной обстановкой, где существенное влияние оказывают организованные преступные структуры бандитской направленности [10]. Их проведению предшествует подготовительная работа, в ходе которой обсуждаются согласованные действия в отношении лиц, входящих в ОПС. Определяются оперативные разработки и материалы проверки, подлежащие реализации, а также планируются следственные действия по расследуемым уголовным делам в отношении участников ОГ и ПС. Наряду с оперативными сотрудниками, для силовой поддержки, в операциях принимают участие подразделения отрядов специального и особого назначения ОВД, а также мобильные наряды ДПС для блокирования автодорог на территории, подлежащей отработке.

Отдельные согласованные мероприятия проводятся для решения более конкретных задач, представляющих взаимный интерес для взаимодействующих подразделений. В этих случаях может создаваться временная группа, состоящая из сотрудников взаимодействующих служб, вырабатывается тактика проведе-

ния мероприятий путем составления согласованного плана. Именно такая форма взаимодействия определяется специалистами как наиболее эффективная из существующих форм, при реализации которых выполняются общие задачи по борьбе с преступностью [11].

Так, в ГУ МВД России по Кемеровской области в целях оздоровления оперативной обстановки по линии организованной преступности получило распространение проведение целевых мероприятий по активизации работы по противодействию активизировавшимся ОПС в областных территориальных образованиях.

В рамках этой работы приказом начальника ГУ МВД России по области создаются оперативные группы из числа руководства главного управления, оперативных сотрудников отдела по борьбе с организованной преступностью и иных отделов уголовного розыска, управлений экономической и собственной безопасности. Проводится анализ оперативных, уголовных дел и материалов проверки по фактам преступной деятельности лидеров и участников организованной группы, определяются перспективы расследования и привлечения к уголовной ответственности ее членов.

Подготавливаются и проводятся мероприятия в рамках отдельного плана подрыва финансовой основы ОПС. Специализированные подразделения ориентируются на целевое обеспечение проводимых оперативно-поисковых и специально-технических мероприятий. Силами подразделения собственной безопасности проводятся мероприятия в отношении сотрудников ОВД, коррумпированными связями с преступной структурой. Решаются вопросы силового обеспечения операции с привлечением отрядов специального назначения [12].

Как показывает анализ практики, подобная мобилизация оперативных подразделений оправдана при резком осложнении оперативной обстановки, связанной с криминальной активностью ОПС бандитской направленности. Вместе с тем, по нашему мнению, с учетом соотношения значительных ресурсных затрат и достижения локальных результатов, эта практика должна носить не системный, а скорее исключительный характер в организации

борьбы ОВД с организованной преступностью.

4. *Создание оперативных групп для решения конкретных задач по разобщению ОПС, раскрытию и расследованию преступлений, вызывающих повышенный общественный резонанс.* Такие группы создаются из оперативных сотрудников подразделений по борьбе с оргпреступностью и оперативных сотрудников других подразделений ОВД. Например, получило распространение создание оперативных групп для раскрытия серийных разбойных нападений, совершаемых на автомагистралях, нападений на квартиры граждан и офисы предпринимателей и др.

Кроме того, в целях борьбы с развитыми организованными преступными структурами, действующими на обслуживаемой территории, создаются временные оперативные группы из сотрудников оперативных и иных подразделений ОВД, целью работы которых является разобщение конкретных организованных групп (ОГ) и привлечение к уголовной ответственности их участников [13]. Возглавляются такие опергруппы, как правило, одним из руководителей, вплоть до первых лиц ОВД районного или регионального уровня, в зависимости от степени развития ОПС.

Из числа организационно-тактических форм, непосредственной целью которых является борьба с бандитизмом, такое взаимодействие специалистами указывается как одно из основных [14].

5. *Создание следственно-оперативных групп (СОГ) для работы по уголовным делам по ст. 209 УК РФ.* Это наиболее распространенная форма взаимодействия подразделений ОВД по борьбе с бандитизмом со следственными подразделениями. СОГ создаются, как правило, для реализации оперативных разработок в отношении криминальных структур, преступная деятельность которых носит серийный характер.

Такая форма взаимодействия представляется нам наиболее значимой для достижения положительных результатов в раскрытии преступлений, совершаемых бандитскими структурами, и эта позиция обусловлена следующими аргументами.

Изучение дел оперативного учета [15] в отношении ОПС бандитской направленности

показало, что уже на этапе реализации по 31,6% оперативных дел были созданы следственные оперативные группы. Это, на наш взгляд, положительно повлияло на результат – подавляющая часть указанных оперативных дел были прекращены в связи с привлечением фигурантов к уголовной ответственности.

В процессе взаимодействия по борьбе с бандитизмом осуществляются различные виды деятельности: уголовно-процессуальная, оперативно-розыскная, организационно-управленческая, административно-правовая. В свою очередь, каждая из указанных видов деятельности выполняет самостоятельные функции, требующие согласования между субъектами взаимодействия.

В ходе расследования уголовных дел законом нормативно закреплена обязанность органа дознания уведомления следователя о результатах оперативно-розыскных мер по уголовному делу. Следовательно, в свою очередь, предоставлено право дачи органам дознания поручения о производстве розыскных и следственных действий и требования содействия при производстве по уголовному делу.

При раскрытии и расследовании преступлений, совершенных бандами, применяется весь комплекс следственных действий, установленных уголовно-процессуальным законодательством, а также оперативно-розыскных мероприятий, определенных в ст.6 ФЗ об ОРД. При этом действия следователей и оперативных сотрудников носят целевой, согласованный характер.

6. *Согласованное планирование мероприятий по борьбе с бандитизмом.* Осуществляется в виде составления самостоятельных планов взаимодействующих подразделений, с последующим согласованием мероприятий по целям, месту, времени, задействованными силами и средствами, а также в виде составления единого, совместного плана мероприятий, утвержденного руководителями взаимодействующих подразделений либо вышестоящими руководителями.

Как показал проведенный нами анализ состояния проблемного планирования в территориальных ОВД регионального уровня [16], в настоящее время практически не составляются планы по линии борьбы с бандитизмом [17]. Как результат – данную форму специа-

листы определяют как значимую, но не определяющую по своей важности [18], что в определенной мере подтверждает обозначенный автором тезис о принижении возможностей планирования оперативным составом подразделений ОВД по борьбе с бандитизмом [19].

7. *Выполнение отдельных мероприятий в интересах либо по просьбе подразделений, взаимодействующих в борьбе с бандитизмом.* Эта форма может применяться и без учета интересов подразделений ОВД по борьбе с бандитизмом, но диктоваться необходимостью поддержания взаимодействия и деловых, партнерских контактов. Ее можно определить и как оказание помощи взаимодействующему субъекту.

Подобная форма может носить весьма разнообразный характер и практиковаться в виде предоставления интересующей информации о членах банд, ее связях (в том числе коррупционных), выделения сил и средств для проведения конкретных мероприятий либо в виде создания взаимодействующему подразделению необходимых условий для проведения мероприятия. Как правило, подобные ситуации возникают, когда у одной из взаимодействующих сторон недостаточно собственных возможностей, сил и средств. Данная форма взаимодействия если и не всегда позволяет решить задачи, стоящие перед подразделениями по борьбе с организованной преступностью, вместе с тем служит укреплению внутриведомственного делового сотрудничества.

Принято различать *организационно-управленческий* и *оперативно-тактический уровни взаимодействия* [20]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что, хотя эти уровни достаточно четко различаются, при решении некоторых частных оперативно-тактических задач могут совмещаться.

На организационно-управленческом уровне ОВД создаются необходимые организационно-правовые предпосылки взаимодействия, разрабатываются обеспечивающие его комплексные планы и нормативные правовые акты. Такое взаимодействие в сфере борьбы с бандитизмом направлено на решение следующих задач:

- поддержания высокой оперативной го-

товности сил и средств ОВД в целях эффективного проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на борьбу с бандитизмом;

- организации надежного оперативного прикрытия структур криминальной направленности, сферы легального и незаконного оборота оружия, наиболее вероятных мест совершения вооруженных нападений;

- организации своевременной оперативной разработки лиц и организованных групп, дестабилизирующих оперативную обстановку в масштабах города, региона;

- создания организационных предпосылок для оптимального взаимодействия на всех уровнях и по всем направлениям.

На оперативно-тактическом уровне в основном осуществляется взаимодействие сотрудников подразделений по борьбе с бандитизмом со следователями, иными должностными лицами и подразделениями органов внутренних дел при работе по конкретным преступлениям. Организационно-тактические формы взаимодействия подразделений по борьбе с бандитизмом с иными службами и подразделениями ОВД направлены на эффективное решение конкретных задач, возникающих непосредственно в процессе выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования организованных вооруженных нападений.

Основываясь на результатах проведенного исследования, автор выделяет следующие основные направления повышения эффективности внутреннего взаимодействия подразделений уголовного розыска с другими службами ОВД в процессе осуществления ОРД по борьбе с бандитизмом (в порядке значимости):

- создание системы взаимной информации о лицах и фактах, представляющих интерес для решения задач борьбы с бандитизмом;

- совершенствование ведомственного и межведомственного правового регулирования вопросов взаимодействия;

- совершенствование морального и материального стимулирования сотрудников других служб в борьбе с бандитизмом;

- повышения качества обучения работников других служб и подразделений ОВД приемам и методам выявления бандитизма, а также выявления лиц, их совершивших;

- организация взаимодействия на основе анализа оперативной обстановки;

- разработка практических рекомендаций по организации и тактике взаимодействия служб и подразделений в борьбе с бандитизмом;

- усиление контроля за организацией взаимодействия со стороны руководителей ОВД;

- разработка критериев оценки деятельности служб и подразделений ОВД, стимулирующих их участие в борьбе с бандитизмом [21].

Подводя итоги, мы выделяем основные положения по совершенствованию внутреннего взаимодействия органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом.

Основным направлением повышения уровня внутриведомственного взаимодействия в рассматриваемой сфере является создание системы взаимной информации о лицах и фактах, представляющих интерес для решения задач борьбы с бандитизмом.

Для обеспечения взаимодействия на организационно-тактическом уровне борьбы с рассматриваемым преступлением наиболее эффективно создание оперативных групп по разложению конкретных ОПС из числа сотрудников подразделений по борьбе с бандитизмом, иных оперативных подразделений (экономической, собственной безопасности, уголовного розыска районного уровня) и служб ОВД.

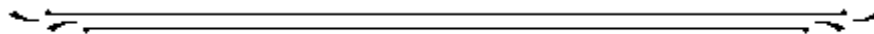
Уголовно-процессуальное взаимодействие целесообразно осуществлять в рамках следственно-оперативных групп по раскрытию преступлений, совершенных участниками ОПС бандитской направленности, чьи действия квалифицированы или имеют перспективу квалификации по ст. 209 УК РФ.

Приведенные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что совершенствование организации взаимодействия является определяющим фактором, влияющим на эффективность оперативно-розыскной деятельности в отношении криминальных структур, требует развития его правового регулирования, поиска на научной основе наиболее рациональных форм и внедрения их в практическую деятельность подразделений по борьбе с бандитизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти (ред. от 22.06.2010): указ Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 // СЗ РФ. - 2004. - № 11. - Ст. 945.
2. См.: Аتماжитов В. М. Взаимодействие аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений, и пути его дальнейшего совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1980. - С. 35-40.
3. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. - М., 1997. - С. 91-105; Лекарь А. Г. Предотвращение преступлений органами общественного порядка: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1967. - С. 208; Лукашов В. А. Розыскная работа органов внутренних дел: учеб. пособие. - М., 1986. - С. 11; Аксенов А. А. Организация взаимодействия в органах внутренних дел как функция управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1974. - С. 8; Аتماжитов В. М. Указ. соч. - С. 31-45; Водько Н. П. Организация комплексных мер по борьбе с рецидивной преступностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1976; Головкин С. Д., Синилов Г. К. Взаимодействие аппаратов БХСС с государственными контролирующими органами в предупреждении и раскрытии преступлений. - М., 1986; Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. - М., 1999. - С. 70-103 и др.
4. Музеев А. И. Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2011.
5. В рамках специально разработанной программы проведен опрос 302 сотрудников и руководителей оперативно-розыскного бюро № 2 МВД России, оперативных подразделений органов внутренних дел на уровне МВД, ГУВД, УВД по субъектам РФ (сотрудники подразделений по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности), слушателей Академии управления МВД России, имеющих значительный опыт оперативной работы.
6. Респондентам было предложено ранжировать от 1 до 6 в порядке уменьшения значимости организационно-управленческие формы взаимодействия. Данная форма по своей важности была поставлена на 1-е место.
7. По степени важности данная форма большинством опрошенных была поставлена на 5-е (предпоследнее) место. Еще менее важным названо проведение занятий в системе служебной подготовки личного состава ОВД по вопросам выявления, предупреждения и раскрытия преступлений.
8. В процессе диссертационного исследования автором статьи по специально разработанным матрицам изучены распоряжения, указания, обзоры, справки, протоколы и решения оперативных совещаний, планы работы оперативных подразделений, отчеты об их выполнении и другие информационно-аналитические материалы и управленческие документы по вопросам, связанным с деятельностью органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом.
9. Среди предложенных респондентам 4-х организационно-тактических форм взаимодействия, при реализации которых выполняются общие задачи по борьбе с преступностью, данная форма поставлена на 2-е место.
10. Так, в 1998 году в МВД Республики Татарстан был разработан типовой план комплексных оперативно-профилактических мероприятий, получивший условное наименование «Гром», который вводился в действие при осложнении криминальной ситуации по линии организованной преступности, в том числе и бандитских проявлений.
11. Опрошенными специалистами приоритет отдается оперативно-зональным группам, включающим в себя 1-2 сотрудников УР и других подразделений ОВД по обслуживанию конкретной территории.
12. Об активизации работы по противодействию преступным группировкам и стабилизации оперативной обстановки в гг. Кемерово, Междуреченске, Прокопьевске, Новокузнецке: приказы ГУВД по Кемеровской области от 18 мая 2009 г.; от 24 июня 2009 г.; от 26 сентября 2009 г.; от 14 октября 2009 г.

13. Нурутдинов А. З. Практика и проблемные вопросы взаимодействия МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации с ГУ МВД России по федеральным округам по противодействию организованным преступным формированиям (на примере Приволжского федерального округа) // ОРР. - 2010. - № 1(197). - С. 4-6.
14. Наименее эффективной из подобных форм респондентами называется совместное патрулирование сотрудников УР и других служб с целью установления и задержания лиц, совершивших преступления.
15. Изучены материалы 394 дел оперативного учета.
16. В рамках диссертационного исследования автором проанализированы текущие, специальные и проблемные планы, концепции совершенствования деятельности и развития ОВД регионального уровня (147 документов), а также и планы подразделений уголовного розыска (либо УБОП) (128 документов) с 2006 по 2010 годы, в которых предусмотрены мероприятия по линии борьбы с ОПС бандитской направленности.
17. Единственное исключение составило ГУВД (ГУ МВД России) по Кемеровской области, где специальный план борьбы с бандитизмом составляется с периодичностью раз в полугодие.
18. По приоритету данная форма поставлена респондентами на 3-е место из 6-ти.
19. Музеев А. И. Указ. соч. - С. 190.
20. Лукашов В. А. Управление оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел. - М., 1976. - С. 52.
21. Приведенная иерархия построена на основании опросов специалистов.

А.А. Косоруков,
кандидат юридических наук,
прокурор отдела прокуратуры РТ

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ИМУЩЕСТВОМ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ ДОГОВОРОВ

Данная статья посвящена договору безвозмездного пользования имуществом. В статье дается определение данного договора, его отличительные черты от других договоров, а также ретроспективный взгляд на развитие настоящего договора.

Договор безвозмездного пользования имуществом имеет древнюю историю. Он был известен и римскому праву, и праву иностранных государств, и дореволюционному русскому праву. Начиная с римских времен, этот договор имеет и второе название – он именуется договором ссуды. Однако смысл этого слова не всегда одинаков. Кроме договора безвозмездного пользования ссудой, называют иногда договор займа, по которому имущество переходит не во временное пользование, а в собственность заемщика. Первоначально под предметом ссуды понимали только имущество, определяемое родовыми признаками, но затем это наименование распространили и на денежный заем. И в современной жизни часто можно слышать о предоставлении или погашении банковской ссуды, под которой имеется в виду договор займа денег или кредитный договор.

В римском праве договором ссуды называли такой договор, по которому одна сторона (ссудодатель) передает другой стороне (ссудополучателю) индивидуально-определенную вещь во временное безвозмездное пользование с обязательством второй стороны вернуть по окончании пользования ту же самую вещь в целостности и сохранности [1].

Договор ссуды являлся договором реальным. Заключался он только в интересах одной стороны – ссудополучателя. Ссудодатель же заключает договор ссуды, как

считал римский юрист Павел, не в силу хозяйственной необходимости, а по доброй воле, осуществляя лишь моральный долг и любезность в отношении другой стороны. Исходя из этого, римские юристы разрешали вопрос об ответственности ссудополучателя. Так, Ульпиан считал, что «если вещь, данная в ссуду, возвращена, но возвращена в худшем состоянии, то вещь не считается возвращенной, так как она возвращена, будучи ухудшенной, разве бы были возвращены убытки» [2].

По мнению римских юристов, ссудодателем мог быть не только собственник вещи, но и другое лицо. «Мы можем дать в ссуду и чужую вещь, – считал Павел, – если мы ею владеем, хотя и знаем, что владеем чужой вещью» [3]. Больше того, по мнению Марцела, вещь в ссуду может дать и вор, и разбойник, которые потом не лишаются права требовать возврата вещи.

В томе 10 Свода Законов Российской Империи нормы о договоре ссуды помещены в Книге 4 «Об обязательствах по договорам». В главе 4 договору ссуды посвящены статьи 2064-2068. Согласно ст. 2064, «под именем ссуды имущества разумеется договор, по силе коего одно лицо уступает другому право пользования своим движимым имуществом, под условием возвращения его же самого и в том же состоянии, в каком оно было дано, без всякого за употребление возмездия». Как видно из приведенного определения, дого-

вор ссуды безвозмездный, а предметом его являлось только движимое имущество. Исследователи того времени не находили ответа на вопрос, почему нельзя предоставить в ссуду недвижимое имущество, которое практически предметом такого договора выступало нередко. Статья же 2065 в качестве предмета ссуды называла домашний и рабочий скот, орудия, коими управляется какой-либо промысел, платье, вещи, домашние приборы и т.п.

Передача в частную ссуду казенного имущества не допускалась. Если только у военного ведомства оказывались запасы провианта и фуража, которые не удавалось реализовать путем продажи, можно было с разрешения высшего начальства передать их в ссуду под достаточные залоги (ст. 2066).

Сопоставление содержания статьи 2066 со статьями 2064 и 2065 легко обнаруживает непоследовательность законодателя в определении того, что есть ссуда. Ведь первые две статьи имеют в виду имущество непотребляемое, определенное индивидуальными признаками, в статье же 2066 речь идет о вещах потребляемых, какими являются провиант и фураж. Это значит, что ст. 2066 имеет в виду не договор ссуды, а договор займа казенного имущества.

Первый советский Гражданский кодекс вообще не упоминает о договоре безвозмездного пользования имуществом, хотя в практической жизни того времени и граждане, и организации предоставляли имущество для использования на безвозмездных началах, да и ученые-юристы уделяли этим отношениям определенное внимание. Так, журнал «Советская юстиция» в 1938 году опубликовал статью В.А. Рясенцева о безвозмездном пользовании имуществом. В томе 2 Учебника гражданского права, изданного в 1944 году, З.И. Шкундин посвятил этому договору отдельную главу. Поскольку отношения по использованию имущества не регламентированы ни Гражданским кодексом, ни специальным законом, автор считал необходимым при регулировании этих отношений и при рассмотрении споров руководствоваться общими положениями Гражданского кодекса, в особенности общими положениями об

обязательственном праве, а также могут быть применены некоторые положения о договоре имущественного найма [4].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года уделил данному договору должное внимание. Ему была посвящена глава 29, включавшая в себя 8 статей. Кроме того, в ряде случаев Кодекс отсылал к правилам, установленным для договора имущественного найма.

Ст. 342 ГК употребляла применительно к данному договору только одно название – договор безвозмездного пользования имуществом. Слово «ссуда» Кодексом не употреблялось, так же, как не употреблялось и слово «аренда». Согласно ст. 342, «по договору безвозмездного пользования имуществом одна сторона обязуется передать или передает имущество в безвозмездное временное пользование другой стороне, а последняя обязуется вернуть то же имущество». Далее в ст. 342 указано, какие правила, содержащиеся в главе об имущественном найме, могут быть применены к отношениям по безвозмездному пользованию имуществом.

Как видно, Кодекс 1964 г. допускал заключение данного договора и как реально-го, и как консенсуального. Участниками договора могли быть и граждане, и социальные организации.

Более основательную регламентацию отношения по безвозмездному пользованию получили в действующем Гражданском кодексе. Причем договор получил в главе 36 название «безвозмездное пользование», тогда как соответствующая глава в ГК 1964 г. называлась «безвозмездное пользование имуществом». И только из содержания ст. 689 ГК РФ становится понятным, что речь идет о безвозмездном пользовании вещью. Кроме того, ст. 689 употребляет и второе название договора – договор ссуды. Данная статья, по сути, повторяет определение договора, данное в ст. 342 ГК 1964 г., однако оно более объемное. «По договору безвозмездного пользования (договору ссуды) одна сторона (ссудодатель) обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование другой стороне (ссудополучателю), а послед-

ня обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком она ее получила, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором» (ст. 689).

Случайным ли является употребление Кодексом терминов «ссуда» наряду с безвозмездным пользованием и «аренда» наряду с имущественным наймом?

Нам представляется такое употребление слов не случайным. Законодатель пытался вложить в них разный смысл, но это намерение законодателя не было до конца реализовано.

В Своде Законов Российской Империи употреблялись слова и «аренда», и «имущественный наем», но различий между ними не делалось. В отличие от Российского законодательства Германское гражданское уложение различает наем и аренду и отношения, связанные с ними, регулируются по-разному. Согласно § 535 по договору найма наймодаделец обязуется предоставить нанимателю в пользование вещь на время найма. Наниматель обязан уплачивать наймодателю условленную наемную плату, а по прекращении отношений найма наниматель обязан возвратить нанятую вещь.

Сущность договора аренды иная. Она раскрыта в § 581, где сказано: «По договору аренды арендодатель обязуется предоставить арендатору на время аренды в пользование арендованный предмет с извлечением из него плодов, если последние могут быть отнесены к доходам с точки зрения рационального хозяйства». Таким образом, в наем передаются вещи, использование которых удовлетворяет какую-то потребность нанимателя, а для арендатора важно извлечение прибыли из использования арендованного имущества. В Гражданском кодексе Российской Федерации это различие также отражено. Именно поэтому законодатель говорит о найме применительно к жилым помещениям и об аренде другого имущества.

Спрашивается, можно ли распространить различие между арендой и наймом на договор ссуды, т.е. безвозмездного пользования имуществом. Ученые по-разному отвечали на этот вопрос. По свидетельству

А.А. Симолина, одни немецкие ученые распространяли на договор ссуды требования о возможности получения плодов и доходов аналогично требованиям к договору аренды, другие считали, что договор ссуды и договор безвозмездного пользования единый договор. Сам А.А. Симолин разделял последнее мнение, ссылаясь при этом на ст. 2064 Свода Законов [5]. Свод Законов действительно не давал оснований для иного вывода. Однако представляется, что ныне действующее законодательство Российской Федерации позволяет решить этот вопрос иначе.

Ведь объектом договора ссуды могут быть вещи, перечисленные в ч. 1 ст. 607 ГК РФ, т.е. это земельные участки и другие обособленные природные объекты, предприятия и другие имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования (непотребляемые вещи). Как видно, действующее законодательство называет в качестве предмета ссуды не только движимое, но и недвижимое имущество.

Законом могут быть установлены виды имущества, которое не может передаваться в ссуду.

Наряду с перечисленными объектами, в ссуду предоставляются и малозначительные вещи – книги, предметы домашнего обихода и т.п.

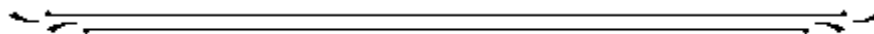
Представляется, что распространение одних и тех же правил на все многообразие предметов вряд ли целесообразно.

Если лицо, получая вещь в безвозмездное пользование, намерено извлекать от нее плоды и доходы, на это следует получить разрешение ссудодателя, тогда как для обычного использования достаточно самого факта передачи вещи. Кроме того, лицо, извлекающее прибыль в результате использования вещи, должно нести более строгую ответственность, чем лицо, использующее вещь для удовлетворения какой-то собственной потребности. Могут проявить себя и другие отличия этих двух договоров. Первый условно можно именовать ссудой, а второй договором безвоз-

мездного пользования имуществом. Но это законе.
различие следует более четко отразить в

ЛИТЕРАТУРА

1. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. – М., 1972. – С. 201-202.
2. Дигесты Юстиниана/ под ред. И.С. Перетерского. – М., 1984. – С. 228.
3. Там же. – С. 231.
4. Шкундин З.И. Глава 30 в учебнике гражданского права. Том 2/ под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. – М., 1944. – С. 74.
5. Симолин А.А. Влияние момента безвозмездности в гражданском праве. – Казань, 1916. – С. 206-208.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИИ
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Казань 2012

Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современной России: материалы итоговой научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России. – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – 117 с.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД РФ, практических работников ОВД, всех, кто изучает современные проблемы борьбы с преступностью.

Э.Р. Исаев,
доктор медицинских наук, профессор
(Уфимский юридический институт МВД
России)

С.Г. Аксенов,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Уфимский юридический институт МВД
России)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕТРА ПЕРВОГО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ПО ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ И ЛЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВШИХ И РАНЕННЫХ МОРЯКОВ ВОЕННОГО ФЛОТА РОССИИ СОГЛАСНО МОРСКОМУ УСТАВУ 1720 ГОДА

В статье рассматриваются предусмотренные в Морском Уставе Петра Первого 1720 года, меры по обеспечению охраны здоровья экипажей судов военно-морского флота России, защите прав заболевших и раненых моряков, связанные с созданием и контролем соответствующих санитарно-гигиенических условий службы, оказанием медицинской помощи, ответственности лиц за ненадлежащее исполнение обязанностей при профилактике и лечении заболеваний.

В настоящее время обеспечению и защите прав пациентов и населения на охрану их здоровья уделяется большое внимание. Однако реальность демонстрирует большие проблемы, существующие в организации лечения и профилактики заболеваний среди граждан страны, связанных с пробелами в законодательстве по охране здоровья. Нерешенность проблем ведет к низкому уровню оказания медицинской помощи, плохой охране здоровья и, в конечном итоге, к высокому уровню заболеваемости и смертности населения России. Следует обратиться к историческому опыту обеспечения и защиты прав на охрану здоровья и прав пациентов (экипажей Российских боевых морских судов) времен Петра Первого, когда Русский флот одерживал блестящие победы и немаловажную

роль в успехе играло хорошо сохраняемое здоровье моряков. Меры по охране здоровья моряков были тщательно (по меркам того времени) описаны в Уставе Морском, принятом 13 апреля 1720 года Петром Первым и с незначительными изменениями действовавшим до 1797 [1]. Текст устава разделен на пять книг, в которых были приведены основные организационные принципы регулярного Российского флота - права и обязанности командующих флотом и его частями, указания о тактике эскадры в бою, организация повседневной и боевой службы на корабле, права и обязанности экипажа - от капитана до матроса, тактика корабля в бою, дисциплинарные наказания за нарушения устава. В приложении дан свод повседневных и боевых сигналов флота.

Анализ Устава показывает, что в нем предусматривались: меры по лечению раненых и заболевших моряков, меры санитарно-гигиенического характера, направленные как на создание условий для лечения, так и профилактики заболеваний (в том числе и инфекционных), обязательность контроля за лечением и питанием заболевших и раненых моряков, ответственные служащие на кораблях, осуществляющие как само лечение и создание соответствующих условий для лечения и профилактики заболеваний, так и осуществление контроля, а также и меры наказания за недобросовестное исполнение обязанностей по охране здоровья и лечения моряков, что в совокупности можно рассматривать как обеспечение и защиту прав на охрану здоровья экипажей судов Российского военно-морского флота, так и их прав как пациентов.

Ряд положений Устава посвящен необходимым мерам, обеспечивающим благоприятные условия размещения больных для лечения, снабжения медикаментами и питанием. В § 2 главы 2 книги 1 устанавливались условия размещения (госпитальные корабли), снабжения медикаментами и медицинскими инструментами), а в § 3 главы 2 книги 1 определен порядок действий по доставке и размещению больных с моря на берег [Там же. С. 14].

Здоровье человека, особенно в опасных профессиях (именно таковой и является морская служба на кораблях) во многом зависит от его питания и не даром целая глава 5 «О раздаче провианта на кораблях» книги 4 Устава посвящена правилам обеспечения питанием команды корабля. В данной главе указаны нормы положенности продуктов, их порции для каждой должности, правила приготовления пищи, особо предписывалось не употреблять в пищу испорченные продукты [Там же. С. 104]. В § 2 «Больных перевозить на госпитальные корабли и довольствоваться пищею и питием добрым и лекарей понуждать их лечить» главы 2 «О генерале-кригс-комиссаре» книги 1 устанавливались условия лечения больных моряков в отношении их питания (делался акцент, что оно

должно быть доброкачественное) [Там же. С. 13].

Защита прав моряков на доброкачественное питание рассматривается в § 58 (глава 5 книги 4), в котором предусмотрена мера наказания комиссару, если будет по его вине недостаток питания, т.к. «солдаты от скудости и голоду в болезнь впадут» [Там же. С. 132]. Положения данной главы предусматривали меры по достаточному питанию моряков, т.к. недостаток в питании считался «причиной развития болезней».

Предусматривался контроль как за лечением, так и за условиями лечения. В § 3 главы 2 книги 1 устанавливались меры контроля командованием флотского соединения за питанием и лечением больных – «через день сам осматривать, дабы лучшим образом снабжены были больные» [1, с. 14]. Обязанности по контролю за лечением больных моряков описаны в главе 6 книги 1, которая называется «О главном лекаре флота» [Там же. С. 20-21]. Согласно уставу, на корабле имелась должность секретаря, который обязан был учитывать расходы лекарств, контролировать, чтобы раздаваемая для питания морякам пайка соответствовала положенной норме. Чтобы не было пищевых токсикоинфекций среди личного состава корабля, комиссару корабля, на основании положений главы 8 (книга 3), под страхом смертной казни вменялось в обязанность контролировать доброкачественность продуктов, принимаемых на корабль [Там же. С. 75]. Параграфы 37 и 42 (глава 1 книга 4) предписывали контролировать выдачу питания по положенным нормам в момент приема моряками пищи. Права пациентов на полноценное питание охранял и § 44 (глава 1 книга 4), который, в том числе, предписывал наказание за кражу провианта у больных [Там же. С. 102].

Уставом предусматривалась ответственность за ненадлежащее лечение и условия лечения. Служащим корабля за невыполнение условия по питанию больных и отсутствие контроля за лечением больных полагалось наказание – «лишен будет чина» (§ 3 главы 2 книги 1) [Там же. С. 14].

Элементы стандартизации лечения мы видим в показанной регламентации процесса лечения. В главе 5 «О докторе при флоте» книги 1 в § 1 устанавливались обязанности доктору посещать не менее 2 раз в день больных и раненых и присутствовать на перевязках раненых [Там же. С. 19]. Это можно рассматривать как элемент обеспечения прав пациентов на надлежащее качественное лечение. В § 2 вменяются обязанности на каждого больного вести записи, с внесением назначенных лекарств и соответствующего питания (которые в современном понимании являются историями болезнями (карты стационарного или амбулаторного больного), с указанием вида диетического питания больного)) [Там же. С. 19-20]. Доктору, согласно § 4, вменялись обязанности по обеспечению и контролю за соответствующими условиями лечения, а также самим процессом лечения, осуществляемыми подчиненными врачами. Особо акцентировалось внимание на том, чтобы доктор выявлял и пресекал разворовывание продуктов и лекарств, предназначенных для больных [Там же. С. 20].

Непосредственно лечил больных на корабле врач, его функциональным обязанностям посвящена глава 10 «О враче» (книга 3) [Там же. С. 77]. Ряд обязанностей врача прямо относились к обеспечению и защите больного от ненадлежащего лечения – отчитываться перед священником и секретарем корабля о расходе лекарств для больных (§ 2), контролировать доброкачественность пищи, предназначенной для кормления больных, и отчитываться об этом перед капитаном и секретарем корабля (§ 4) [Там же. С. 77], обязан сразу изолировать больных с инфекционными заболеваниями от других больных (§ 5); запрещались взятки с больных и раненых (§ 7), предусматривалось привлечение к наказанию по рению суда за небрежное отношение к больным (§ 9) [Там же. С. 78].

Содержание Морского Устава касательно обеспечения надлежащим лечением больных и раненых показывает, что контролю за надлежащими условиями и соответствующем качестве лечения заболевших и раненых моряков придавалась очень

большое значение, и осуществлялось оно в том числе и руководящими лицами флота – генералом-кригс-комиссаром, интендантом, доктором, главным врачом флота, фискалами (наблюдали за всеми служащими флота - как они исполняют обязанности, в том числе наблюдали и за медицинскими работниками»), капитаном корабля.

Большое значение придавалась профилактике инфекционных заболеваний среди личного состава флота путем создания и обеспечения нормальных санитарно-гигиенических условий. Так, меры по профилактике инфекционных заболеваний и полноценному питанию моряков отмечены в ряде положений Устава (в главе 1 «О капитане» книги 3). Так, в § 3, указано, чтобы на корабль принимались доброкачественные продукты [Там же. С. 33], а § 30 капитану обязывалось соблюдать соответствующие санитарно-гигиенические условия на корабле [Там же. С. 42]. В § 42 «О осторожности от покупки и взятия припасов в местах заповедных» указано избегать приобретение воды и продуктов в местах с наличием инфекционных заболеваний («морской болезни») [Там же. С. 46]. За соблюдением санитарно-гигиенического режима на корабле также смотрел и профос: в главе 21 «О должности профоса» (книга 3) в параграфах 1 и 2 ему вменялось в обязанность смотреть за чистотой корабля и особенно туалетов («гальюнов»), осуществлять контроль за тем, чтобы моряки производили физиологические отправления только в строго определенных для этого местах – гальюнах [Там же. С. 90]. Согласно § 24 (глава 1 книги 4) предписывалось чистить и мыть корабль, особенно места, где содержались животные, предназначенные для питания в походе [Там же. С. 97].

Исходя из § 38 (глава 1 книги 4), в целях сохранения благоприятных санитарно-гигиенических условий запрещалось выносить и прятать на корабле продукты, выдаваемые во время приема пищи. В § 39 запрещалось оставлять неприбранными остатки пищи или выкидывать их за борт [Там же. С. 100]. Согласно § 43 существовала обязанность беречь и контролировать

бочки с питьевой водой, при этом ответственным за это назначался комиссар корабля [Там же. С. 101].

Косвенно можно рассматривать борьбу с таким фактором риска развития заболеваний, как курение среди моряков. Хотя ограничение на курение велось официально только в противопожарных целях. В § 5 главы 4 «О лейтенанте» (книга 3) указывалось на запрет курения табака всем морякам на военном судне ночью [Там же. С. 64]. Согласно § 21 (глава 1 книги 4) запрещалось курить на корабле в темное время суток, днем же курение могло осуществляться только в определенном месте корабля и рядом с ведром с водой – данная мера, конечно, была противопожарная, но также, в свете современных знаний, направлена и на охрану здоровья [Там же. С. 96].

Заботу о нормализации психоэмоционального состояния заболевшего или раненого согласно Уставу брал на себя священник корабля – он должен был согласно § 4 главы 9 «О священниках. О начальном священнике» (книга 3) посещать и утешать больных и причащать их перед смертью [Там же. С. 76]. Обязанности священника проводить религиозные обряды с заболевшими указаны в § 48 (глава 1 книги 4) [Там же. С. 102]. В § 48 (глава 1 книги 4) указывалось на замену больных матросов для выполнения функциональных обязанностей по службе здоровыми.

Профилактика респираторных заболеваний как часть заботы об охране здоровья моряков была вменена в обязанности квартирмейстера корабля. Согласно § 5 главы 15 книги 3 в обязанности квартирмейстера

корабля входило смотреть, чтобы матросы не ходили в мокрой одежде и чтобы не заболели от этого, квартирмейстерам вменялось принимать меры к просушке одежды [Там же. С. 86]. В § 23 (глава 1 книги 4) предписывалось под угрозой наказания держать одежду сухой и чистой, чтобы предупредить заболевания т.к. «мокро и не чисто будет, люди могут заболеть» [Там же. С. 96].

Множество факторов, обеспечивающих охрану здоровья моряков были прописаны в главе 1 «О благом поведении на кораблях» книги 4 Устава. Так, согласно § 1, запрещалось приносить на корабль алкоголь, табак и экзотические продукты («заповедная пища») и продавать их, при этом предусматривалось наказание за совершение данного проступка [Там же. С. 95].

Мерой защиты прав моряков на охрану здоровья и права пациентов можно рассматривать § 108 [Там же. С. 147] и § 114 [Там же. С. 149], в которых устанавливались элементы судебно-медицинской экспертизы трупов скончавшихся моряков, для установления причин смерти (глава 15 «О смертном убийстве» книги 4).

Таким образом, в Уставе Морском 1720 года имеются положения, регламентирующие медицинскую деятельность и профилактику заболеваний на корабле, в том числе предусмотрена ответственность за ненадлежащее лечение и несоблюдение условий для лечения. Содержание данных положений можно рассматривать как обеспечивающее права моряков на охрану их здоровья, а также права пациентов (заболевших и раненых моряков), так и меры их защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Устав Морской о всем что касается управлению в бытности флота на море (репринтное издание). — СПб.: Типография морского шляхетского кадетского корпуса, 1763. — 215 с.

М.А. Нагоева,
кандидат юридических наук
(Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудни-
ков МВД России (филиал) Краснодарского университета
МВД России)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ АРЕСТ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается сущность и понятие полицейского ареста в юридической литературе второй половины XIX – начала XX вв., а также вопросы использования понятия ареста в современном российском законодательстве.

Понятие «арест» в историко-правовой литературе используется в разных значениях, при этом далеко не всегда они согласуются как между собой, так и в соотношении с современными трактовками этого понятия. Еще больше противоречий возникает, если вести речь о понятии «полицейского ареста», широко применяемого в трудах российских правоведов имперского периода. В этой связи необходимо уточнить данное понятие, учитывая, что оно является ключевым для предмета настоящего исследования. Так, в современном толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой понятие ареста представлено в следующем виде: «1. Заключение под стражу. Подвергнуть аресту. Взять под домашний а. (запрет выходить из дома как форма наказания, пресечения деятельности). 2. Запрещение распоряжаться имуществом, налагаемое судебными органами. Наложить арест на товары. || прил. арестный, -ая, -ое. Арестное помещение» [1]. Соответственно глагол «арестовать» понимается как «подвергнуть аресту, лишить свободы по решению суда или с санкции прокурора ... арестовать правонарушителя. 2. Наложить арест, запретить пользоваться чем-нибудь. (спец.). Например: Грузы арестованы по решению суда, арестовать счет в банке» [2]. В другом современном толковом словаре дается аналогичная, хотя и более краткая, трактовка понятия ареста: «1. Заключение под стражу. 2. Запрещение распоряжаться

имуществом, наложенное судебным органом» [3].

Вместе с тем в современном законодательстве наблюдается более четкое определение ареста, и оно связывается прежде всего с имущественными правовыми отношениями. Так, в ст. 858 ГК РФ речь идет об аресте денежных средств, находящихся на банковском счете, в ст. 965 – об аресте застрахованного имущества. В различных аспектах регулируются вопросы, связанные с арестом имущества, в ст. 30, 102, 122, 442 ГПК РФ, при этом в ГПК РФ в ст. 140 арест имущества определяется как одна из мер обеспечения иска. Наложение ареста на товары при проведении специальной таможенной ревизии предусматривается в ст. 376 ТК РФ. В ст. 27.14 КоАП РФ регулируются административно-правовые отношения, связанные с арестом товаров, транспортных средств и иных вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения. В ст. 13 УПК РФ речь идет о наложении ареста на почтовые и телеграфные отправления и их выемке в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, который может производиться только на основании судебного решения. Основная часть арестов имущества производится судебными приставами.

Другая часть правовых норм, регулирующих арест, связана с воздействием на личность. Так, в ст. 3.2 КоАП РФ предусматривается *административный арест*

как мера административного наказания за совершение административного правонарушения. В соответствии со ст. 3.9 и 32.8 КоАП РФ административный арест заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества и устанавливается на срок до пятнадцати суток, а за нарушение требований режима чрезвычайного положения или режима в зоне проведения контртеррористической операции - до тридцати суток. Административный арест назначается судьей. Административный арест устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп. Срок административного задержания включается в срок административного ареста. Постановление судьи об административном аресте исполняется органами внутренних дел немедленно после вынесения такого постановления. Лицо, подвергнутое административному аресту, содержится под стражей в месте, определяемом органами внутренних дел. При исполнении постановления об административном аресте осуществляется личный досмотр лица, подвергнутого административному аресту.

Помимо административного ареста, административное законодательство современной России предусматривает также другие меры воздействия на личность, по объективным признакам и методам реализации схожими с арестом. Так, в ст. 27.1 КоАП РФ указывается, что в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления, уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять 1) доставку;

2) административ-

ное задержание; 3) привод. *Доставление* заключается в принудительном препровождении физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным. Доставка должна быть осуществлена в возможно короткий срок. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе (ст. 27.2 КоАП РФ).

Административное задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица и может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник. Об административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания. Протокол об административном задержании подписывается должностным лицом, его составившим, и задержанным лицом. В случае если задержанное лицо отказывается подписать протокол, в протоколе об административном задержании делается соответствующая запись. Копия протокола об административном задержании

нии вручается задержанному лицу по его просьбе. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением нескольких случаев (в отношении нарушителей режима госграницы и таможенных правил, а также за адмнарушение, за которое предусмотрен адмарест – до 48 часов). Задержанные лица содержатся в специально отведенных для этого помещениях, которые должны отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления. Несовершеннолетние, в отношении которых применено административное задержание, содержатся отдельно от взрослых лиц (ст. 27.3-27.5).

Что касается *привода*, то эта мера административно-правового принуждения законодателем не определяется – в ст. 27.15 КоАП РФ указывается лишь, что привод осуществляется органом внутренних дел (милицией, полицией) на основании определения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в области внутренних дел. Заметим, что содержание привода как принудительной меры не раскрывается не только в законе, но и в комментариях. Так, в комментарии КоАП РФ под редакцией А.Б. Агапова об этом не сказано ни слова [4], и в этом смысле правовая литература дореволюционного периода выглядит предпочтительнее, и ниже мы покажем это на примере того же привода как административно-принудительной меры.

Все указанные меры являются разновидностью полицейского ареста, поскольку предполагают личное задержание и осуществляются (за некоторым исключением) органами милиции (полиции). Важно заметить, что они регулируются нормами административного законодательства – основной отрасли для сферы деятельности милиции (полиции) и преследуют цель, в отличие от ареста имущества, прежде всего охрану общественного порядка и общественной безопасности. Кроме того, все эти меры имеют общий объективный признак – они предполагают физическое при-

нуждение, связанное с относительно кратковременным лишением лица свободы передвижения. Это очень важный момент, к которому в дальнейшем мы будем неоднократно обращаться.

Однако еще три разновидности ареста регулируются уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Так, современное российское уголовное право предусматривает такой вид наказания, как *арест*. Согласно ст. 54 УК РФ, арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца; арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора шестнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, военнослужащие отбывают арест на гауптвахте. К этому виду ареста, исполняемому органами Уголовно-исполнительной системы, милиция не имеет отношения, и сейчас его нельзя называть полицейским. Однако в период империи такого рода наказание, как правило, за незначительные преступления, исполнялось полицией, и тогда оно было полицейским арестом.

И, наконец, современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает два вида ареста как меры пресечения: домашний арест и заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ). Согласно ст. 107 УПК РФ, *домашний арест* заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете: общаться с определенными лицами; получать и отправлять корреспонденцию; вести переговоры с использованием любых средств связи. *Заключение под стражу* регулируется ст. 108 УПК РФ. Однако суть его не раскрывается, а подробно регламентируется порядок применения. Указывается, в частности, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваем-

мого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство.

Данные меры в части собственно личного задержания исполняются органами милиции (полиции), и в этом смысле их также можно отнести к разновидности полицейского ареста. Однако назначение таких мер совершенно иное – они необходимы для обеспечения уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу, то есть в данном случае милиция (полиция) действует не самостоятельно, а выполняет решение судебных органов.

Теперь обратимся к понятийным характеристикам полицейского ареста применительно к периоду империи. Заметим, прежде всего, что осмысление ареста в указанных выше аспектах наблюдается со второй половины XIX в., и с того времени многие признаки полицейского ареста сохранили свое значение до настоящего времени. Представляет интерес в этой связи трактовка ареста двух признанных источников общего характера, которая дана с

учетом анализа правовых аспектов данного понятия (что отличает их в выгодную сторону в сравнении с современными источниками общего характера, где правовая сторона, как правило, неоправданно упрощается).

Так, в известном толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, изданном еще для судебной реформы 1864 г., понятие арест раскрывается следующим образом: «*Арест* – задержание человека под стражей, взятие под караул, заключение; *домашний арест* – приказание не выходить из дому; *арест с исправлением должности* – о чиновнике, временное отобрание у него шпаги. *Арест имения* – запрет, запрещение с отдачей под надзор. *Арестовать кого-либо* – взять или отдать под караул, под стражу, или только отобрать у подчиненного на срок шпагу. *Арестовать судно, товар* – наложить эмбарго, запрет, задержать и отдать под надзор. *В таких-то случаях товар арестуется*. *Арестование* – ср. окн. задержание, взятие под стражу, под присмотр; отобрание шпаги. *Арестант* м. *арестантка* ж. – кто под арестом; нятый, стар. нятець, подстражанный, заключеникъ; острожник, колодник – так у нас запрещено звать арестантов; народ зовет их *несчастливыми*. *Не в род арестанта* – выражение, принятое для означенья идущих своей волей по этапам на казенный счет, на родину, для переселения. *Арестантовы, арестанткины приметы*. *Арестантские кандалы*. *Арестантская* ж. – место содержания заключенных, комната, отделение или особое для этого строение, казематка, мешок, каменный мешок, блошница» [5].

Еще более детально определяется это понятие в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (изд. 1896 г.) [6], что неудивительно, если учесть, что к толкованию ключевых правовых понятий привлекались ведущие ученые-юристы того времени. Здесь отдельно идет речь о разных видах ареста. Так, применительно к гражданскому процессу указывается, что арест – это «одна из форм обеспечения подлежащего денежной оценке иска или взыскания. Цель ареста — служить обес-

печением иска или взыскания, т. е. гарантировать истцу возможность удовлетворения его со стороны ответчика в случае признания судом его требования и препятствовать ответчику уклониться от исполнения обязанностей, из судебного решения вытекающих ... По существу А. является правом на денежный эквивалент принадлежащей ответчику вещи, осуществляемым посредством продажи вещи в случае неисполнения должником-ответчиком его обязанностей к истцу-кредитору. По отношению к движимым вещам А. имеет то же значение, как запрещение, налагаемое на недвижимость, — он должен устранить возможность отчуждения ответчиком его имущества во вред истцу; но так как для достижения этой цели по отношению к движимостям запрещение совершения отчуждательных актов не может быть признано мерою достаточною, так как вещи эти могут быть отчуждаемы без письменных актов и без участия общественной власти, то и приходится ограничивать иногда для хозяина вещи не только право распоряжения ею, но и право владения и пользования; в этом и заключается отличие А. движимостей от запрещения на недвижимые имущества ...».

Арест в уголовном праве раскрывается энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона следующим образом: «наказание, заключающееся в лишении свободы на непродолжительный срок времени. Наказание это назначается за мелкие нарушения **полицейских постановлений** (выделено нами; здесь подчеркивается относимость данной меры к сфере полицейских отношений – авт.) и предполагает лиц, обыкновенно ведущих законный образ жизни; вина их вызвана единственно небрежным отношением к закону и может быть искуплена легкой карой, поэтому к ним применяется система общего заключения; работы необязательны, но государство имеет право требовать от них уплаты издержек, понесенных на их заключение».

И, наконец, *арест в уголовном процессе* дается в такой (в сокращенном виде) трактовке: «одна из мер пресечения обвиняемому способов уклониться от суда и при-

меняется к обвиняемым в преступлениях или проступках общих, за которые подлежат содержанию в тюрьме или исправительных арестантских отделениях, или ссылке на житье в сибирские и другие отдаленные губернии, с лишением всех особенных прав и преимуществ, или же наказаниям уголовным, как то: ссылке на поселение или в каторжные работы с лишением всех прав состояния. Мера эта применяется также против обвиняемых, оставленных на свободе до представления ими залога или поручительства, и может быть принимаема против обвиняемых, не имеющих оседлости, хотя бы они обвинялись в преступлениях менее важных, чем упомянутые выше. Подозреваемые же в проступках, подсудных мировым судебным учреждениям, за которые в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, могут быть подвергнуты мировым судьей личному задержанию. Закон наш знает два вида предварительного ареста, именно: **арест домашний и содержание под стражею** (выделено нами; как видно, в этом отношении положение совпадает с современным положением в России).

В юридической литературе второй половины XIX в. полицейский арест рассматривался с разных точек зрения. Профессор И. Тарасов выделял три вида полицейского ареста: «1) предварительный, или судебный, арест, служащий исключительно целям юстиции; 2) предупредительный, или судебно-полицейский, арест, имеющий ближайшей целью безопасность и предпринимаемый по поводу определенного преступления или проступка, и 3) полицейский арест, имеющий целью устранение опасности или возможности совершить преступление или проступок» [7]. Профессор А. Кистяковский отрицал право полиции на арест по поводу "возможности" совершить преступление и по поводу "опасности", неопределенной, субъективно понимаемой и полицией, ибо такой порядок, по его мнению, был бы возвращением к принципам XVIII столетия, и в этой связи допустим только полицейский привод [8]. Однако такая точка зрения поддержки

у специалистов полицейского права не получила. По мнению Б. Н. Чичерина, следует различать три формы ареста: полицейское задержание, предварительное и формальное (судебное) задержание [9]. Профессор А.Д. Градовский считал полицейский арест придаточной формой предварительного ареста по распоряжению суда [10].

Таким был основной разброс мнений по поводу сущности и понятия полицейского ареста в юридической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Таким образом, обобщая, мы полагаем возможным понятие полицейского ареста как предмета нашего исследования определить как принудительную форму личного задержания, применяемую органами полиции. При этом в данное понятие необходимо вклю-

чить следующие основные элементы: 1) предупредительное задержание, связанное с необходимостью обеспечения общественной безопасности и спокойствия; 2) процессуальное задержание, необходимое для производства следственных действий; 3) наказательное задержание, предполагающее меру ответственности за совершенное правонарушение. Во всех случаях имеет место принуждение, связанное с относительно кратковременным лишением лица свободы передвижения. Кроме того, все виды ареста реализуют полицейские органы. Наконец, полицейский арест в рассматриваемых случаях связан только с воздействием на личность и в связи с реализацией государством функции охраны правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1999.- С. 37.
2. Там же.
3. Толковый словарь русского языка. - М., 2000. - С. 17.
4. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. А.Б. Агапова. - М.: Статут, 2002. Комментарий к ст. 27.15.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 2002.- С.45.
6. См. напр., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - М., 2002.
7. Тарасов И. Полицейский арест в России // Журнал гражданского и уголовного права.- 1985.- № 7.- С. 98.
8. Кистяковский А. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. - М., 1869.- С. 22.
9. Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов.- СПб., 1861.- С.92.
10. Градовский А.Д. Закон и административное распоряжение по русскому праву // Сборник государственных знаний. - 1874. - Т. 1. - С.164.

Л.Л. Сабирова

кандидат юридических наук, заслуженный юрист РТ
(ЧОУ ВПО «Академия социального образования»)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Процессу приватизации как возмездному отчуждению государственной и муниципальной собственности в частные руки законодатель уделил немалое внимание. Представленная статья посвящена отдельным аспектам приватизации государственного и муниципального имущества на современном этапе.

Важность и значимость отношений собственности закреплены в Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), которая устанавливает ряд принципиальных положений о собственности. Ст. 8 Конституции РФ гласит: в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Это базовое положение развивается и конкретизируется в иных статьях Конституции РФ (ст. ст. 35, 36), закрепляющих правомочия собственника.

Опираясь на конституционные положения, Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), формулирует систему правовых норм о праве собственности (раздел II, ст. ст. 209 - 306), которые дополняются другими федеральными законами и иными правовыми актами (Бюджетным кодексом Российской Федерации [3], Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления» [4], законами природоохранительного права: Земельным кодексом Российской Федерации [5], Лесным кодексом Российской Федерации [6], Водным кодексом Российской Федерации [7], Законом о недрах [8] и др.). В ГК РФ отчетливо выражены два основных начала права собственности: во-первых, самостоятельность собственника в осуществлении его правомочий; во-вторых, обязанность собственника не противоречить своими действиями требованиям законодательства и не нарушать права и охраняемые интересы третьих лиц (ст. 209 ГК РФ).

Право собственности - центральный и важнейший институт в системе вещных

прав, нормы которого отражают и одновременно закрепляют существующий в государстве социально-экономический строй и господствующие в нем общественные отношения. Проблематика собственности всегда находится в центре политических программ и задач государственных органов и общественных движений и неизменно привлекает внимание крупнейших мыслителей и философов и, конечно, экономистов и юристов.

В ст. 209 ГК РФ собственность определяется как предоставление собственнику прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Эта триада, как ее обычно именуют юристы [9], в общей форме отражает действительное содержание права собственности и реально существующие способы его использования. В совокупности они придают собственности характер наиболее широкого по юридическому содержанию имущественного права, которым могут обладать все субъекты гражданского права.

Правомочие владения - это обеспечиваемая законом возможность хозяйственного господства собственника над его имуществом. Фактического обладания им не требуется, достаточно иметь возможность использовать имущество [10].

Владельцем имущества могут быть не только его собственник, но и носители многих других гражданских прав, прежде всего, получившие имущество по договору (например, договору аренды). Однако такое владение всегда ограничено известными сроком и рамками, которые определяются главным образом целями и условиями заключенного договора.

Правомочие пользования представляет собой обеспечиваемую законом возможность извлекать из имущества его полезные свойства, которые в нем заложены и необходимы собственнику для удовлетворения его потребностей, чему и призвана служить собственность. Пользование имуществом включает получение от него плодов, продукции и доходов (ст. 136 ГК РФ), которые прирастают к первоначальной собственности. Правомочие пользования чаще всего основывается на владении имуществом, однако возможны ситуации, когда для извлечения полезных свойств имущества собственник временно отказывается от владения, передавая имущество во владение третьим лицам.

Правомочие распоряжения - это обеспечиваемая законом возможность определять судьбу имущества посредством совершения разного рода юридических сделок: сдавать имущество внаем, дарить, продавать и т.д. Распоряжением являются уничтожение имущества собственником ввиду его износа или ненадобности, а также отказ от права собственности, о чем прямо говорится в ст. 236 ГК РФ.

Субъектом государственной собственности - собственником выступает государство, при этом под государством понимается не только сама Российская Федерация, но и субъекты Российской Федерации. Таким образом, государственной собственностью в Российской Федерации является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации (федеральная собственность), и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации - республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам (собственность субъекта Российской Федерации).

Круг объектов федеральной собственности неограничен. В ней может находиться любое имущество. Круг объектов собственности субъектов РФ несколько уже. В ее состав не могут входить объекты исключительной федеральной собственности. Порядок разграничения объектов федеральной собственности и собственности

субъектов РФ устанавливается специальным законом. Впредь до его принятия в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. N 52-ФЗ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (в ред. Федеральных законов от 16.04.2001 N 45-ФЗ, от 26.11.2001 N 147-ФЗ, от 01.12.2007 N 310-ФЗ) [11] на территории РФ действует порядок, установленный Постановлением Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1991 г. N 3020-1 [12]. В частности, в приложениях N 1 и N 2 к Постановлению Верховного Совета РФ N 3020-1 закреплены перечни объектов исключительной федеральной собственности и объектов, которые могут передаваться в государственную собственность субъектов РФ. В дополнение указанных нормативных актов Правительством РФ утверждено большое количество постановлений, касающихся передачи конкретных объектов в государственную собственность субъектов РФ (см., например, Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1992 г. N 682 "О передаче государственных предприятий и организаций, а также иного государственного имущества в государственную собственность Таймырского автономного округа" [13] и другие аналогичные постановления).

Следующая прямо названная в Конституции РФ и интересующая нас в свете заявленной тематики статьи форма собственности - муниципальная собственность. Согласно ст. 130 Конституции РФ муниципальная собственность не является разновидностью государственной собственности. Это - самостоятельная форма собственности. В состав муниципальной собственности входят средства местного бюджета, муниципальные внебюджетные фонды, имущество органов местного самоуправления, а также муниципальные земли и другие природные ресурсы, находящиеся в муниципальной собственности, муниципальные предприятия и организации, муниципальные банки, муниципальный жилищный фонд и нежилые помещения, муниципальные учреждения и другое имущество (п. 1 ст. 29 Федерального закона "Об общих

принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации").

Согласно п. 1 ст. 61 закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" субъекты РФ обязаны передавать в собственность муниципальных образований объекты, необходимые для решения вопросов местного значения, в соответствии с разграничением полномочий между субъектами РФ и муниципальными образованиями, а также между муниципальными образованиями.

В соответствии с п. 2 ст. 61 Закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" споры, возникающие в связи с передачей объектов государственной собственности в муниципальную собственность, разрешаются путем согласительных процедур либо в судебном порядке. «Требования комитета по управлению имуществом города о признании недействительными актов органов государственного управления, нарушающих право собственника муниципального имущества, подведомственны арбитражным судам» (п. 10 Обзора практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [14]).

Процессу приватизации как возмездному отчуждению государственной и муниципальной собственности в частные руки законодатель уделил немалое внимание. Существует множество законов и подзаконных актов, посвященных данной теме, как на федеральном уровне, так и на региональном и местном. И данное законодательство, а также правоприменительная практика по вопросу приватизации государственного и муниципального имущества подлежат постоянному и комплексному анализу.

Примечательно, что ст. 217 "Приватизация государственного и муниципального имущества" ГК РФ расположена в главе 13 "Общие положения" раздела II "Право собственности и другие вещные права" и не названа в числе оснований возникновения или прекращения права собственности. Во многом это объясняется тем, что приватизация является основанием прекращения

права собственности на объекты государственного и муниципального имущества и возникновения права частной собственности физических и юридических лиц [15].

В законодательстве РФ определение понятия "приватизация" претерпело изменения. Так, в соответствии со ст. 1 закона РСФСР от 3 июля 1991 г. N 1531-1 "О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР" [16] приватизация государственных и муниципальных предприятий представляла собой приобретение гражданами, акционерными обществами (товариществами) у государства и местных Советов народных депутатов в частную собственность значительно числа объектов.

Согласно законам о приватизации 1997г. [17] и 2001г. [18] под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов РФ или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц.

Вместе с тем понятие "приватизация" имеет многоаспектное значение. Оно рассматривается и как основание прекращения права государственной и муниципальной собственности, и как основание возникновения права частной собственности, и как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом.

Существует мнение о том, что приватизация представляет собой определенную деятельность. Например, "приватизация представляет собой возмездную, если иное не предусмотрено законом, организованную и целенаправленную деятельность по передаче объектов государственной и муниципальной собственности в собственность граждан и юридических лиц, осуществляемую по решению и при непосредственном участии специальных органов в определенное время, в установленном порядке и формах" [19].

На наш взгляд, в широком смысле приватизация представляет собой деятельность, совершаемую в установленные законом сроки, порядке и формах. Однако

эта деятельность приводит к изменению правоотношений собственности, то есть к определенным правовым последствиям.

Согласно ст. 8 ГК РФ основаниями возникновения гражданских прав и обязанностей наряду с другими являются сделки, акты государственных органов и органов местного самоуправления.

В соответствии с Федеральным законом «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 N 178-ФЗ (далее по тексту - Закон о приватизации 2001 г.) процесс приватизации включает несколько этапов:

- 1) подача заявки на приватизацию;
- 2) принятие полномочным государственным органом или органом местного самоуправления решения о приватизации конкретного объекта;
- 3) составление и утверждение плана приватизации;
- 4) заключение с приобретателем приватизируемого предприятия (имущества) договора.

При этом сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). По мнению Д.В. Пяткова, решения об утверждении условий приватизации также следует относить к сделкам. Сделка должна быть односторонней, поскольку исходит только от полномочных органов государства или муниципальных образований и "устанавливает (изменяет, прекращает) известное конкретное правоотношение" [20]. Данная точка зрения находит поддержку и в арбитражной практике. Так, Федеральный арбитражный суд Уральского округа признал верными выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что "план приватизации в части включения в уставный капитал истца объектов социально-культурного назначения, к которым относится здание детского сада", является ничтожной сделкой в силу ст. 168 ГК РФ [21]. Аналогичный подход отражен и в других судебных решениях [22].

По мнению же О.Н. Садикова, утвержденный план приватизации является тем

административным актом, который порождает право требовать заключения договора купли-продажи приватизируемого объекта (сделки приватизации) [23].

Таким образом, процесс приватизации включает перечисленные этапы, которые выступают в качестве юридических фактов. Для возникновения, изменения и прекращения правоотношений собственности в процессе приватизации необходим юридический состав, который носит комплексный характер и включает как административные правоотношения (принятие государственным органом или органом местного самоуправления решения о приватизации конкретного объекта; составление и утверждение плана приватизации), так и гражданские правоотношения (заключение с приобретателем приватизируемого имущества договора).

Способы приватизации государственного и муниципального имущества определяются на федеральном уровне и установлены Законом о приватизации 2001г. (ст.13). Это: 1) преобразование унитарного предприятия в открытое акционерное общество; 2) продажа государственного или муниципального имущества на аукционе; 3) продажа акций открытых акционерных обществ на специализированном аукционе; 4) продажа государственного или муниципального имущества на конкурсе; 5) продажа за пределами территории Российской Федерации находящихся в государственной собственности акций открытых акционерных обществ; 6) продажа акций открытых акционерных обществ через организатора торговли на рынке ценных бумаг; 7) продажа государственного или муниципального имущества посредством публичного предложения; 8) продажа государственного или муниципального имущества без объявления цены; 9) внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы открытых акционерных обществ; 10) продажа акций открытых акционерных обществ по результатам доверительного управления.

Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в

государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [24] (далее - Закон от 22.07.2008г.) - закон, на федеральном уровне устанавливающий ранее не предусмотренный законодательством способ приватизации государственного и муниципального имущества. Согласно Закону от 22.07.2008г. (ст. 3) предприниматели могут выкупить арендуемое недвижимое имущество из государственной собственности субъекта Российской Федерации или из муниципальной собственности при одновременном соблюдении следующих условий:

1. Арендуемое имущество находится в их временном владении и (или) временном пользовании непрерывно в течение двух лет или более до дня вступления в силу Закона от 22.07.2008 на основании договора или договоров аренды этого имущества [25]. При этом возможны ситуации, когда арендатор на момент вступления в силу Закона от 22.07.2008г. владел арендованным имуществом два или более двух лет, но договор аренды прекратился, и только затем было принято решение о приватизации данного имущества. Понятно, что в таком случае право на выкуп у бывшего арендатора возникнуть не может.

Известно, что договор аренды может быть заключен и на определенный, и на неопределенный срок. При этом если договор заключен на срок от одного года и более, у арендатора возникает право на выкуп только в случае государственной регистрации договора аренды в установленном законодательством порядке (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

2. Отсутствует задолженность по арендной плате за такое имущество, задолженность по неустойкам (штрафам, пени) на день заключения договора купли-продажи арендуемого имущества в соответствии с ч.4 ст. 4 Закона от 22.07.2008г., а в случае, прямо предусмотренном Законом от 22.07.2008г., - на день подачи субъектом малого или среднего предпринимательства

заявления о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества.

3. Арендуемое имущество не включено в утвержденный в соответствии с ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [26] перечень государственного или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) пользование субъектам малого и среднего предпринимательства. Выкупить имущество можно только в том случае, если публичный собственник не включил его в перечень объектов, используемых для адресной поддержки малого и среднего бизнеса (например, бизнес-инкубаторы, торговые заведения для данной категории предпринимателей и пр.).

4. Площадь арендуемых помещений не превышает установленные законами субъектов Российской Федерации предельные значения площади арендуемого имущества в отношении недвижимого имущества, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации или муниципальной собственности. При этом, с учетом того, что субъекты не торопились принимать соответствующие законы, в Закон от 22.07.2008г. было внесено положение о том, что Правительство Российской Федерации вправе установить предельный размер площади, подлежащей выкупу, и это размер применяется до тех пор, пока сам субъект Российской Федерации не примет нормативный акт об установлении максимально допустимой площади помещения, которое может быть выкуплено в соответствии с Законом от 22.07.2008г. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 18.12.2008 № 961 [27] предельные значения были установлены в размере 1000 кв.м, а максимальная рассрочка платежа – 3 года. Законом Республики Татарстан от 3.10.2008 № 79-РТ [28] предельные значения были установлены в размере 1500 кв.м с максимальной рассрочкой 12 месяцев.

Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.11.2009 № 134 [29] (далее по тексту - информационное письмо Президиума ВАС РФ) посвящено устранению многочисленных пробелов и противоречий Закона от 22.07.2008г. и, в частности, проблеме злоупотреблений, которые допускаются арендодателями при реализации субъектами малого и среднего бизнеса права на выкуп (п.5). Остановимся на некоторых из них.

Первый вид злоупотреблений – отказ от договора аренды, заявленный арендодателем в соответствии с правилами ст. 619 ГК РФ, но не связанный с допускаемыми арендаторами нарушениями. Этот прием часто используется публичными собственниками недвижимости. Президиум ВАС РФ разъяснил, что суд вправе признать наличие у арендатора права на приобретение имущества в случае, когда договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим с целью воспрепятствовать реализации арендатором права на выкуп.

Второй вид злоупотреблений публичных собственников, препятствующий реализации права на выкуп, это – включение объектов недвижимости, занимаемыми субъектами малого и среднего бизнеса, в перечни имущества, предназначенного для развития инфраструктуры малого и среднего бизнеса, о чем нами уже говорилось ранее. Президиум ВАС РФ разъяснил, что при разрешении споров о наличии или отсутствии у арендатора права на выкуп помещения в собственность квалифицировать в качестве злоупотребления правом и отказывать в защите тем публичным собственникам, которые массово включали нежилые помещения в перечни недвижимости, предназначенной для обслуживания

инфраструктуры малого и среднего предпринимательства [30].

Совокупность правомочий, предоставляемых субъектам малого и среднего предпринимательства, законодатель обозначил как преимущественное право на приобретение арендуемого имущества. Термин «преимущественное право покупки» относится к ситуации, когда собственник намеревается совершить отчуждение имущества кому-либо, но третье лицо, с которым он не заключал каких-либо отчуждательных сделок, вправе остановить продажу путем приобретения имущества в порядке и на условиях, на которых собственник намеревался его продать первоначальному покупателю.

Таким образом, существенными являются два момента:

1. продажа лицу, заявившему о реализации преимущественного права, происходит на тех же условиях, на которых собственник изначально намеревался продать имущество;

2. лицо, наделенное преимущественным правом, по сути «останавливает продажу» и тем самым как бы конкурирует с другим лицом за право стать собственником данного имущества [31].

Однако при внимательном изучении положений Закона от 22.07.2008г. выясняется, что у арендатора, вопреки указанию законодателя, нет преимущественного права в строгом значении этого термина. Например, арендатор «не останавливает» продажу третьему лицу, потому что он должен заявить о выкупе до того, как появится иной покупатель.

Арендатор, желающий выкупить имущество, реализует право на выкуп по цене, определяемой в особом порядке – независимым оценщиком. И потому он не связан условиями продажи, согласованным между покупателем и продавцом.

Закон от 22.07.2008г. содержит две процедуры выкупа: перед выставлением на продажу в процессе приватизации и инициативный выкуп по заявлению арендатора. Разъяснению особенностей этих процедур посвящен п. 3 информационного

письма Президиума ВАС РФ от 05.11.2009 № 134 [32].

Первая ситуация: публичный собственник намерен приватизировать недвижимость, которую занимает арендатор, и включает ее в нормативные акты о планировании приватизации государственного или муниципального имущества. Арендатор же в соответствии с положениями Закона от 22.07.2008 г. в этом случае вправе обратиться к публичному собственнику с заявлением о своем намерении выкупить недвижимое имущество до его приватизации. Это заявление порождает обязанность публичного собственника заключить договор купли-продажи данного имущества с арендатором и таким образом остановить приватизацию имущества по плану. Мы считаем, что право преимущественного приобретения недвижимости данной категорией субъектов может быть реализовано и в отношении тех объектов недвижимости, которые были включены в планы приватизации до вступления в силу Закона от 22.07.2008г. Важнейшим здесь будет выступать именно фигура покупателя – субъекта малого или среднего бизнеса.

Вторая ситуация: арендатор может по своему усмотрению принять решение о реализации права на выкуп имущества (предусмотрено Законом от 22.07.2008г.) и направить соответствующее заявление публичному собственнику. Это заявление порождает обязанность собственника продать недвижимость субъекту малого или среднего предпринимательства. Данная ситуация может иметь место только с 01 января 2009 года – даты вступления в силу Закона от 22.07.2008г. При этом, согласно п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ, право на выкуп имеет также лицо, которое хотя и не является арендатором по зарегистрированному договору аренды, но тем не менее выиграло в суде спор о государственной регистрации договора аренды, заключенного на год и более. Кроме того, Президиум ВАС РФ разъяснил, что право на выкуп имеет и тот арендатор, что заключил договор аренды недвижимости на определенный срок, но затем ни он, ни публичный собственник не

заявили о прекращении арендных отношений. В этом случае договор аренды продолжает связывать стороны, арендатор рассматривается как пользующийся предметом аренды на неопределенный срок.

Закон от 22.07.2008 г. не распространяется на отношения по аренде земельных участков. Но Президиум ВАС РФ обратил внимание на то, что это положение не затрагивает права арендатора выкупить земельный участок, находящийся у него в аренде, по специальным правилам, установленным в ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации.

Государственное и муниципальное управление собственностью затрагивает чрезвычайно широкий круг вопросов и проблем, связанных с созданием, правовой охраной и использованием государственного и муниципального имущества. Задачи российского государства, в первую очередь в сфере управления и экономики, предполагают самый высокий качественный уровень развития управления государственной и муниципальной собственностью, включая и его приватизацию. Так, основными задачами государственной политики в сфере приватизации федерального имущества в 2010 - 2012 годах являются: «проведение структурных преобразований в соответствующих отраслях экономики; формирование интегрированных структур в стратегических отраслях экономики; приватизация федерального имущества, не задействованного в обеспечении осуществления государственных функций и полномочий Российской Федерации; создание условий для привлечения внебюджетных инвестиций для развития акционерных обществ; формирование доходов федерального бюджета» [33].

Отражая публичный характер деятельности, управление государственной и муниципальной собственностью тесно связано с процессами формирования и реализации управляющих воздействий и является не только одним из важнейших экономических факторов функционирования государственной и муниципальной власти, но и составляет материальную основу развития и благополучия всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.)// Российская газета. –1993 . - N 237.
2. Гражданский кодекс РФ (части первая, вторая, третья, четвертая) // часть первая - Российская газета. – 1994. - № 238-239; часть вторая - Российская газета. – 1996. - № 23,1996. - № 24, 1996. - № 25, 1996. - № 27; часть третья - Российская газета. – 2001. - № 233; часть четвертая - Российская газета. – 2006. - № 282.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 N 145-ФЗ // Российская газета. - 1998. - N 153-154.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ// Российская газета. - 2003. - N 202.
5. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ// Российская газета. - 2001. - N 211-212.
6. Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.01.1997 N 22-ФЗ// Российская газета. -1997. - N 23.
7. Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.06.2006 N 74-ФЗ// Российская газета. -2006. - N 121.
8. О недрах: закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 // Собрание законодательства РФ. - 1995 - N 10. - Ст. 823.
9. См., например: «...мы получим следующее определение понятия о праве собственности: власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно». Шершеневич Г.Ф. «Учебник русского гражданского права» - [Электронный ресурс]: Классика российской цивилистики URL: <http://www.brstu.ru> (дата обращения 11.07.2012).
10. Гражданское право: учебник Т. 1 / О.Н. Садилов [и др.]; под ред. О.Н. Садилова. – М.: ИНФРА, 2006. – 124 с.
11. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный Закон от 30 ноября 1994 г. N 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - N 32. - Ст. 3302; Российская газета. - 1994. - N 238-239.
12. О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: постановление ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 (ред. от 24.12.1993) // Российская газета. - 1992. - N 8; Ведомости СНД и ВС РСФСР. - 1992. - N 3. - Ст. 89.
13. О передаче государственных предприятий и организаций, а также иного государственного имущества в государственную собственность Таймырского автономного округа: постановление Правительства РФ от 9 сентября 1992 г. N 682 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. - 1992. - N 11. - Ст. 864.
14. Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: информационное письмо ВАС РФ от 28.04.1997 N 13 // Вестник ВАС РФ. - 1997. - N 7. - С. 91 – 103.
15. Моисеева Е.В. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом // Журнал российского права. - 2006. - N 9. - С. 26.
16. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: закон РСФСР от 3 июля 1991 г. N 1531-1 (утратил силу)// Ведомости СНД и ВС РСФСР. - 1991. - N 27. - Ст. 927.
17. Приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.1997 N 123-ФЗ // Российская газета. - 1997. - N 148.
18. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ// Российская газета. -2002. - N 16.
19. Камышанский В.П. Приватизация как способ распоряжения государственным и муниципальным имуществом// Закон. - 2005. - N 11. - С. 71.

20. Пятков Д.В. Сделки и административные акты как основания гражданских правоотношений// Современное право. - 2002. - N 10. – С. 12-15.
21. Постановление ФАС Уральского округа от 9 октября 2002 г. по делу N Ф09-2461/2002-ГК // Правовая база Гарант.
22. Постановление ФАС Поволжского округа от 23 декабря 1999 г. N 4467/99-26; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18 июля 2000 г.; Постановления ФАС Московского округа от 18 июля 2000 г. по делу N КГ-А40/2911-00, от 10 июня 2002 г. по делу N КГ-А41/3449-02, от 11 февраля 2002 г. по делу N КГ-А40/299-02 // Правовая база Гарант.
23. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (части первой) / О.Н. Садикова [и др.]; под ред. О.Н. Садикова. -М.: ИНФРА, 1997. - 26 с.
24. Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2008 N 159-ФЗ//Российская газета. - 2008. - N 158.
25. Закон от 22.07.2008 в большей своей части вступил в силу 05.08.2008г.; однако ч. 2, 3 и 4 ст. 9 вступили в силу 01.01.2009г. – Прим. авт.
26. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ// Российская газета. –2007. - № 164.
27. О предельных значениях и сроке рассрочки оплаты находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства имущества, применяемых при реализации ими преимущественного права на приобретение такого имущества: постановление Правительства Российской Федерации от 18.12.2008 № 961// Российская газета. –2008.- № 261.
28. Об установлении предельных значений площади арендуемых помещений, приобретаемых субъектами малого и среднего предпринимательства при реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества, и срока рассрочки оплаты приобретаемого имущества: закон Республики Татарстан от 03.10.2008 № 79-РТ// Республика Татарстан. – 2008.– № 103.
29. О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.11.2009 N 134// Вестник ВАС РФ. - 2009. - N 12.– С. 174-179.
30. См.: Определение ВАС РФ от 28.09.2009 № 12312/09 - URL: <http://www.arbitr.ru> (дата обращения 1.08.2012).
31. См.: Бевзенко Р.С. Комментарий к информационному письму Президиума ВАС РФ от 5.11.2009 г. № 134 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. -2010.- № 3. – С. 92.
32. О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.11.2009 N 134// Вестник ВАС РФ. - 2009. - N 12.– С. 174-179.
33. Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества на 2010 год и основных направлений приватизации федерального имущества на 2011 и 2012 годы: распоряжение Правительства РФ от 30.11.2009 N 1805-р // Собрание законодательства РФ.- 2009. - N 50. - Ст. 6113.

Р.З. Камалов,
кандидат юридических наук,
мастер спорта международного класса
по греко-римской борьбе

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ТАКТИКИ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ

В работе на основе интеграции наук показан новый подход при построении системы тактики спортивной борьбы, а также приводятся определения важнейших понятий тактики единоборств.

Тактика в спортивной борьбе – одна из составляющих конечного успеха и, несомненно, нуждается в специальном научном анализе. Первоначально этот термин использовался только в военной науке, впоследствии, учитывая, что борьба – это противостояние сопернику, стали использовать это понятие и в спортивном поединке. В своем родовом понятии тактика – это теория и практика подготовки и ведения боя [1]. Спортивная интерпретация этого понятия вносит в него элемент условности, ибо очевидно, что нет равенства между военной тактикой и тактикой в спортивном единоборстве. Однако такие элементы тактики, как организация и планирование действий, оценочный и поведенческие моменты, наличие приемов осуществления действий, которые присущи и тактике борцовских единоборств, оправдывают употребление данного термина. Исходя из военной и криминалистической наук большинство ученых считают тактику сложной системой положений, приемов, рекомендаций, относящихся не только к производству отдельных действий, но и к организации и планированию этих действий в целом и к осуществлению различных мероприятий организационного и технического характера [1]. Таким образом, можно определить сущность тактики спортивной борьбы как «главное организующее начало в системе технических действий, тактических приемов, рекомендаций спортивной борьбы».

Понятия «тактический почерк», «тактическая зрелость», как отмечал профессор

Г.С.Туманян, ввел в теорию и практику А.Е.Воловик в 1958 году, выделивший группу тактических приемов при ведении схватки – «повторная» и «встречная атаки», «ложный прием», «ложные позы и захваты». Отмечая организующее начало тактического приема, он сделал вывод о том, что скорость мышления борцов должна опережать быстроту смены ситуации на ковче, для чего те должны уметь предвидеть события [2].

Системно вопросами тактики борьбы занялся автор первых двух учебных пособий и разделов техники, тактики, учебника по классической борьбе заслуженный тренер СССР А.Н. Ленц [3]. Тактику борьбы он определял как «наиболее целесообразное использование своих технических, физических и волевых возможностей в конкретно сложившихся условиях для достижения наилучшего результата в соревнованиях [4]. Позднее в учебнике по спортивной борьбе ученый формулирует слегка измененную трактовку дефиниции: «Тактика борьбы есть умелое использование технических, физических и волевых возможностей, с учетом особенностей противника и конкретно сложившейся ситуации в схватке и на соревнованиях» [3]. Определение по сути то же: слово «целесообразное» – заменено на «умелое» и справедливо, на наш взгляд, добавлено – «с учетом особенностей противника и конкретно сложившейся ситуации».

«Умелое» скорее всего характеризует качество действий, «целесообразное» – его необходимость. Как видим, определения

исходят из разных суждений и только на первый взгляд схожи.

Первоначально к тактике относили житейский подход или познания из прикладных наук, но вследствие увеличения конкуренции на международном уровне, с одной стороны, и развития отечественной науки - с другой, возникли предпосылки к научному подходу в ее рассмотрении.

По истечении многих десятилетий и даже веков произошла консолидация многих знаний из естественных, гуманитарных, технических наук, обогативших теорию и методику спортивной борьбы.

Тактика спортивной борьбы обогатилась современными познаниями и рекомендациями из психологии, психофизиологии, биомеханики, логики, методами планирования, прогнозирования, моделирования, методиками обучения базовой и многолетней подготовки спортсменов, базирующейся на социально-психологических, медико-биологических, методологических и иных новейших достижениях науки, техники, используемых на всех этапах спортивной деятельности в ходе учебно-тренировочного процесса, тактике участия в соревнованиях, чередованиях и тактике ведения схваток.

Исходя из интеграционных закономерностей развития теории и методики борьбы и исторически сложившихся разделов борьбы – общетеоретических основ, техники, тактики и методики подготовки борцов, требуется создание научно обоснованного понятийного аппарата элементов этих разделов и самих разделов как развивающихся систем. В рамках данной статьи рассмотрены решения этих задач по разделу тактики.

Обсуждая определение тактики, сформулированное А.Н. Ленцем, надо отметить новаторскую по тем временам научную деятельность специалиста, впервые основательно занявшегося вопросами тактики спортивной борьбы. Однако в свете вышеприведенных причин развития теории и методики борьбы данное определение А.Н. Ленца не характеризует в целом тактику борьбы как раздела, части системы спортивной борьбы, а охватывает «умелое ис-

пользование спортсменом своих спортивных качеств в конкретной схватке и в соревнованиях». Таким образом, общее, характерное для системы тактики, трактуется только через индивидуальное выражение способностей борцов в схватке и на соревнованиях. В данном определении еще отсутствует обобщение тактики как системы, состоящей в первой части из общих положений таких наук, как формальная логика, психология, теория информации, а также классификация собственных приемов тактики, созданных в рамках теории и методики спортивной борьбы и модифицированных из других наук.

Тактика борьбы тесно взаимосвязана, как справедливо писал А.Н. Ленц, с другими разделами спортивной борьбы, ее техникой и методикой. Она также связана с пропедевтикой, по мнению Г.С.Туманяна, определенной как новая дисциплина, введенной в учебные планы институтов физической культуры в начале 1970-х гг. Пропедевтика в спортивной борьбе предназначалась для формирования у студентов самых общих представлений о данном виде спорта, где излагаются фрагментарная история развития международного вида единоборств греко-римской и вольной борьбы, специфика спортивной деятельности, структуры спортивных достижений, модель тренерской деятельности, научной организации их труда, а также достижения тренеров и борцов СССР и России [2]. Представляется, что перечисленные сведения никак не отражают общенаучных основ теории и методики борьбы, которая должна обеспечивать мировоззренческие, общетеоретические основы любой науки, теории, методики, которыми являются диалектические методы, теория физического воспитания, социология физической культуры и спорта, психология и физиология человека, биомеханика, информационные и спортивные технологии тренировочных процессов, моделирования, учитывающие индивидуальность спортсмена.

Поэтому положения тактики спортивной борьбы являются подсистемой общетеоретических основ единоборства и пред-

ставляют развитие и углубление системно-деятельностного анализа спортивного единоборства. Опираясь на составные части общей теории, тактика, используя фундаментальные знания естественных, гуманитарных и технических наук, совершенствуется имеющиеся и создает новые тактические приемы и методики совершенствования мастерства борцов.

Таким образом, систему тактики борьбы считаем необходимым сформулировать в виде «системы научных положений, практических рекомендаций и разрабатываемых на их основе тактических приемов по ведению единоборств, реализации единиц техники, при участии в соревнованиях, а также использовании арсенала тактических приемов при базовой и многолетней подготовке борцов». В первой части системы тактики логично отметить первых ученых и тренеров-новаторов, сделавших вклад в теорию и методику борьбы, определение и классификацию тактических приемов, ситуаций, понятие тактического риска. Во второй части системы тактики предполагается уделить внимание педагогическому процессу обучения тактическому мастерству, исходя из всего арсенала тактических приемов.

Единицей тактики борьбы является тактический прием, который нуждается в правильной формулировке более точным и лаконичным языком, как «наиболее рациональное и эффективное осуществление тактического замысла ведения схватки, выбора стартового момента реализации технических действий, выполнения тактико-стратегических задач в ходе отдельного турнира и чередования соревнований». В отличие от определения, сформулированного А.Н.Ленцем, понятие «рациональное» - более удачный термин, как менее затратный, экономный, дозированный выбор в физическом, техническом, психологическом и временном аспекте, правильная ориентация спортсмена в конкретной динамической ситуации применения того или иного приема. В результате именно правильного выбора и достигается необходимый эффект. Научная обоснованность и положительная апробация тактического приема в рамках Правил единоборств означает как раз признание, что

этот прием и есть наиболее рациональный, наиболее эффективный, что его следует применять или что его можно применить во всех случаях.

Для решения познавательных задач, связанных со спортивным единоборством, используются всеобщие, диалектические методы и категории (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, гипотеза (версирование), переход количественных изменений в качество и закономерности детерменизма, проявляемые в ходе многолетней спортивной деятельности.

Широко применяются в спортивной деятельности общенаучные методы – наблюдение, описание, сравнение, эксперимент, интуиция, моделирование и данные иных наук (теория познания, теория отражения (рефлексия), теория физического воспитания и спорта, математических методов и методов компьютерной технологии).

О психологической подготовке борцов впервые писал в 1968 году А.Н. Ленц, оценивая слабую психологическую подготовку соперника как благоприятный фон для проведения технических действий в схватке [3]. Современный уровень психологических, психофизических наук расширили арсенал тактических приемов на основе знания структуры личности человека, наиболее адаптированного к определенной профессии, деятельности (работы психолога К.К.Платонова, создавшего такое учение, как профессиография) [5]. На ранней стадии использования психологических знаний в конце 60-х годов в подготовке сборной команды СССР привлекались и психологи, которые на том уровне психологических знаний внедряли аутогенные методы укрепления морально-волевых качеств, анализировали психологические особенности соперников из-за рубежа и, как писал Г.С.Туманян, воспитывали твердость характера [2].

Исследования отечественных и зарубежных психологов В.С.Мерлина, К.К. Платонова, Б.Г.Ананьева, Б.М.Теплова, В.Д.Небылицына, А.Н.Леонтьева, В.М.Русанова, Л.С. Выготского, Д.И.Узнадзе, Дж.Миллера, Е.Галантера, К.Прибрама и

психологов в области спорта П.А.Рудика, А.Ц.Пуни позволяют успешно использовать психофизические, формируемые и ситуативные психологические факторы спортивных перспектив спортсменов как в педагогическом аспекте, так и в использовании этих познаний в качестве психологических приемов на этапах селекции, в ходе базовой и многолетней подготовки борцов, при планировании и проведении единоборства с соперниками, обладающими определенными сензитивными и психодинамическими качествами.

Впервые о приемах планирования подготовки к схваткам писал А.Н.Ленц [3,4]. Помимо этого, ученый, оценивая организующую функцию планирования, определял пути и способы ее решения, последовательность необходимых действий, предусматривал правильную постановку задач тренировки, рациональное распределение соревнований; разумное использование средств, методов тренировки; правильное нарастание и чередование нагрузки; чередование нагрузки и отдыха; врачебный и педагогический контроль за реализацией составленного плана. Построение плана единоборства является элементом воспитания у борцов тактико-стратегического мышления, потому что, помимо логической, существуют и тактические основы планирования – это тот замысел, которым руководствуется спортсмен в ходе предстоящего единоборства и всего турнира, определяя последовательность и время своих действий – моменты не только организационного, но тактического порядка.

Родо-видовые таксоны тактических приемов в предложенной классификации [6] взаимосвязаны между собой, и потому возможны комбинации тактических приемов – сочетание двух или более приемов, которые борцы высокого класса используют для достижения необходимого результата.

В зависимости от кондиционной, координационной или технико-тактической подготовленности соперников в практике единоборств реализуются, как правило, тактические рекомендации – научно обос-

нованный и апробированный совет, касающийся выбора тактических приемов. Эта рекомендация может относиться к тактике проведения технических действий, ее элементам, стадии, выбору тактики ведения единоборства и множеству других хрестоматийных, закрепившихся в специальной литературе рекомендаций. Это позволит спортсмену четко придерживаться проверенных практикой советов. Например, придерживаться определенной стойки – левой, правой, высокой, низкой – против конкретного соперника или вести единоборство в высоком темпе против соперника, не обладающего специальной выносливостью. Рекомендации могут быть общими, применимыми любыми спортсменами в любой динамической ситуации. Рекомендации могут быть программированными, рассчитанными на определенного адресата – соперника или конкретную ситуацию. По справедливому мнению Г.С.Туманяна, писавшего, что «тактическое мышление должно быть и у стратега», Е.М.Чумаков, раскрывая аналитико-синтетическую фазу деятельности, в числе важных факторов выделил быстроту и гибкость принятия решений, что весьма важно в ходе проведения схватки [2]. Решение – один из необходимых моментов волевого действия, состоящих в выборе цели, предполагающий осознание цели и средств действия, мысленное совершение действия, предшествующее фактическому действию, мысленное обсуждение оснований, говорящих за или против его выполнения. Тактическое решение по своей структуре – сложное, охватывающее такие системы, как информационную, организующую и операционную. В информационную, по Е.М. Чумакову, могут входить такие приемы, как разведка, планирование и реализация тактики. Организационная часть содержит методы и направления действий, последовательность применения кондиционных и тактико-технических приемов в ходе ведения единоборства и при участии в соревновании. Операционная часть – это установление цели тактического воздействия, условий и способов ее достижения и прогнозируемых резуль-

татов реализации тактического решения [7]. Исходя из изложенного, тактическое решение представляет собой «волевой и интеллектуальный акт, основанный на анализе текущей ситуации, знании тактики и механизмов ведения единоборств, рекомендаций, личном опыте, интуиции, приводящий к выбору наиболее оптимального варианта действий».

В содержании системы тактики борьбы назрела необходимость анализа понятия ситуации, их видов, содержания и роли, которую она играет для стартового момента реализации тактико-технического арсенала борца. В литературе по спортивной борьбе ситуация рассматривается при проведении единиц техники в ходе проведения поединков. Однако это понятие охватывает условия, место, время проведения соревнований, поведение лиц, оказавшихся в сфере соревнований судей, должностных лиц, осуществляющих допинг-контроль. Эта сложная система взаимосвязей, образующая ту конкретную обстановку, в которой оказываются спортсмены, тренеры, иные специалисты различных служб, в которых протекает подготовительная, соревновательная или реабилитационно-восстановительная деятельность. Иными словами, под ситуацией понимается система, значимая для принятия тактического решения, информация, характеризующая конкретный реальный момент, прогностические и иные обстоятельства и связанная с организационными, тактико-стратегическими действиями. Ситуация в спортивном единоборстве образует в своей совокупности динамическую систему, постоянно изменяющуюся под воздействием объективных и субъективных факторов. Объективные факторы – это те не зависящие от спортсмена причины, которые вызывают изменения ситуации в турнире. К примеру, травма одного из конкурентов, изменяющая турнирное положение спортсменов. Она может возникнуть из-за не объективного судейства, мотивированного или немотивированного, сговора соперников и т.п.

Субъективные факторы - причины, порожденные действиями единоборцев, рекомендациями их тренеров, консультантов.

Система условий, создающая какую-либо ситуацию, состоит из следующих компонентов:

1. Компоненты психологического характера: диагностика подструктурных качеств личности соперников – темперамент и общие способности, направленность, опыт, степень участия сознания; система осознанных свойств характера – смелость, решительность, целеустремленность, настойчивость, координационные и кондиционные качества, оперативно-тактическое мышление, антиципация.

2. Компоненты информационного плана: осведомленность о спортивных качествах соперников, их намерениях. В литературе по борьбе давно используются термины, заимствованные из военной науки (например, предварительная разведка, разведка боем, разведка) [2]. Конечно, эти слова воспринимаются как условно применяемые, но каждая наука, учение и теории должны формировать свой понятийный аппарат. Для теории и методики борьбы представляется уместным использовать понятие диагностики, что в переводе с греческого означает распознавание - в нашем случае, спортивных и личностных качеств соперников.

3. Компоненты тактического характера: стиль ведения схватки, тактика подготовки условий и ситуаций проведения единиц техники, наличие тактического риска и возможности его минимизации, приемов защиты и противодействия (контрприемов) со стороны соперника, контроль ошибочных действий спортсмена и непредвиденные действия соперника.

Всякое действие борца, направленное на достижение тактико-технических целей, должно осуществляться в благоприятной или неблагоприятной ситуации. Решение ситуационных задач связано с той или иной фазой развития ситуации в единоборстве. Среди конфликтных в аспекте тактики следует выделить ситуацию тактического риска. Термином «риск» (от ит. *Risico* – «скала»; производным явля-

ется *artisskar* – «идти на скалу», шире – «подвергаться опасности») обозначается всякая возможность ущерба, угроза благам лица, в нашем случае тактический риск может быть определен как ситуация, грозящая провалом замыслу спортсмена.

Тактический риск является естественным явлением спортивного единоборства. Сама специфика борьбы делает необходимым принятие решений в условиях тактического риска, предвидение возможных отрицательных последствий и продуманность мер по ликвидации или ослаблению этих последствий, т.е. минимизация риска. Другими словами, риск – «это деятельность, осуществляемая в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в проигрышном положении, нежели до выбора» [8].

Какова мотивация спортсмена действовать в условиях риска?

Во-первых, это дефицит времени в ходе проигрываемой схватки или невозможность раскрыть глухую защиту соперника, в ограниченные новыми правилами борьбы двухминутные периоды.

Во-вторых, это информационная неопределенность, недостаточность данных о сопернике для принятия всесторонне взвешенного решения.

В-третьих, это уверенность спортсмена в своем превосходстве в ранге рефлексии над соперником.

В-четвертых, интуитивное предвидение успешности своих действий, несмотря на их рискованность.

В общем виде ситуация тактического риска характеризуется наличием неопределенности, возможностью неизбежного выбора и оценки вероятности осуществить намечаемый выбор [8].

Осознание проблемы и постановки задач по конструированию благоприятных динамических ситуаций – это моделирование действия с выводом возможного положительного и отрицательного результата. Минимизация тактического риска возможна, если прибегнуть к одному из следующих решений: изменить структуру тактического приема, направленную на изменение тактики соперника; модифици-

ровать способы проведения тактико-технических действий до изменения динамической ситуации; отказаться от порой логического верного и перейти, по Р. Петрову, к парадоксальному плану. Сравнить данную ситуацию тактического риска по аналогии с ранее возникавшими в личной практике, опыте других и оценить ранее примененные приемы на предмет их использования; использовать превосходства борца в ранге рефлексии и фактор внезапности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий: учебное пособие. - М.: Новый юрист, 1997.
2. Туманян Г.С. Школа мастерства борцов, дзюдоистов и самбистов: учебное пособие. - М.: Академия, 2006.
3. Галковский Н.М., Катулин А.З. Спортивная борьба: учебник. – М.: Физкультура и спорт, 1968.
4. Ленц А.Н. Спортивная борьба: учебное пособие для тренеров. – М.: Физкультура и спорт, 1964.
5. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. - М., 1985.
6. Камалов Р.З. Использование классификации тактических приемов как системного определителя спортивных и личностных качеств единоборцев в соревновательной практике // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. – 2012. - №1(7).- С.91-95 .
7. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов. - 2-е издание. – М., 2004.
8. Осипов Ю.Ю. Тактический риск производства следственных действий и его оценка//Криминалистика и судебные экспертизы. – Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД РФ.- 1995.-Ч.2.-С.36-39.

Н.Н. Новик,
кандидат педагогических наук (К(П)ФУ)

**ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ
С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ:
ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ ИХ РЕШЕНИЯ**

В статье представлен анализ ситуации, складывающийся при решении проблемы формирования коммуникативных способностей подростков с отклоняющимся поведением в условиях регионального полиязычия.

Недостаточное внимание к вопросам формирования коммуникативной культуры и осознанного отношения подрастающей личности к общению – одно из слабых мест организуемой в образовательных учреждениях воспитательной деятельности. Именно воспитание ясного коммуникативного осознания и чувства ответственности в общении должно составлять одну из центральных задач реализации педагогики предупреждения отклонений в поведении детей.

В любом обществе всегда существовали и будут существовать социальные нормы, то есть правила, по которым это общество живет. Нарушение или несоблюдение этих норм является социальным отклонением или девиацией. Данная проблема актуальна и сегодня. Нарушение общепринятых норм, отклонения в поведении есть и будет присутствовать в человеческом обществе.

Однако необходимо отметить, что термин «отклоняющееся поведение» может применяться к детям не младше 5 лет, а в строгом смысле - после 9 лет. Ранее 5 лет необходимые представления о социальных нормах в сознании ребенка отсутствуют, а самоконтроль осуществляется с помощью взрослых.

Нельзя забывать о том, что некоторые трудности в поведении детей носят возрастной характер и связаны с переживанием ребенком одного из кризисов развития (1-го года, 3-х лет, 7-и лет). Эти периоды в жизни ребенка, несмотря на его очевидную

трудновоспитуемость, свидетельствуют о нормальном ходе психического и личностного развития [1].

Если же применять термин «отклоняющееся поведение» к подросткам, то условно эту совокупность составляют дети так называемой «группы риска», или «трудные дети». В целом к категории детей «группы риска» педагоги обычно относят детей и подростков, личностные качества которых, характеристики имеют негативный полюс: непослушный, невнимательный, неспособный, невоспитанный, неконтактный, недоброжелательный и т.д. В силу самых различных причин, в том числе педагогических, психологических, генетических, они стали детьми, с которыми сложно установить добрые отношения, найти общий язык, привить положительные качества.

Анализ литературы показывает, что, как правило, специфическими признаками отклоняющегося поведения являются: нарушение не любых, а лишь наиболее важных для данного общества в данное время социальных норм; дестабилизация существующего порядка, причинение морального ущерба и др. Для того чтобы поведение можно было квалифицировать как отклоняющееся, оно должно согласовываться с общей направленностью личности. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации.

На основании проведенного анализа мы сделали вывод о том, что состав трудных школьников (учащихся общеобразовательных школ) неоднороден. Учителя, родители, работники других детских учреждений включают в число трудных не поддающихся воздействию, неуспевающих и недисциплинированных школьников, с которыми им трудно работать. Кроме того, сюда относят также детей, поступки которых носят характер правонарушений. «Трудность» этих детей (в данном случае речь идет о педагогической трудности, а не о какой-либо другой) обуславливается педагогической и социальной запущенностью, определенными отклонениями в состоянии психического и физического здоровья, а также особенностями переходного периода и эпизодическими трудностями жизни. В первом случае педагогическая трудность носит устойчивый характер, во втором – кратковременный [2].

На основе теории языковой личности и анализа эмпирического речевого материала выявлены типичные коммуникативные затруднения подростков: на вербально-семантическом уровне – неумение устанавливать личностный контакт с соблюдением норм речевого этикета, проявлять в общении эмпатию и др.; на когнитивном – неумение адекватно реагировать в общении на «ситуацию ожидания эффекта неожиданного», выражать ценностную установку и др.; на мотивационно-прагматическом – неумение включаться в коммуникативное ядро общения, реализовывать коммуникативную установку речи и др.

Выявление вида трудности подростка будет более точным при использовании следующих показателей в их единстве и взаимосвязи: учебная деятельность (успеваемость по учебным дисциплинам; уровни осознанности учения; наличие или отсутствие навыков учебной деятельности; учебно-познавательная активность; мотивация учения; пропуски занятий без уважительной причины; отношения, конфликтность с учителями и одноклассниками); приоритеты поведения (отношение к нарушениям норм общественного поведения, морали, права; соблюдение норм об-

щественного поведения, морали, права; антисоциальные предпочтения; привлечение за нарушения к ответственности; эмоциональные переживания и самооценка; волевые качества; агрессивность; внешний вид и культура поведения); коммуникативные связи (отношение к коллективной жизнедеятельности и коллективу; отношение к друзьям, сверстникам и их интересам; уровень общительности и эмпатии; конфликтность с друзьями и взрослыми, родителями); сфера интересов (широта интересов; творческая деятельность; отношение к спорту; отношение к здоровому образу жизни); взаимоотношение с родителями (отношение к воспитательным воздействиям родителей; отношение к семейным обязанностям; отношение к значимым семейным традициям; конфликтность с родителями); социальная активность (профессиональные намерения; отношение к общественно-полезной деятельности; жизненные ценности и ориентации; посещение культурных учреждений). Определение уровней проявления трудностей подростков критического, предельно допустимого и допустимого основано на сочетании разработанных показателей, а также на учете желаний и проявления самостоятельности подростка в решении собственных проблем [2].

Кроме того, коммуникативные способности как личностно важное качество подростка с отклоняющимся поведением формируются в определенной культурной, в том числе языковой среде, наделенной в немалой степени и национально-этническими особенностями. Новая языковая ситуация, возникшая в полиэтнических регионах в начале 90-х гг. XX века (к числу которых относится и полиязычная и многоконфессиональная Республика Татарстан), обусловила необходимость изучения родных языков как государственных. Успешный подросток должен хорошо владеть как минимум двумя государственными языками для эффективного решения различных задач в сфере учебной деятельности.

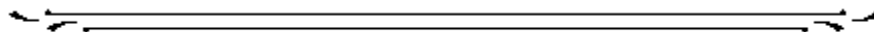
Поэтому развитие коммуникативных способностей подростков с отклоняющим-

ся поведением в условиях регионального полиязычия должно предусматривать опору тематических сфер и аспектов содержания соответствующей образовательной подготовки на элементарный жизненный опыт обучаемых – носителей одного языка – и соединение их с жизненным опытом носителей второго, третьего языка, на базе дискурса не только ее психологических черт, но философско-мировоззренческих

предпосылок, этно-национальных особенностей, социальных характеристик, историко-культурных истоков [3]. Кроме того, в процессе формирования коммуникативных способностей подростков с отклоняющимся поведением в условиях двуязычия (полиязычия) необходимо выбирать и структурировать тематику таким образом, чтобы они находили точки сопряжения в своем жизненном опыте.

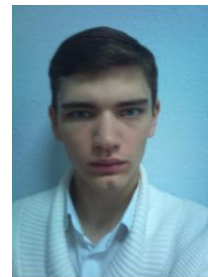
ЛИТЕРАТУРА

1. Змановская Е. В. Девиантология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 288 с.
2. Новик Н.Н. Формирование коммуникативных способностей у подростков с отклоняющимся поведением: дис... канд. пед. наук. – Казань, 2012. – 244с.
3. Габдулхаков В.Ф. Современная языковая коммуникация и технология развития речевой деятельности в условиях билингвизма: монография / под ред. доктора пед. наук, проф. Л.З.Шакировой. - Казань, 1999. — 207с.

К.В.Рылов,

аспирант Академии социального образования (г. Казань)

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАКАЗАНИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос о проблемах толкования закона и правоприменения при регламентации наказания неоконченного преступления. Изучены и представлены различные точки зрения известных российских юристов по данному вопросу. Выражена авторская позиция по вопросу обоснования привлечения к уголовной ответственности в связи с регламентацией наказания. Рассмотрены также некоторые особенности возникновения уголовного правоотношения неоконченной преступной деятельности.

Наказание за преступление – это явление социально-правовое. Его функция заключается в восстановлении истины в целях защиты интересов общества и государства.

Само по себе наказание есть мера государственного принуждения, установленная уголовным законодательством и назначаемая по приговору суда. Наказание за неоконченное преступление в целом несколько отличается от наказания за окончательное преступление.

Согласно общей теории уголовного права, преступление – это юридический факт уголовного правоотношения, возникающего по поводу назначения наказания. Но, согласно законам логики, общая теория права не имеет представления о неоконченном юридическом факте. Следовательно, исключается и возможность покушения на юридический факт. Поэтому, если нет преступления, не может быть и уголовного правоотношения, а значит, не может возникнуть и основания для наказания [1]. Отсюда однозначно напрашивается вывод: все, что наказывается в соответствии с Уголовным кодексом, может быть только преступлением.

Уголовный закон – это инструментарий, которым пользуется правоприменитель для достижения основополагающей цели своей деятельности – социальной справедливости. И поэтому он должен быть четким, ясным, не допускать двусмысленного толкования. Если обратиться к содержа-

нию статьи 29 Уголовного кодекса РФ (Оконченное и неоконченное преступление), наблюдаем следующее: в части 1 статьи указывается, что преступление признается оконченным, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ. Логически из этого следует, что неоконченное преступление, каким признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление, не содержит всех признаков состава преступления в отличие от окончательного преступления. А статья 8 УК РФ гласит, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки преступления, предусмотренные Уголовным кодексом. Что же в таком случае является основанием уголовной ответственности за неоконченное преступление и в каком соотношении находятся с институтом неоконченного преступления такие понятия, как «общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания» или «действие (бездействие), формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом» (ч. 1, 2 ст. 14 УК РФ). Законодатель не раскрывает содержания этих понятий, что вносит некоторую путаницу в понятийный аппарат уголовного права.

Право является феноменом и социальным, и нормативным. Все, что лишено социального содержания и общественных

потребностей, для права ревалентно (т.е. не имеет силы), ибо материальное содержание, его сущность всегда первичны, а его юридические формы и право в целом – вторичны, производны от первых [2]. Поэтому, чтобы разобраться в этих неясностях и определиться, что в действительности стоит за интересующими нас правовыми дефинициями, есть смысл обратиться, прежде всего, к первичному – т.е. тем социальным явлениям, которые должны отражаться в уголовном праве.

Уже в первой половине XIX века российские ученые стали активно заниматься разработкой теории неоконченного преступления и озадачились проблемой назначения справедливого и соразмерного наказания. Эта проблема имела особое смысловое значение и сохраняет его в настоящее время. О наличии юридического факта преступления правоприменитель может говорить, только когда установит соответствие между признаками конкретного реального случая и описанием этих признаков в уголовном законе. Руководствуясь законодательным описанием, правоприменитель отличает один юридический факт от другого. Но, во-первых, считаем, что этот подход не должен быть формальным. Во-вторых, наблюдение показывает, что нередко случаи нечеткости или неполноты описания признаков в уголовном законе. По этой причине возникают затруднения в правоприменительной практике. Необходимость уяснения правильного содержания описания часто вызывает потребность в толковании уголовного закона применительно к отдельному случаю.

В сфере деятельности уголовной юстиции органы занимаются установлением или отсутствием такого юридического факта, как преступление. Следует отметить, к примеру, что сущность преступления, как явления отношения между признаками деяния и их описанием, довольно точно была выражена в определении преступления еще в советский период в «*Основах уголовного законодательства СССР*» (1958 г.) Преступлением признавалось предусмотренное уголовным законом об-

щественно опасное деяние, посягающее на общественные ценности того времени. Особенность этого определения состоит в том, что оно изначально ориентировало правоприменителя на выяснение вопроса, действительно ли установленное соответствие свидетельствует об общественной опасности конкретного индивида. Обращаясь к формулировке понятия преступления в УК РФ 1996 г., мы видим: законодатель вынужден констатировать, что преступление – это деяние, признаки которого предусмотрены Уголовным кодексом. Из содержания новеллы части 2 статьи 14 УК РФ следует, что задачу применения уголовного закона законодатель, как и ранее, видит в применении уголовного преследования к лицам, общественная опасность которых проявилась в совершенном деянии.

В современной российской науке уголовного права сложилось стойкое убеждение, что уголовное право возникло как реакция общества на наиболее опасные для интересов личности, общества и государства деяния, что наказание направлено на деяние, а личность, в сущности, не более чем придаток этого общественного деяния и ее признаки в уголовном праве служат только индивидуализации наказания [3]. В связи с этим, отметим, что некоторые уголовно-правовые системы предлагают считать в центре уголовного запрета личность, индивида, поскольку проявленная им в поступке моральная склонность к агрессии заслуживает порицания со стороны общества [4]. Подобную точку зрения можно встретить и у юристов зарубежных стран. Так, в уголовном законе Швейцарии и Германии оценочным критерием также является «степень общественной опасности лица, а не деяния» [5]. Данная проблема возникла в странах Западной Европы уже в начале XX века, когда международную криминалистическую общественность остро начал интересовать вопрос: должна ли в основание карательной деятельности государства быть положена оценка опасного состояния личности преступника и в каком соотношении к наказанию при его регламентации должны стоять меры социальной защиты против опасных преступников.

Рассмотрев различные точки зрения касательно данного вопроса, убеждаемся, что уже простое наблюдение показывает: «объектом воздействия всей системы уголовного права часто является не столько само действие, сколько совершившая деяние личность с присущим ей уровнем сознания» [6].

С этим можно соглашаться или нет, но, думается (и практика это показывает), что при привлечении лица к уголовной ответственности и определении соответствующего наказания (кроме формального установления соответствия признаков деяния их описанию в уголовном законе) абсолютное практическое значение имеет как характер совершенного деяния, так и личность, совершившая конкретное преступление, с точки зрения общественной опасности.

Характерная для уголовного права борьба между различными научными направлениями способствовала появлению такого института уголовного преследования, как приготовление к преступлению и покушение на преступление. Вопросы правоприменения и наказания неоконченных преступлений встречаются в трудах таких известных ученых, как С.И. Баршев, А.Н. Орлов, С. Будзинский, Л.Е. Владимиров и других.

Ученые по-разному определяли основание уголовной ответственности при неоконченном преступлении, равно как не наблюдалось единого мнения и по проблеме степени наказуемости. Особо исследователи подчеркивали сложность разграничения стадий приготовления и покушения, которые характерны для начала исполнения преступного действия. Это было важно при регламентации наказания, так как приготовительные действия, по общему правилу, не подлежали уголовному наказанию в отличие от покушения на преступление.

Но мнения ученых по данному вопросу разделялись. Например, профессор С.И. Баршев, обращаясь к проблеме наказуемости приготовления утверждал, что это должно быть обязательно наказуемо. Но, отметим, что именно С.И. Баршев, касаясь

вопроса о мерах наказания, настаивал на назначении менее строгого наказания за приготовление, чем за покушение.

О необходимости назначения редуцированного наказания за предварительную преступную деятельность высказывались и другие исследователи русского уголовного права, в частности, профессор Н.Д. Сергеевский. Профессор А.Ф. Кистяковский, хотя и разделял точку зрения о ненаказуемости приготовления, в качестве исключения оговаривает отдельные случаи наказуемости приготовления к преступлению: во-первых, когда приготовленные действия составляют самостоятельный состав преступления, во-вторых, приготовление к особо опасным видам преступлений (умышленное создание объективной возможности для причинения вреда и ущерба), так как приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям обладает высокой степенью общественной опасности. Такая точка зрения нам представляется вполне логичной и последовательной, хотя многие представители классической школы уголовного права того периода считали, что государство должно предпринимать меры безопасности и предупреждать приготовительные к преступлению действия, но наказывать на стадии приготовления не может. Если обратиться к истории, в трудах русских юристов XIX столетия мы также не находим сторонников полного освобождения от наказания лиц, виновных в покушении на совершение преступления.

Итак, ученые по-разному определяют основание уголовной ответственности при неоконченном преступлении. Многие считали, что только оконченное преступление действительно нарушает уголовный закон. А покушение на то или иное преступление наказуемо только в том случае, если оно образует самостоятельный состав преступления. Другие, напротив, полагали, что покушение само по себе уже преступление, даже если оно осуществлено не в полной мере, но проявился умысел субъекта на совершение преступления, соответственно, покушение всегда наказуемо. Хотя, по мнению Л.Е. Владимирова, покушение должно подлежать все же менее строгому

наказанию, так как отсутствие объективного вреда уменьшает виновность [7]. О необходимости законодательного определения различия между совершением и покушением говорили и другие русские криминалисты А.Н. Орлов и П.Д. Калмыков, признавая необходимость наказуемости покушения, так как проявление преступного намерения в деянии «нельзя считать юридически дозволенным» [8].

В свою очередь, изучив всю совокупность разнообразных мнений, другой российский ученый Ал. Чебышев-Дмитриев пришел к выводу о некоторой несостоятельности данной позиции, полагая, что в этом случае уравниваются понятия покушения и оконченного преступления, тогда, собственно, следовало бы назначить равное наказание как за покушение, так и за оконченное преступление, что было бы неверно [9]. Трудно не согласиться с этой точкой зрения.

Изучив разнообразие мнений по рассматриваемой проблеме, приходим к выводу: вряд ли возможно покушение поставить на одинаковую степень наказуемости с оконченным преступлением. Такое сопоставление прежде всего противостояло бы основополагающему принципу справедливости. Кроме того, наказание должно быть соизмеряемо не только со степенью злого умысла, но и со степенью развития деяния.

Позднее отдельное внимание начали уделять вопросу о добровольном отказе от начатого преступного деяния в связи с регламентацией наказания. Добровольная остановка деяния признавалась обстоятельством, устраняющим наказуемость совершенного, хотя обоснования криминалистов были также неоднозначны: интересы предотвращения преступлений (Т.Л. Сергеева); отсутствие вины и, следовательно, общественной опасности субъекта, совершившего приготовление к преступлению (Н. Лясс) и др. Еще одна точка зрения – при добровольном отказе от совершения преступления отпадает общественная опасность деяния и лица, но состав преступления остается (А.А. Тер-Акопов).

Возникает проблема установления основания для исключения уголовной ответственности при добровольном отказе. По мнению большинства авторов, единственным основанием, исключающим уголовную ответственность при добровольном отказе, является отсутствие в деянии признаков состава преступления [10].

Мы склонны придерживаться этой точки зрения с поправкой лишь на то, что подход к определению основания наказуемости и регламентации наказания не должен быть формальным. Исходя из логического толкования закона, можно сделать единственный вывод о том, что преступление признается неоконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся не все признаки состава преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ. Однако такой вывод не устраняет существующее противоречие между ст. 8 и ст. 29 УК РФ. То есть получается, что, привлекая лицо к уголовной ответственности за совершение неоконченного преступления (ч. 3 ст. 29 УК РФ), правоприменитель нарушает ст. 8 УК РФ, согласно которой единственным основанием привлечения лица к уголовной ответственности является совершение им деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ. Тогда на каком основании лицо привлекается к уголовной ответственности? Налицо противоречие. Следовательно, приходим к выводу: деянием, содержащим все признаки состава преступления, следует считать покушение и приготовление к конкретному преступлению и лицо должно привлекаться к уголовной ответственности, если совершены только такие подготовительные действия, которые обладают признаками, установленными в ст. 30 УК РФ. Особенностью этих преступлений является тот способ, которым законодатель устанавливает признаки состава преступления. Обычно все признаки объективной стороны состава преступления закрепляются в Особенной части Уголовного кодекса РФ, а признаки объективной стороны «покушения» и «приготовления» устанавливаются как в Общей, так и в Осо-

бенной частях УК РФ. Для того чтобы возникли уголовные правоотношения, необходимо установить факт того, что общественно опасное, противоправное деяние совершено (ст. 14 УК РФ). Если преступная деятельность лица прервана по не зависящим от него обстоятельствам в момент, когда он приготавливался или непосредственно начинает совершать задуманное преступление в определенных законом случаях, устанавливается юридический факт совершения лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления. То есть появляется основание для привлечения этого лица к уголовной ответственности.

Состав такого преступления при юридической квалификации совершенного деяния выражается путем указания статьи Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 30 УК РФ, предусматривающую, в каких именно случаях деяние квалифицируется как преступление.

Итак, разрешение возникающих противоречий, оказывающих существенное

влияние на судебную практику и субъективное толкование законов в вопросах правоприменения, вызывает существенную необходимость в том, чтобы законодателем была верно отображена социальная объективная реальность. Прежде всего, необходимо правильно описать содержание юридического факта, лежащего в основе уголовного правоотношения, т.е. законодательное определение преступления (не столь формальное, содержащееся в ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Очевидно, что законодательная конструкция не должна быть безликой нормативной формулой. Уголовный закон должен содержать ясное, логически последовательное понятие общественно опасного деяния, тех его форм, в которых оно проявляется в социальной реальности. То есть привести в логическое соответствие с социальными реалиями уголовно-правовые понятия «оконченного» и «неоконченного» преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милюков С., Дронова Т. Определение понятия неоконченного преступления в современной уголовно-правовой литературе//Уголовное право. -2008. -№ 2. -С. 42.
2. Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты//Уголовное право. -2005. -№ 5. -С. 45.
3. Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. -М., 2001. -С. 14.
4. Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д.ю.н. - М., 2007. - С. 7.
5. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. - М., 2002. - С. 50-51.
6. Гонтарь И.Я. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект//Уголовное право.-2007. -№ 1. -С. 16-19.
7. Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Часть общая. - Харьков, 1900. -С. 106.
8. Орлов А.Н. О покушении на преступление по началам науки и современным законодательствам. -М., 1899.-С. 5.
9. Чебышев-Дмитриев А. О покушении на преступление. - М., 1900. - С. 7, 47.
10. Энциклопедия уголовного права/ Изд. проф. Малинина. – СПб. Т. 5: Неоконченное преступление. - С. 343-344.

В.Г. Костромов,
соискатель

**РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЁ ИНСТИТУТОВ
В ЭКОНОМИКЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

В статье рассмотрены основные этапы становления российской экономики

Формирование российской финансовой системы как сектора сугубо рыночной экономики началось в переходный период по мере преобразования плановой экономики в рыночную, по мере демонтажа отношений общенародной собственности. Деятельностью ее преобразованных институтов на государственном уровне было обеспечено проведение кредитно-денежной и финансовой политики, под воздействием которой складывалась новая система взаимоотношений макро-и микроэкономических субъектов, формировался новый механизм хозяйствования. В этот же период шел интенсивный процесс формирования институтов рыночной инфраструктуры (всякого рода биржи, коммерческие банки, финансовые структуры, страховые компании и пр.). Их деятельность была направлена прежде всего на накопление денежного капитала под денежный этап приватизации и постприватизационный передел объектов собственности. В ходе последнего прежде всего корректировались итоги инсайдерской модели акционирования как способа ваучерной приватизации крупных объектов. Институтами финансовой системы заполнялся и вакуум, образовавшийся в связи с упразднением государственных институтов управления. Однако ввиду неразвитости институтов финансовой системы на этапе ее становления, их преимущественной ориентации на накопление денежного капитала функции рыночного механизма хозяйствования выполнялись ими слабо.

Зарождение финансовой системы прямо и непосредственно связано с раздвоением товарного мира на товар и деньги. Такое раздвоение вело к зарождению денежного обращения и законов, его регулирующих, на

основе которых определяется денежная масса в обращении, корректируемая функциями, выполняемыми деньгами. Вполне естественно появление институтов финансовой системы, взявших на себя регулирование денежных потоков. Финансовые институты получают всеобщее распространение по мере перехода от натурального хозяйства к рыночному капиталистическому. Формируется развитая финансовая система, представленная функционально многообразными институтами, такими, как, например, специализированные коммерческие банки, осуществляющие трансформацию сбережений в инвестиции посредством движения кредита; биржа труда в связи с превращением рабочей силы в товар и формированием рынка труда; товарная биржа, выполняющая функции по реализации товаров определенного вида и пр.

Дальнейшее развитие рынка капитала связано с усложнением отношений собственности, что нашло выражение в появлении и широком распространении со второй половины XIX в. такой разновидности ассоциированной собственности, как акционерная. Ею был порожден принципиально новый институт финансовой системы в облике фондовой биржи. Она является особой разновидностью финансового рынка как рынка капитала, призванной обслуживать движение акционерного капитала. Особенность последнего — его двоякое бытие. Обособление потребительной стоимости от стоимости происходит теперь не на уровне простого товара, а на несравненно более сложном, на уровне капитала в облике акционерного — как высшей формы денежного капитала. При таком обособлении потребительная стоимость представлена натурально-вещественной формой

акционерного капитала, пребывающего в реальном секторе экономики. Его денежная форма обособливается в облике ценных бумаг — акций и облигаций, сферой обитания которых оказывается финансовая система. Акционерный капитал в денежной форме приобретает самостоятельное бытие на особом рынке — рынке ценных бумаг, первичном и вторичном. Соответственно и управление акционерным капиталом раздваивается: с одной стороны, оно осуществляется менеджерами акционерных компаний в соответствии со стратегией, определяемой собственниками компании, с другой — фондовой биржей как специализированным институтом рыночной системы.

Институты финансовой системы отнюдь не исчерпываются названными. Они функционально чрезвычайно многообразны. Но важно подчеркнуть то обстоятельство, что финансовая система именно в рамках капиталистической рыночной экономики получает всестороннее развитие, хотя возникновение ее простейших институтов относится к эпохе натурального хозяйства и связано с зарождением в недрах последнего товарного производства и товарного обращения, формированием допотопных форм капитала — купеческого и ростовщического — как исторических предшественников промышленного.

В российской экономике процесс становления капитализма оказался спрессованным во времени. В течение исторически кратчайшего срока практически одновременно происходит образование торгового и банковского капитала как предшественников промышленного. Наряду с этим осуществляется прямое превращение наиболее экономически привлекательных производственных фондов в промышленный капитал путем их присвоения тем или иным способом без всякого денежного капитала. Товарное производство в индустриальной постсоциалистической экономике возникает в его высшей форме — в форме капиталистического. Более того, произошедшая в советский период монополизация экономики явилась основой возникновения акционерной формы собственности в ходе акционирования бывших ПО и НПО. Акционерный капитал в свою очередь породил фондовую биржу. Все это произошло

в течение практически одного десятилетия. При таких темпах становления новой системы экономических отношений в российской экономике нет убедительных оснований говорить о провале рыночной реформы в стране.

Аналогичный процесс в развитых странах протекал медленно и постепенно. В длительной истории капиталистической рыночной экономики можно выделить два основных этапа развития, которым соответствуют две ее модели: исторически и логически исходной является рыночная экономика эпохи свободной конкуренции, на определенном этапе развития эволюционирующая в более сложную — смешанную. По мере этой эволюции более сложной, совершенной и разветвленной становилась и финансовая система национальной экономики, достигшая к настоящему времени в западных странах апогея своего развития.

В социалистической плановой экономике товарно-денежные, рыночные отношения развивались либо в форме теневой экономики, либо вынужденно допускались сверху. Однако возможности их развития были чрезвычайно ограничены отношениями общенациональной собственности. Такие категории, как деньги, товар, цена, прибыль и пр. не были насыщены соответствующим содержанием, экономика не регулировалась законами товарного производства, коль скоро экономические отношения социалистического производства были не товарными, а планомерными, поэтому обращение материальных благ и услуг, регулируемое директивным планом, по существу не было товарным обращением.

Становление подлинно рыночных отношений по мере разгосударствления экономики создало предпосылки для формирования в недрах национальной экономики товарного производства. Преобразования в реальном секторе сопровождались рыночным преобразованием финансовой системы, что нашло отражение в коренном изменении природы и функций государственных финансовых институтов, начиная с банковской системы. Так, наряду с Центральным банком, приобретшим независимость от исполнительных органов власти и перестраиваю-

щим свою деятельность в соответствии с законами денежного обращения, появляются коммерческие, призванные выполнять присущие им функции. В коммерческие банки превратились и бывшие специализированные государственные банки, адаптационные способности которых оказались, однако, чрезвычайно низкими, в силу чего большинство из них рухнуло во время финансового кризиса 1998 г.

В связи с акционированием государственных предприятий появляется фондовая биржа, регулирующая движение акционерного капитала. Обращение превращающихся в товар материальных благ и услуг опосредуется товарной биржей, приходящей на смену государственной системе снабжения и сбыта готовой продукции. Появляется биржа труда, берущая на себя функции по регулированию рынка рабочей силы в его региональном, отраслевом, секторальном и пр. аспектах. Появляются страховые компании, негосударственные пенсионные, паевые инвестиционные и прочие фонды. Все они в совокупности образуют тесно взаимодействующие институты финансовой системы, призванной обслуживать различные потребности реального сектора экономики, чем и определяется их функциональное многообразие. Каждый из них регулирует соответствующий рынок: товаров и услуг, капитала, рабочей силы, недвижимости и пр.

Все эти институты находятся в состоянии становления. За годы преобразований они существенно изменились. Остановимся, например, на роли фондовой биржи в российской экономике в процессе ее развития. Как известно, фондовый рынок возник в связи с акционированием наиболее крупных государственных предприятий еще на этапе ваучерной приватизации. За прошедший период он не получил широкого развития ввиду целого ряда обстоятельств, и прежде всего вследствие тяжелого финансового положения большинства акционированных предприятий. Его основная функция в 1990-е гг. свелась к консолидации акционерного капитала в процессе формирования контрольных и блокирующих пакетов акций. Но к началу нового века рынок ценных бумаг обрел внутреннюю устойчивость, что позволило в

более полной мере выполнять соответствующие ему функции в качестве инвестиционного института. Если в 1996 г. объем инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на фондовом рынке, составлял всего 0,6 млрд долл., то в 2002 - уже 5,6 млрд долл., из них 1,8 - на внутреннем. По мере преодоления дефицита долгосрочных ресурсов основным инвестором становится отечественный, в том числе — мелкий частный. Так, доля зарубежных сделок с российскими акциями снизилась с 84 % в 1998 г. до 44-52 % в 2001-2003 гг. Важно и то, что окрепли позиции отечественного фондового рынка на рынке капитала, ослабла его зависимость от мирового финансового и сырьевого рынков. Ныне именно отечественный фондовый рынок оказывается более доступным и выгодным для российских компаний относительно банковского кредитования. И это при том, что основная масса свободных денежных средств по-прежнему традиционно для постсоциалистического общества тяготеет к банковскому сектору вследствие неразвитости небанковских институциональных инвесторов и в еще большей мере — неосвоенности широкими слоями населения вновь появившихся не менее, а порою и более прибыльных способов вложения денежных сбережений, позволяющих к тому же обрести — например, в качестве акционера — статус собственника. Российская банковская система и поныне ориентирована на краткосрочное кредитование, хотя доля долгосрочных сбережений в последние годы увеличивается, успешно идет процесс капитализации. Между тем предприятия реального сектора в условиях острой необходимости их финансового оздоровления путем осуществления глубокой структурной перестройки инновационного характера испытывают потребность прежде всего в долгосрочных кредитах. Решение этой проблемы требует дальнейшего развития рынка капитала в ходе конкурентной борьбы между его сегментами, какowymi выступает рынок заемного капитала и рынок ценных бумаг.

К настоящему времени емкость российского внутреннего фондового рынка велика: он считается крупнейшим среди развивающихся рынков. Выявились основные факторы

его укрепления, к числу которых можно отнести следующие: возросла капитализация операторов фондового рынка, сложилась устойчивая клиентская база, отработан механизм взаимодействия между брокерами и клиентами, брокерами и торговой системой, преодолена ограниченность финансовых ресурсов, поступающих на фондовый рынок, произошла переориентация кредитных компаний с управления финансовыми потоками на капитализацию фирмы, снижены барьеры для входа на фондовый рынок для реципиентов инвестиций, принят Кодекс корпоративного поведения, что сопровожда-

лось увеличением до 50 % числа компаний, выполняющих его требования.

Велика потребность, наряду с этим, в усилении роли государства в формировании фондового рынка посредством прямого участия в выводе на рынок эмитентов, создания новых финансовых инструментов, усиления стимулирующей роли государства посредством установления налоговых приоритетов, способствующих притоку инвестиций в реальный сектор экономики через рынок ценных бумаг, превращения его в рынок рублевых активов.

А.Х. Гарифуллина
(КЮИ МВД России)

О.С. Сухарева,
слушатель (КЮИ МВД России)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОТОКОЛ КАК НОВЫЙ ВИД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНОГО АСПЕКТА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье исследуется проблема возможности замены протокола следственного действия и других процессуальных документов предварительного расследования на электронную форму фиксации в целях процессуальной экономии, рассмотрены проблемы электронного протокола (документа) через призму понятия доказательства, его достоверности, электронной подписи и применения опыта электронного протокола в зарубежных государствах.

Удостоверительный аспект занимает особое место в сущности уголовного судопроизводства. Данная сторона уголовного процесса соподчинена с основной его частью – информационной, которая призвана быть базой для разрешения основных уголовно-процессуальных вопросов, подлежащих установлению в процессе доказывания по уголовному делу: о виновности лица, в отношении которого выдвинуто обвинение; о применении к виновному справедливой меры наказания; о принятии мер по возмещению вреда, причиненного преступлением и т.д.

Информационный аспект – это сумма знаний, любых сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, также обозначаемых как предмет доказывания. Удостоверительный аспект позволяет информационную составляющую в уголовном деле привести в определенную систему, структуру, форму и заключить ее в материалы уголовного дела, что позволяет использовать информацию в формулировании обвинительных тезисов, проверке актов действий должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу в соответствии с законом. Благодаря удостоверительному аспекту возможно обеспечение прав и законных

интересов участников, в отношении которых ведется процесс, принимающих участие в уголовном деле и чьи интересы затрагиваются в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Этот же аспект дает возможность органам предварительного расследования реализовывать свои полномочия, отстаивать законность и обоснованность предпринимаемых ими действий и выносимых решений.

Несомненно, состязательность уголовного процесса предполагает придание большего значения устности судебного разбирательства, для которого устность является обязательным общим условием. Однако досудебное производство по-прежнему должно оставаться письменным делом производством в целях обеспечения оперативного контроля со стороны прокурора, суда за законностью и обоснованностью процессуальной деятельности следователя и дознавателя. Например, основной формой удостоверения доказательственной деятельности, т.е. введения в уголовное дело доказательства, является протокол. Причем закон признает в качестве основного средства удостоверения актов доказывания протокол именно следственного действия, т.е. такого действия, в ходе которого возможно получение доказатель-

ства, и посвящает протоколу следственного действия отдельную статью 166 УПК РФ.

В то же время протокол составляется также при проведении иных процессуальных действий. Например, при принятии залога, при наложении ареста на имущество, при наложении денежного взыскания о нарушении участником уголовного судопроизводства в досудебном производстве, при ознакомлении участников с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, при ознакомлении участников процесса с материалами уголовного дела. В последнем случае законодатель отсылает правоприменителя при составлении протокола ознакомления с материалами уголовного дела к статье 166, как уже упоминалось, регулирующей правила составления протокола следственного действия. В остальных же случаях законодатель указывает только на необходимость составления протокола, не ссылаясь при этом на статью 166 УПК. Считаем это простым упущением. Несомненно, и в этих случаях протокол должен составляться по правилам ст. 166 УПК.

В связи с этим совершенно справедливо утверждение ряда авторов, что протокол следственного действия как был, так и остается основной и обязательной формой его фиксации[1]. В то же время опыт практики работы полицейских других государств свидетельствует, что на досудебном производстве удостоверение может проводиться путем составления иных документов, если их в качестве таковых можно называть. Например, в США полицейский фиксирует результаты своей беседы (интервью, опроса) с подозреваемым, свидетелем и другими лицами в записной книжке сотрудника полиции, а впоследствии – в отчете по итогам расследования конкретного дела[2]. Таким образом, основным документом удостоверения в данном случае предстает отчет полицейского, т.е. один документ, в котором излагается проделанная работа и полученные результаты. Налицо значительная экономия во всех направлениях.

Подавляющая часть рабочего времени следователя, дознавателя затрачивается на составление процессуальных документов. Процедура составления письменных документов со времен печально знаменитого Акакия Акакиевича изменилась незначительно: появились бланки, да на смену гусиным перьям пришли гелевые ручки. Впрочем, согласно процессуальным кодексам, протоколы могут быть отпечатаны на машинке или составлены с помощью компьютеров[2].

Обратимся к зарубежному опыту. К примеру, в Канаде ведение протоколов в суде 20 лет назад заменено многоканальной звукозаписью. По желанию участники процесса получают стенограмму всего процесса. Техника бесстрастно фиксирует каждый звук, на недобросовестность следователя свалить свою вину не удастся. Особо хочется уделить внимание тому, что уголовные дела не загромождены большим количеством процессуальных документов и вместо толстенных многотомных дел там тоненькие папочки, в которых подшиты только базовые процессуальные документы, освещающие движение дела, в то время как все следственные действия там зафиксированы на CD-носителе. Благодаря такому подходу существующие для нас процессуальные проблемы в Канаде просто отсутствуют[4].

Опыт зарубежных стран, несомненно, имеет значение для решения проблем в российской уголовно-процессуальной практике, в частности экономии времени и снижении «бумажной волокиты» не только досудебного производства, но и всего уголовного судопроизводства в целом. На наш взгляд, решение данной проблемы возможно путем замены бумажного протокола следственных действий на электронный носитель. Закономерно встает вопрос: может ли сегодня электронный документооборот сменить бумажный полностью или юридически значимые документы по-прежнему обязательно должны храниться в бумажных архивах, заверенные собственноручной подписью и печатью?

Многие до сих пор считают, что документ, имеющий юридическую силу, – это

бумага, оформленная по определенным правилам, заверенная подписью и печатью уполномоченной организации, но технологические возможности развиваются и в настоящее время электронные документы также могут быть юридически значимыми, если в них используется электронная подпись (далее ЭП) – электронный аналог собственноручной подписи. Согласно нововведениям в российском законодательстве при соблюдении определенных условий ЭП используется для определения лица, подписывающего информацию. В соответствии с ФЗ от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[5] электронный документ с ЭП имеет юридическую силу при осуществлении требований, указанных в сертификате ключа подписи. Для того чтобы воспользоваться ЭП на так называемых АРМ (автоматизированных рабочих местах), необходимо программное обеспечение VipNet при каждой операции с применением ЭП, необходимо вводить пароль доступа к ключевому контейнеру, идентифицировав пользователя по данным его сертификата.

Разберемся с тем, что следует понимать под электронным документом (протоколом). Понятие электронного документа существовало в Федеральном законе от 10.01.2002 № 1-ФЗ (ред. от 08.11.2007) «Об электронной цифровой подписи»[6], который гласил, что электронный документ – это документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

На сегодняшний день вступил в законную силу новый федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2011), в котором данное понятие утратило свою силу.

Однако понятие электронного документа дается в другом Федеральном законе. Согласно ФЗ № 149 от 27.07.2006 года «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[7] понятие электронного документа трактуется, как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных

вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Данное понятие было введено Федеральным законом от 27.07.2010 № 227-ФЗ[8].

В ходе предпринятого анализа нормативных правовых источников в части, касающейся понятия электронного документа, единого понимания данного термина не выявлено. Отсутствует и юридически действующий федеральный закон об электронном документе, представленный в настоящее время в виде проекта, в котором отражены особенности использования электронных документов гражданами Российской Федерации или зарегистрированными в соответствии с законодательством Российской Федерации юридическими лицами, определены основные требования, предъявляемые к электронным документам, а также установлено правовое положение электронных документов в системе документооборота. Также в данном проекте федерального закона представлено понятие электронного документа. Так, согласно п. «б» ст. 2 проекта федерального закона «Об электронном документе», электронный документ – форма подготовки, отправления, получения или хранения информации с помощью электронных технических средств, зафиксированная на магнитном диске, магнитной ленте, лазерном диске и ином электронном материальном носителе[9]. Наибольший интерес для нас представили существующие ГОСТы Российской Федерации. Например, ГОСТ 2.051-2006, согласно которому электронный документ – документ, выполненный как структурированный набор данных, создаваемых программно-техническим средством[10]. Кроме терминов, в данном межгосударственном стандарте, который был подписан более 10 странами, отражена информация об области применения электронных документов, нормативно-правовая база, регулирующая систему электронного документооборота, а также содержит информационные технологии в области применения электронной цифровой подписи, процедуры ее выработки и проверки.

Возвращаясь к положениям проекта федерального закона «Об электронном документе», приведем требования к информации, зафиксированной на электронном материальном носителе. Так, документ признается электронным, если информация:

- создается, обрабатывается, хранится и передается с помощью электронных технических средств;

- подписана с соблюдением требований, предусмотренных действующим законодательством;

- может быть представлена в форме, пригодной для восприятия человеком, не обладающим специальными техническими навыками;

- если при его составлении, хранении, передаче использован предусмотренный государственными или международными стандартами либо соглашением сторон способ, позволяющий достоверно идентифицировать составителя электронного документа.

Действительность электронного документа (ЭД) – это составление ЭД с соблюдением требований закона, который обладает юридической силой, одинаковой с письменным документом[11].

Таким образом, правовая основа для введения электронного протокола и в уголовный процесс, можно сказать, уже сформирована. Кроме того, основные требования, предъявляемые к электронным документам, представляемым в качестве доказательств в уголовном процессе, уже содержатся в п. 6 ч. 2 ст. 74 и ч. 2 ст. 84 УПК РФ. Однако ни в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ни в комментариях УПК РФ не дается понятие «иные документы», а в ч. 2 ст. 84 УПК РФ законодатель лишь указывает на то, что «документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде». К таковым могут относиться материалы фото- и киносъемки, ауди- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса. К сожалению, понятия «в ином виде» и «иные носители информации» законодатель не расшифровывает.

В то же время определенные шаги законодатель в этом направлении сделал. Так, законодатель в соответствии с вышеуказанными нормативными правовыми актами заменил в части 8 ст. 166 название «носители компьютерной информации» на «электронные носители информации, полученной или скопированной с других носителей электронной информации...»[12].

Однако считаем это недостаточным, и наше предложение состоит в том, чтобы электронный протокол был отнесен не к группе иных документов, а признавался в уголовно-процессуальном законодательстве как протокол следственных действий и судебных заседаний в соответствии со ст. 83 УПК РФ. Например, при допросе или осмотре места происшествия и др.

При несомненной положительности электронного протокола для делопроизводства встает закономерный вопрос, будет ли являться данный протокол допустимым доказательством. Протоколы следственных действий должны быть скреплены подписями всех участников – данное требование является обязательным. Трудно представить, как можно поставить подпись не на материальном носителе, т.е. не на бумажном протоколе. Решение данной проблемы лежит в технологическом и законодательном прогрессе страны. В зарубежных странах все шире используется уже упоминавшаяся электронная цифровая подпись, в особенности в банковской системе. Отсутствуют какие-либо препятствия по распространению данного опыта и внедрению его в отечественное уголовно-процессуальное законодательство.

В России в 2002 году был принят федеральный закон «Об электронной цифровой подписи». В нем даны общие положения, понятие и условия использования цифровой подписи. Так, электронная цифровая подпись – реквизит электронного документа, предназначенный для защиты данного электронного документа от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи и позволяющий идентифицировать владельца сертификата

ключа подписи, а также установить отсутствие искажения информации в электронном документе. Также электронная цифровая подпись в электронном документе признается равнозначной собственноручной подписи в документе на бумажном носителе[13].

Электронная подпись, согласно новому федеральному закону от 06.04.2011 г. «Об электронной подписи», – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию[14].

Электронный документ признается подписанным, если при его подписании использован какой-либо аналог собственноручной подписи, предусмотренный федеральным законом (электронная цифровая подпись) и если использован предусмотренный государственными или международными стандартами либо соглашением сторон способ для идентификации подписавшего лица и указание на то, что это лицо согласно с информацией, содержащейся в электронном документе, и добровольно подписывает электронный документ[15].

С учетом данных норм использование электронной подписи будет соответствовать требованиям допустимости и электронный протокол можно будет признать доказательством в уголовном судопроизводстве.

Для внедрения электронного протокола необходимо соответствующее программное обеспечение, целесообразное использование компьютерных технологий в уголовном процессе значительно повысит показатель работы и в недалеком будущем отчетливо сможет продемонстрировать положительные результаты, тем самым доказав свою востребованность. В настоящее время зарубежные страны накопили достаточный опыт работы с такого рода компьютерными технологиями и при необходимости можно воспользоваться их знаниями в разрешении вопросов, которые будут воз-

никать при использовании электронных документов.

К примеру, суды в Англии и Уэльсе переходят на безбумажную технологию – судьям, прокурорам и адвокатам выдали планшетные компьютеры Hewlett-Packard стоимостью около 1000 фунтов (по нашим меркам около 40 000 рублей) каждый, в память которых загружены все документы, необходимые для ведения процесса. Таким образом, отпадет необходимость использовать документы в бумажной форме. Несмотря на немалую цену устройств, их применение обойдется дешевле, чем использование огромного количества бумаги – для каждого судебного процесса обычно распечатываются документы, весящие десятки и сотни килограммов[16].,

Первыми в апреле 2012 года планшетные компьютеры получили сотрудники Королевской прокурорской службы, затем подобные устройства планировалось выдать судьям и адвокатам. Полицейские следователи также теперь будут направлять документы в суд в электронной форме. Шотландия и Северная Ирландия имеют собственную судебную систему, так что их эта реформа не коснется.

В соответствии с планами, перевод судов Англии и Уэльса на безбумажную технологию позволит сэкономить до 50 миллионов фунтов (78,5 миллиона долларов) к середине 2015 года, когда закончится срок полномочий нынешнего правительства и парламента Великобритании.

Эта мера осуществляется в рамках программы сокращения государственных расходов. Правительство таким образом обещает к концу срока своих полномочий ликвидировать дефицит госбюджета.

На наш взгляд, в России можно использовать и аналоги планшетных компьютеров, их выбор должен зависеть от функциональных возможностей, необходимых для ведения уголовного судопроизводства.

Несомненно, будущее за развитием электронного протокола. Альтернативные средства закрепления процессуальной информации по объему содержащихся в них сведений превосходят протокол. По мнению Ю.Н. Соколова, альтернативные сред-

ства фиксируют последовательность получаемых сведений, интонации, паузы, логические ударения, чем транслируется общая направленность и атмосфера допроса, что существенно дополняет порой смысл устного сообщения и не отраженного на бумажном носителе в протокольной форме[17]. Он также уточняет, что альтернативные средства фиксации могут применяться следователем (дознавателем) не для простого дополнения протокола, а для более точного отражения в действительности ретроспективного события преступления и его обстоятельств, которые закреплены в нем в самом общем виде либо совсем недоступны протоколированию. Более того, он делает заключение, что предпочтение следует отдавать последним (электронным носителям. – прим. наше), несмотря на то что УПК РФ акцентирует внимание на протоколе[18].

На их внедрении настаивают многие другие авторы-исследователи[19].

Подводя итог выше сказанному, основываясь на законодательстве других отраслей права, предлагаем внести изменения в классификацию уголовно-процессуальных доказательств. Если электронный документ, признаваемый доказательством, будет иметь признаки, указанные в ст. 81 УПК РФ, к примеру, служить орудием преступления или средством его, то его можно будет отнести к вещественным доказательствам. То же можно сказать и об электронных документах, которые содержат характеризующий материал, различные справки, запросы, все те документы, которые отражают процессуальную деятельность следователя, согласно ст. 84 УПК РФ, могут отнестись к иным документам. Электронный документ может также выступать в качестве протокола следственных действий, если будет отвечать требованиям, установленным настоящим кодексом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенцов В.А., Гладышев О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. - М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 71.
2. См.: Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. - М., 2002. - С. 228.
3. Колоколов Н.А. Есть ли альтернатива бумажному протоколу? // Мировой судья.-2006. -№ 12. -С. 7-8.
4. Там же. С. 7-8.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «Об электронной подписи» // Российская газета. - 2011. - № 75. - 08 апреля.
6. Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи»: № 1-ФЗ от 10.01.2002 // Парламентская газета.- 2002. - 12 января.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.04.2011, с изм. от 21.07.2011) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. - 2006.- 29 июля.
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 149-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. - 2010. -2 августа.
9. Постановление ГД ФС РФ от 15.06.2011 № 5472-5 ГД «О проекте Федерального закона № 159016-4 «Об электронном документе» // Собрание законодательства РФ. -2011.- № 26. - Ст. 3720.
10. ГОСТ 2.051-2006 Электронный документ. Общие положения // Единая система конструкторской документации. - М.: Стандартинформ, 2007.- С. 2.
11. Проект ФЗ № 39828-8 «Об электронном документе» [Электронный ресурс] / Институт свободы. Московский либертариум, электрон, дан. -М., 2002. Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/25162>, свободный.

12. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" № 143-ФЗ от 28.07.2012 // Российская газета. - 2012. - 01 августа.
13. Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи»: № 1-ФЗ от 10.01.2002 // Парламентская газета. -2002. -12 января.
14. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «Об электронной подписи» // Российская газета. -2011. -08 апреля.
15. Проект ФЗ № 39828-8 «Об электронном документе» [Электронный ресурс] / Институт свободы. Московский либертариум, электрон, дан.- М., 2002. Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/25162>, свободный.
16. Суды Англии и Уэльса переходят на безбумажную технологию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=649558>, свободный.
17. Соколов Ю.Н. Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Российский судья. -2010.- № 6. -С. 31.
18. Там же. - С. 31.
19. Терехин В.А., Федюнин А.Е. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве // Российская юстиция. -2006.- № 1.- С. 24.

А.Х. Гарифуллина
(КЮИ МВД России)

И.Г. Сафаров,
слушатель (КЮИ МВД России)

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УПРОЩЕННЫХ ФОРМ
ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье исследуются и обосновываются предпосылки возникновения и развития в современном российском уголовном процессе упрощенных форм производства: особого порядка судебного разбирательства и досудебного соглашения о сотрудничестве. Анализируются последние исследования указанных новелл в уголовно-процессуальном законодательстве и уголовном судопроизводстве России.

Появление в российском УПК новой главы 40-1 подтолкнуло ученых-процессуалистов к новому витку споров о допустимости, необходимости и других проблемах, связанных с институтом «сделок о признании вины»[1]. Исследователи указывают на несовершенство нового института «досудебное соглашение о сотрудничестве»[2]. Поэтому считаем необходимым рассмотреть схожий институт, функционирующий в англо-саксонской правовой системе, и выявить его особенности, которые можно было бы учитывать при его имплементации в совершенно иную континентальную правовую среду, то есть в российский уголовный процесс.

Институт «сделок о признании вины», или, как его еще называют, «сделка с правосудием», возник в рамках англо-саксонской правовой системы. Формирование данной упрощенной и ускоренной формы уголовного судопроизводства произошло в начале XIX века в США. Так, Апелляционный суд Нью-Йорка в одном из своих решений датировал возникновение указанной упрощенной формы отправления правосудия 1804 г.[3] В последующем «сделки о признании» (plea bargaining) достаточно быстро получили распространение в США

и отчасти в Англии, как отмечает английский юрист-процессуалист А. Эшворт, в «английском праве указанный процессуальный институт применяется в гораздо меньшей степени, что связано с негативным отношением высших британских судебных органов к участию судей в переговорном процессе между сторонами»[4]. Так, например, в США этому способствует то, что plea bargaining рассматривается как альтернатива общему порядку уголовного судопроизводства, т.е. громоздкому и затратному суду присяжных. Окончательное же закрепление данного правового института в уголовном судопроизводстве США происходит в XX веке. В 1970 г. Верховный Суд США признал конституционность практики «сделок о признании», окончательно ее легализовав[5].

С введением главы 40 УПК РФ в 2001 году, а впоследствии и главы 40-1 УПК РФ в 2009 году не утихают споры относительно необходимости, целесообразности и соответствия российскому менталитету созданных этими главами правовых институтов «особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (гл. 40 УПК РФ) и «особого порядка принятия су-

дебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (гл. 40-1 УПК РФ).

Те, кто возражал против введения института сделки о признании в российское право, приводили, прежде всего, довод о его идеологической неприемлемости[6]. Так, наиболее последовательный противник введения этого института – профессор И.Л. Петрухин – в основу своей аргументации положил исходный тезис о том, что данный институт чужд российскому менталитету[7].

Однако в связи с этим необходимо отметить, что особый порядок судебного разбирательства не является для российского права новым институтом, более того, многие положения гл. 40 УПК РФ практически зеркально отражают схожие нормы прошлых веков[8]. Как отмечает Глухов Д.И., со времен Русской Правды и до XIX века признание вины обвиняемым считалось важнейшим доказательством виновности в совершении преступления. В случае такого признания судебное разбирательство упрощалось, и дальнейшее судебное следствие не проводилось, что было предусмотрено в Русской Правде, Судебнике 1550 г., Артикуле воинском и Кратком изображении процессов или судебных тяжб от 30 марта 1716 г. [9]

К моменту проведения Судебной реформы 1864 г. и, как следствие, издания Устава уголовного судопроизводства Российской империи (УУС) в российском уголовном процессе сформировался самостоятельный институт, во многом схожий с существующим в УПК РФ особым порядком судебного разбирательства. Данный процессуальный порядок заключался в том, что после открытия судебного заседания, оглашения обвинительного акта (жалобы частного обвинителя) председатель разъяснял существо обвинения и спрашивал у подсудимого, признает ли он себя виновным. В случае если подсудимый признавал свою вину, ему задавались вопросы относительно обстоятельств совершения преступления, в котором он обвиняется (ст. ст. 678-680 УУС). Согласно ст. 681 УУС, если признание подсудимого не

вызывало никакого сомнения, суд, не производя дальнейшего исследования доказательств, мог перейти к заключительным прениям[10]. Также по ст. 682, судьи, просящие, прокурор и участвующие в деле лица могут потребовать, несмотря на сделанное подсудимым признание, судебного исследования, и в таком случае суд приступал к рассмотрению и проверке доказательств[11]. Таким образом, можно говорить о существовании в XIX в. в уголовном процессе России практически полной аналогии с институтом, обозначенным в гл. 40 УПК РФ.

Советский уголовный процесс, как указывает Д.И. Глухов, также создал аналогии современного особого порядка судебного разбирательства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 282 УПК РСФСР 1923 г., если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и давал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон. Однако в случае какого-либо требования из судей или сторон суд был обязан произвести судебное следствие, несмотря на наличие признания подсудимого[12].

Еще одним видом ускоренного производства в советской период являлось учрежденное в 1920 г. производство в дежурной камере народного суда, закрепленное в ст. ст. 360-365 УПК РСФСР. Четкий круг уголовных дел, по которым допускалась указанная форма производства, УПК не определялось, однако для рассмотрения дела в дежурной камере народного суда необходимы были такие условия, как задержание обвиняемого, признание им вины, если дело не требует особого расследования. Последнее определялось органом дознания, которому и принадлежала инициатива направления уголовного дела в дежурную камеру народного суда. В указанный суд могло быть направлено любое уголовное дело, в том числе и тяжкое, если оно было «вполне выяснено», а материал, в нем содержащийся, является «совершенно достаточным». Кроме того, ука-

занное производство исключало необходимость досудебного производства и составления обвинительного акта. Полное и непосредственное судебное следствие, производимое на общих основаниях, и участие защитника также являлись необязательными.

Однако впоследствии при принятии Уголовно-процессуального кодекса 1960 г. законодатель отказался от использования различных упрощенных процедур судебного разбирательства и аналогов особого порядка судебного разбирательства. Тем не менее институт, похожий на особый порядок принятия судебного решения, был введен позже, уже в современной России частью 2 ст. 446 УПК РСФСР в 1993 г. Он позволял производить в суде присяжных сокращенное судебное следствие при наличии полного признания вины всеми подсудимыми, причем эти признания не должны оспариваться сторонами и не должны вызывать сомнения у судьи после того, как подсудимые были допрошены по поводу предъявленного обвинения и других обстоятельств дела. При наличии согласия всех участников суд был вправе ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые они укажут, либо объявить судебное следствие окончанным и перейти к прениям сторон [13].

В дореволюционный и советский периоды развития уголовного судопроизводства проведение сокращенного судебного разбирательства было поставлено в зависимость от признания подсудимым вины, однако в ныне действующем УПК РФ 2001 г. возможность не проводить в полном объеме судебное разбирательство поставлена в зависимость от согласия, обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) [14].

Таким образом, налицо предыстоки особого порядка судебного разбирательства – в виде различных упрощенных процедур при признании обвиняемым своей вины на протяжении большей части истории развития права в нашей стране. Поэтому считаем, что было бы неверно согласиться с Петрухиным И.Л. и полагать, что данный институт чужд российскому

менталитету. Ведь вся история развития уголовного судопроизводства в нашем государстве показывает наличие аналогичных особому порядку судебного разбирательства институтов и их успешное функционирование, и восприимчивость к ним россиян.

В то же время необходимо отметить тот факт, что правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием какой-либо предыстории в российском уголовном процессе не имеет и является для него совершенно новым и уникальным явлением, которое будет проверено временем на жизнеспособность.

Полагаем, что главой 40-1 УПК РФ в российском уголовно-процессуальном праве создан не просто аналог «делок о признании вины», или правовой институт расширенной формы деятельного раскаяния, а совершенно новый правовой институт и механизм, в чем мы отчасти соглашались с А.В. Смирновым [15]. По нашему мнению, в законодательстве РФ появился правовой институт, сочетающий в себе отдельные элементы и признаки как «делок о признании вины» (признание вины в совершении преступления, замены уголовного наказания менее строгим наказанием, переговорный процесс между сторонами обвинения и защиты), так и деятельного раскаяния (активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления), а также упрощенного порядка судопроизводства, так как судебное решение в случае применения данной процедуры будет принято в особом порядке. Тем самым этот правовой институт будет способствовать совершенствованию и изменению уголовно-правовой политики государства, следовательно, предоставляя новые формы, методы и способы противодействия все изменяющейся преступности. Однако насколько успешно будет функционировать этот инструмент противодействия преступности, зависит в первую очередь от деятельности правоохранительных органов и судов.

Несмотря на ряд существенных недостатков института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием полагаем, что данный институт приживется в российском уголовном процессе. А законодатель, обратив внимание на последующее его правоприменение устранить его недостатки. Также необходимо указать, что глава 40-1 УПК, став естественным продуктом нашего правового развития, может служить примером того, как правовая форма изменяет смысл чуждого ей явления, приравливая его к условиям новой среды. Эта правовая форма реализации уголовного преследования проникнута принципом целесообразности[16], которая требует глубокого исследования.

Более того, данный институт получил своеобразное развитие, в связи с чем в УПК РФ была введена новая глава 40-1 «Досудебное соглашение о сотрудничестве», при котором также применяется особый порядок судебного разбирательства. Также необходимо указать, что глава 40-1 УПК, став естественным продуктом нашего правового развития, может служить примером того, как правовая форма изменяет смысл чуждого ей явления, приравливая его к условиям новой среды. Эта правовая форма реализации уголовного преследования проникнута принципом целесообразности, которая требует глубокого исследования.

Более того, данный институт получил своеобразное развитие, в связи с чем в УПК РФ была введена новая глава 40-1 «Досудебное соглашение о сотрудничестве», при котором также применяется особый порядок судебного разбирательства. Также необходимо указать, что глава 40-1 УПК, став естественным продуктом нашего правового развития, может служить примером того, как правовая форма изменяет смысл чуждого ей явления, приравливая его к условиям новой среды. Эта правовая форма реализации уголовного преследования проникнута принципом целесообразности, которая требует глубокого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. -2009. -№ 8. -С. 3-11; Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве// Уголовный процесс.- 2009.- № 10.-С. 5-6.
2. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс.- 2009. -№ 10.- С.5-6, 9-10.
3. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве.- СПб., 2002. - С. 182.
4. Цит. по: Дудоров Т.Д. Институт "сделки о признании": зарубежный опыт и российская модель ускоренного судебного разбирательства в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ // Общество и право. - 2009. - № 2.- С. 42.
5. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств.- 2-е изд.- М., 2002.- С. 246-247.
6. См., напр.: Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Российская юстиция.-1998. - № 7.- С. 17-19; Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Российская юстиция. -2001.- № 5. -С. 37-38.
7. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. -2001. -№ 5. - С. 35-36; он же. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. - М.: ТК Велби, 2004.- Часть 1. - С. 83-85.
8. Глухов Д.И. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. - 2009.-№ 11. - С. 24.
9. Там же. - С. 24-26.
10. Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / под ред. О.И. Чистякова. - М.: Юридическая литература, 1991.- С. 186; цит. по Глухову Д.И.: Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. - 2009. - № 11.- С. 26.
11. Там же.
12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // СУ. - 1923. - № 7. - Ст. 106.
13. Глухов Д.И. Указ.раб. - С. 28-29.

14. Днепровская М.А. Процессуальное значение признания вины и согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением в истории науки российского уголовного судопроизводства // Журнал российского права. - 2009. - № 4. - С. 114.
15. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. - 2009. - № 10. - С.5-6, 9-10.
16. Обсуждаем Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 05.06.2009), закрепляющий досудебное соглашение о сотрудничестве – "сделку о признании вины" // Электронный ресурс, режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/>, свободный.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

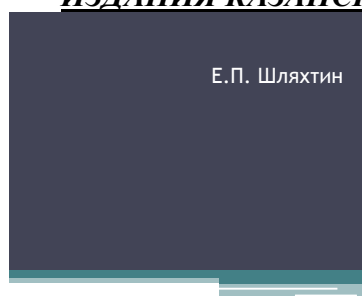
Шляхтин Е.П.

Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: курс лекций/ Е.П. Шляхтин. – Казань: КЮИ МВД России, 2012. – 215 с.

Курс лекций по Общей части учебной дисциплины «Основы оперативно-розыскной деятельности» подготовлен в соответствии с нормами российского законодательства, регулирующим правоотношения в сфере оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных на её осуществление, с учетом внесенных в неё изменений и нормативными правовыми актами, принятыми на их основе. В курсе лекций рассматриваются: исторический аспект развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и её становления как самостоятельной отрасли юридических знаний; сущность ОРД ОВД и её значение в борьбе с преступностью; задачи, принципы и правовая основа ОРД; субъекты и средства ОРД ОВД; понятия ОРМ, их виды, основания и условия проведения.

Для самостоятельной подготовки предлагаются вопросы тестовых заданий.

Курс лекций рассчитан на сотрудников оперативных и иных подразделений органов внутренних дел, курсантов, слушателей, студентов и преподавателей КЮИ МВД России.

ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А.П. Мазуренко,
студент-магистр Института Физики, К(П)ФУ

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ: ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА КВАЛИФИКАЦИЮ И ПРИЗНАКИ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации с точки зрения защиты информации.

За последние полтора десятка лет интерес к так называемым «компьютерным преступлениям» не ослабевает. Первая активность, проявленная в данном направлении российскими законодательными органами, была, в основном, спровоцирована мировой статистикой, однако в дальнейшем неуклонный рост числа преступлений в информационной сфере в российской практике привлек к ним обоснованное внимание сначала правоохранительных органов, а затем прессы и широкой общественности.

В современной жизни границы распространения и применения информационных технологий чрезвычайно велики и продолжают расти. Различные вычислительные устройства и сетевые технологии активно используются не только на абсолютном большинстве предприятий, но и в быту для обработки и передачи данных самых разных направленностей и уровней конфиденциальности. Естественно, что такие условия применения вызывают и ряд проблем, связанных с сопутствующей большой протяженностью и структурной сложностью соответствующих технологических решений, с необходимостью анализа, контроля и защиты сетевого трафика. Чрезвычайно динамичное развитие информационных технологий привело к тому, что в электронной форме обрабатываются гигантские объемы критически важных данных, компрометация которых может привести к нарушению персональных или коммерческих интересов, значительным материальным убыткам и даже угрозе национальной безопасности. Естественно, что при этом происходит быстрое развитие компьютерной преступности, причем динамика такова, что законодвор-

ческая практика и методики, используемые правоохранительными органами, физически не способны реагировать на изменения своевременно. Законодательство настолько статично, что законопроект устаревает за время его подготовки.

В качестве примера можно привести грядущие поправки к ГК РФ и, в частности, широко обсуждаемые поправки к статье 1233, которую предлагается дополнить пунктом 6 о так называемых «свободных лицензиях». Фактически, это нововведение необходимое и давно ожидаемое, однако некоторые связанные с ним положения, в частности, необходимость заявлять о «возможности безвозмездно использовать ... результат интеллектуальной деятельности ... путем размещения заявления на официальном сайте федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности» [1] не выдерживает никакой критики. Приведенная модель неприменима к множеству современных успешных и широко используемых на условиях свободных лицензий проектов, таких как Wikipedia, Firefox, множество дистрибутивов ОС Linux, разрабатываемых большим сообществом в режиме мелких правок. Их легальное функционирование в Российской Федерации и удобство тысяч пользователей ставится возможным принятием описанных поправок под вопрос.

Между тем бурная «гонка вооружений» между специалистами по взлому компьютерных систем и специалистами по защите информации не мешает некоторым образом формализовать этот процесс. Руководящие документы также быстро устаревают, и многие из них давно потеряли актуальность (например, требования РД «Средства вычислительной техники. За-

щита от несанкционированного доступа к информации. Показатели защищенности от несанкционированного доступа к информации» уже давно неактуальны, однако активно используются, в том числе – для целей сертификации защищенных систем), однако ключевые понятия и подходы построены с максимальной возможной полнотой, таким образом, что способны полноценно описывать любую реализуемую на сегодня автоматизированную систему. С другой стороны, даже такие основополагающие документы, как 28 глава УК РФ, теряют актуальность настолько быстро, что попытки привести их в соответствие с условиями реальной действительности производятся постоянно но, на наш взгляд, неизменно безуспешны.

В частности, очередная серьезная поправка в главу 28 УК РФ введена федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ. Несмотря на значительное изменение текста главы и полную смену понятийного аппарата, закон не устранил всех неточностей и даже ввел некоторые новые. Так, компьютерная информация определяется новым законом как «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов» [2], что является явно ограниченной формулировкой, поскольку в сетях передачи данных сегодня активно используются также радиоканалы и оптоволоконные линии, да и превалирующими на рынке являются магнитные и оптические носители информации.

Оборотной стороной обсуждаемой проблемы являются искажение смысла законов и их заведомая нелогичность, вносимые в безуспешных попытках обеспечить максимальную юридическую полноту и общность. При этом надо заметить, что такой подход не решает уже имеющихся проблем неоднозначной трактовки, а только, опять же, порождает новые, что часто значительно усложняет работу следствия. Обращаясь к той же редакции главы 28 УК РФ, мы видим, что давняя проблема законодательства, приводящая к весьма неоднозначной квалификации обширного ряда преступлений, совершаемых с применением компьютерных систем и систем передачи данных, но не яв-

ляющихся чисто компьютерными, не решена. Значительная брешь осталась в вопросе квалификации различных видов компьютерного и сетевого мошенничества, взломов банкоматов и терминалов оплаты и прочих подобных преступлений, которые зачастую приходится квалифицировать по целому набору статей.

С другой стороны, в статью 273 УК РФ в качестве квалифицирующего признака включено «создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для нейтрализации средств защиты компьютерной информации» [2], то есть, в том числе, норму статьи 48.1. ЗоАП РФ. Это положение не только еще больше размывает формулировку закона и вызывает путаницу, но и приводит к явному несоответствию наказания и тяжести преступления. В соответствии с новой нормой, в компетенции следователя приравнять друг другу автора программного обеспечения для взлома систем компьютерной защиты любой сложности, твердо осознающего свои действия и зарабатывающего таким преступным путем на жизнь, и человека, использующего полученную им неизвестным путем программу для обхода технических средств защиты авторских прав. Налицо явное несоответствие всех признаков объективной и субъективной сторон преступлений, которые могут быть квалифицированы по одной статье.

С нашей точки зрения, надежным решением в сложившейся ситуации может стать изменение самого подхода к формированию законодательства. Использование в качестве основы понятийного аппарата, используемого в сфере защиты информации, позволит не только значительно замедлить процесс устаревания законодательства и повысить его актуальность, но и приведет к его унификации, а значит, к большей интеграции юридического аспекта основных процедур защиты информации с техническим и наоборот. Конечно, все это актуально при условии активного использования услуг технических кон-

сультантов в ходе разработки любой документации.

Так, сформулированы и успешно используются критерии защищенности информации [3]:

1. Конфиденциальность – обеспечение доступа к информации только авторизованным пользователям;

2. Целостность – обеспечение достоверности и полноты информации и методов ее обработки;

3. Доступность – обеспечение доступа к информации и связанным с ней активам авторизованных пользователей по мере необходимости.

По нашему мнению, именно факт посягательства на любой из этих критериев безопасности информации на защищаемом объекте следует использовать в качестве основы для формулирования признаков состава преступления в сфере компьютерной информации. Используя такой подход, даже в рамках имеющихся трех статей 28 главы УК РФ можно значительно повысить актуальность текста, облегчить классификацию преступлений и привязать ее к конкретным инцидентам, регистрируемым специализированным программным обеспечением или оборудованием.

К примеру, статья 273 УК РФ, с точки зрения такой логики формулирования положений законодательства, может быть оформлена так: «Создание и распространение специализированного программно-аппаратного обеспечения, заведомо предназначенного для нарушения конфиденциальности, целостности или доступности компьютерной информации или компьютерных программно-аппаратных комплексов».

Такое определение, на наш взгляд, позволит эффективно отличать собственно

компьютерных преступников от правонарушителей, совершающих преступления, не относящиеся непосредственно к преступлениям в сфере компьютерной информации, однако совершаемых с применением компьютерных систем и сетей передачи данных.

Понятно, что это лишь оторванный от практики пример и подход к законодательству в данной ситуации должен быть системным. Кроме того, подобный подход к формированию законодательства не может быть введен сиюминутно. Для этого необходимо наличие в законодательных органах некоторого штата консультантов, будет необходима некоторая переподготовка специалистов на местах, в следственных, судебных органах, важен также учет изменений в программах образования юридических вузов. Без дополнительной, хотя бы поверхностной подготовки юридических специалистов по техническим аспектам компьютерных преступлений – компьютерным технологиям, защите информации – польза подобных нововведений сведется к нулю.

С другой стороны, это значительно упростит работу технических специалистов в области защиты информации, а в перспективе – и следственных органов, поскольку средства защиты компьютерных систем будут предоставлять информацию об инцидентах в тех же критериях, что описаны в квалифицирующих признаках, повысится общий уровень технической и юридической грамотности. Что, в итоге, способно привести к значительному повышению эффективности работы всех служб и систем, ответственных за пресечение и расследование компьютерных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект изменений в ГК РФ. URL: <http://privlaw.ru/files/zakonoproekt.doc> (дата обращения 12.02.2012).
2. Федеральный закон № 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 7 декабря 2011 года.
3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005 – Практические правила управления информационной безопасностью. – М.: Стандартинформ, 2006. – 62 с.
4. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юридический мир, 2007.